

Клод Гюго

ЗАПИСКИ ОБ ИНДИИ

Перевод с французской рукописи,
примечания и вступительная статья

К. А. АНТОНОВОЙ

Издательство «Наука»

Главная редакция
восточной литературы

Москва 1977

9(M)31
Г 99

CLAUDE HUGAU
NOTTES SUR L'INDE.
D'APRÈS UN VOYAGE
FAIT PENDANT LES ANNEES 1769, 1770, 1771, ET 1772.
PAR M. HUGO CAPITAINE DE DRAGON.
ANNÉE MDCCLXXV

Перевод под редакцией
Е. И. БЕЛЯКОВОЙ

Ответственный редактор
Л. Б. АЛАЕВ

Гюго Клод

Г 99 Записки об Индии. Пер. с франц., предисл. и
примеч. К. А. Антоновой. М., Главная редакция во-
сточной литературы издательства «Наука», 1977.

224 с.

Книга представляет собой публикацию перевода рукописи по истории Индии конца XVIII в. Автор записок, французский драгунский капитан, пробывший в Индии 1769—1772 гг., описал происходившие на его глазах события, а также обычаи и нравы местного населения. Издание снабжено вступительной статьей и примечаниями К. А. Антоновой.

9(M) 31

Г 10605-106
013(02)-77 78-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

КЛОД ГЮГО И ЕГО «ЗАПИСКИ ОБ ИНДИИ»

Этот труд французского драгунского капитана Клода Гюго представляет собой обработанный им дневник путешествия в Индию в 1769—1772 гг. Он никогда не публиковался. Перевод сделан с рукописи 1775 г., хранящейся в Научной библиотеке Львовского университета. Рукопись¹ написана витиеватым писарским почерком XVIII в. выцветшими чернилами из чернильного орешка на толстой бумаге с водяными знаками. Она переплетена вместе с несколькими другими французскими рукописями в обложку из твердого картона с корешком тисненой телячьей кожи. Библиотека приобрела эту рукопись в декабре 1933 г. у антиквара Хирземанна (Лейпциг). Мне сообщил о наличии во Львове этой рукописи лучший знаток библиографии Индии в Советском Союзе Г. Г. Котовский.

Другая копия рукописи хранится во Французском архиве в Париже. О ней упоминает французский историк Р. Глашан в своей книге «История Индии глазами французов», где «майору Гюго» (как его называет автор) отведена часть главы². Глашан приводит небольшие отрывки из рукописи (в общей сложности 3—4 страницы) и кратко рассказывает о военной карьере Гюго до Французской революции, основываясь на неполном послужном списке, хранящемся в этом архиве. О самой рукописи Глашан отзывается восторженно: «Она написана с воодушевлением, непринужденностью и точностью, благодаря чему мы как бы переносимся в самое сердце событий, полна приключений не вымышленных, а реальных, в ней даются подробности, казалось бы мелкие, но помогающие нам лучше представить себе окружающую обстановку». Анализируя тираноборческие высказывания майора Гюго, Глашан пишет, что у него «язык и манера выражаться ученика Жан-Жака Руссо,

но военного». Далее Глашан цитирует посвящение министру Сартину, которым Гюго предваряет текст парижской копии рукописи³: «Если знания, приобретенные мною в разных частях Индии, по которым я проезжал, могут привлечь Ваше любезное внимание, соблаговолите использовать меня. Со мной не случится то, что бывало со многими другими, которые строили планы, но не сумели осуществить их. Во мне Вы найдете, Ваша светлость, готовность в любое время выполнить то, что я предлагаю и что Вам будет угодно мне приказать. Я буду чрезвычайно счастлив, если смогу когда-нибудь в полной мере доказать Вам свое рвение и горячее желание служить моей Родине. Мое продвижение по службе явилось следствием этих двух моих качеств. Соблаговолите, Ваша светлость, испытать меня, так как я давно стремлюсь совершить дело чести и не стыжусь в этом признаться». Глашан затем восклицает: «Это чудесно!»

По сообщению Глашана, в рукописи оказалось письмо кому-то из Директории от 30 фримера VII г. (20 декабря 1798 г.), подписанное: «Гюго, президент Уголовного трибунала департамента Эврё». К этому Глашан добавляет, что, наверно, в департаменте Эр, главным городом которого является Эврё, имеются архивные материалы о майоре Гюго. Следуя этому указанию, мне удалось (с любезной помощью английского историка Маргарет Монк, написавшей книгу о другом французе XVIII в. в Индии — Анкетиль дю Перроне) получить из Эврё микрофильмы около ста архивных документов о Клоде Гюго⁴, его неопубликованных рукописей «Путешествие в Азию» и «Собрание исторических, политических и географических сведений об Индии» (1777 г.) и акварельного портрета-миниатюры. Эти документы помогли восстановить основные события его бурной жизни.

Биография Гюго показывает, что он был личностью значительной, и это придает еще больший вес его рукописи, интересной нам как живое свидетельство об очень важном периоде истории Индии. Индологи могут почерпнуть из нее некоторые неизвестные ранее подробности индийского быта того времени, как бы воочию увидеть Индию 70-х годов XVIII в. Однако судьба Гюго связана не только с Индией, но и с полным событий, ярким периодом истории Франции. Тем самым жизнь

Гюго и его записки представляют интерес и для самого широкого круга читателей.

В то время когда Клод Гюго предпринял свое путешествие в Индию, там шла борьба между англичанами и французами. Первым из французов идею создания империи в Индии высказал Жозеф Дюплекс, бывший в 1741—1754 гг. губернатором Пондишери (Путтучери), главного французского владения в Индии. Он создал отряды индийских солдат-сипаев под командованием европейских офицеров и получил в свои руки боееспособную силу. Вмешавшись в споры о престолонаследии в двух государствах Южной Индии — Хайдарабаде и Аркате (Карнатике), Дюплекс укрепил там свое влияние. Почти вся Южная Индия была готова подпасть под французское господство, и мечта Дюплекса казалась близкой к осуществлению. Многочисленные армии индийских государств не могли противостоять европейской военной технике и дисциплинированным отрядам европейски обученных сипаев.

Однако в Индии против французов выступили англичане. Они тоже создали свои сипайские отряды и стали поддерживать других ставленников на троны Арката и Хайдарабада.

В разгоревшейся войне победа сначала баловала французов: с помощью флота, приведенного в Индию адмиралом Лабурдонне, французам удалось взять Мадрас, главное поселение англичан в Индии, в то время как талантливый французский офицер Бюсси, посадив своего ставленника на престол Хайдарабада, фактически стал владыкой Декана. Однако дворянин Лабурдонне, согласно представлению своего сословия, считал, что его дело — сражаться с английской армией, а вовсе не с английскими торговцами, и отдал Мадрас за выкуп обратно англичанам, несмотря на протесты Дюплекса, стремившегося устранить своего соперника в торговле. Война в Индии требовала все новых средств, а во Франции не хватало денег на содержание пышного двора, что казалось Людовику XV и его окружению гораздо важнее, чем нужды каких-то купцов в далеких заморских странах. Поэтому французам в Индии вечно недоставало денег, солдат и судов для переброски войск. В результате «торгаши-англичане», хорошо понимавшие государственное значение деятельности своей Ост-Индской

компании, в решающий момент и в нужном месте располагали преобладающими силами. Хотя английская Ост-Индская компания не имела в своем руководстве таких блестящих талантов, как французская администрация в Индии, но ее средние и низшие звенья оказались намного выше, чем французские, где преобладали легкомысленные дворянчики или же преступники и подонки, которых присылали из Франции в качестве солдат.

В результате англичане не только снова закрепились в Мадрасе, но и стали оттуда угрожать Пондишери. Лабурдонне, рассорившись с Дюплексом, отплыл на Мадагаскар, оставив Дюплекса без защиты со стороны моря. Французское правительство и знатные пайщики французской Ост-Индской компании получали от своих индийских владений одни убытки и решили расстаться с индийскими территориями для получения уступок от Англии в Европе. В 1754 г. в Индию был послан один из директоров Компании — Годё, который согласился на все требования англичан: в Аркате на троне укрепился английский ставленник, французы отдали свои владения на восточном побережье — так называемые Северные Сиркары, Дюплекс был отозван. По замечанию К. Маркса, это было началом конца французского владычества в Индии⁵. Всю вину за провал своей политики французское правительство свалило на Дюплекса и Лабурдонне. Их судили, Лабурдонне продержали несколько лет в тюрьме, а Дюплекс, не получив пенсии и растратив свои средства, умер в бедности.

Вспыхнувшая в 1756 г. Семилетняя война, в которой Англия и Франция вновь оказались противниками, заставила Францию активизировать свою антианглийскую деятельность в Индии. В Пондишери был с этой целью послан ирландец, находившийся на французской службе, генерал Лалли-Толландаль. К. Маркс так характеризовал его: «Это был хороший солдат, но не генерал»⁶. Честный, храбрый, деятельный, но резкий, нетерпимый и совершенно неспособный считаться с чужими интересами и взглядами, он сумел восстановить против себя как индийцев (их он мобилизовал для переноски тяжестей, не считаясь с кастами и их обычаями), так и пондишерийский Совет, членов которого он поголовно обвинил (и не без оснований) во взяточничестве, кор-

рупции и т. п. Лишившись финансовой и прочей поддержки местных французских властей, Лалли не смог оказать сопротивление английским войскам. Тогда он призвал на помощь отряды Бюсси из Хайдарабада, но, как только французы оттуда ушли, их ставленник был свергнут, а англичане заняли их место и утвердили свое влияние. Пондишери был осажден английскими войсками и в 1761 г. взят. Англичане срыли его укрепления и разрушили все главные здания. Французы потеряли в Индии свой центр, и офицеры французских войск стали в качестве наемников поступать на службу враждебным англичанам индийским правителям и продолжали сражаться с англичанами уже на свой страх и риск⁷.

Англо-французская борьба на территории Индии открыла новую эру в жизни этой страны. Соперничество европейцев имело глубокие последствия, так как развертывалось на фоне распада некогда могущественной Могольской империи. По всей Европе ходили рассказы о богатствах Великого Могола. Однако роскошь могольской знати зиждилась на тяжелом крестьянском труде, на той ренте-налоге, которую власти собирали с крестьянства. Для постройки беломраморных дворцов, мавзолеев и мечетей, для содержания армий в несколько десятков, а иногда и сотен тысяч человек (а армии в средневековой Индии были наемными, и воины оплачивались деньгами) требовались всё новые средства. Поземельный налог-ренту стали увеличивать, крестьянство разорялось, все чаще наступал голод, целые области приходили в запустение. Центральная власть слабела, военачальники, сумевшие собрать большие отряды и захватить крепости, объявляли себя независимыми правителями и начинали расширять свои владения. Постоянные перевороты, распад одних государств и внезапное возникновение других благоприятствовали выдвижению сильных личностей. Вчера безвестный воин сегодня мог стать крупным правителем, а завтра потерять все, включая жизнь.

Одним из таких ярких людей был военачальник небольшого отряда мусульман Хайдар Али, находившийся на службе княжества Майсур, которым правила индусская династия Водеяр. Энергичный и инициативный, Хайдар Али возглавил майсурскую армию, а потом отстранил от власти индусского раджу и стал фактиче-

ским правителем Майсура. За несколько лет он подчинил себе владения мелких окрестных князьков и сильно расширил пределы своего государства. Вмешавшись в борьбу за трон Бидуруру (Беднур) — столицы богатейшего княжества Икери в горах Западные Гхаты, Хайдар Али овладел этим городом-крепостью и его казной, собранной многими поколениями князей Икери. Обоих претендентов на престол Бидуруру — регентшу-мать и ее сына — Хайдар Али подверг заточению. Затем Хайдар Али вторгся в подвластные Бидуруру княжества Малабарского побережья. Там в это время шла ожесточенная борьба между индусскими воинами-землевладельцами наирами и мусульманскими купцами — их кредиторами маппилами (мопла). Наиры устроили резню маппилов, которые обратились за помощью к своему единоверцу Хайдару Али. Под предлогом помощи маппилам Хайдар Али с армией спустился с гор и наголову разбил наиров, не имевших ни кавалерии, ни артиллерии. Однако как только на время муссонов основная армия Хайдара Али ушла в горы, наиры восстали, и Хайдар Али стремительным броском, переправляясь через вздувшиеся от дождя реки, невзирая на повальные болезни, бросил свою армию обратно на Малабар и подавил восстание. Захватив сильные горные крепости и имея теперь выход к морю, Хайдар Али стал одним из самых могущественных правителей Южной Индии.

Еще в бытность свою мелким военачальником Хайдар Али сражался под Тируччираппалли (Тричинополи) вместе с армией Дюплекса, научился ценить европейский воинский опыт и дисциплину и сохранил хорошие отношения с французами. В период осады англичанами Пондишери Хайдар Али послал на помощь Лалли-Толландалю отряд под командой своего шурина Махдум Сахиба. Этот отряд провел в осажденный город обоз с продовольствием, а потом совершал вылазки. Когда Пондишери пал, Махдум Сахиб вернулся обратно к Хайдару Али и привел с собой несколько французских офицеров, в том числе эльзасца Хюгеля, который стал во главе большого отряда в 275 европейцев, превратившегося в боеспособную силу в армии Хайдара. Европейские офицеры помогали Хайдару одерживать победы на Малабарском побережье, но когда майсурский властитель решил изгнать португальцев из Гоа, то один като-

личный епископ сумел убедить Хюгеля, что христианину не следует поддерживать иноверца против христиан. Хюгель с частью своего отряда тайно покинул Хайдара Али и перешел к португальцам. Не желая раздражать англичан, португальцы перебросили Хюгеля и его соратников во владения голландцев, но там он пришелся не ко двору. Отряд его распался, а сам он уехал во Францию.

Англичане в Мадрасе не могли равнодушно смотреть, как вблизи возникает крупное индийское государство, тем более — дружественное французам. Военные действия против Майсура начались в 1767 г. Армия Хайдара не могла в открытом бою победить английские войска, но оказалась все же сильным противником, особенно сипайские отряды под командованием европейских офицеров. Война затягивалась, но постепенно англичане захватили значительную часть Майсура (в 1768 г.). Все же Хайдару удалось продержаться и совершить рейд в тыл противника в Карнатике. Здесь, по сообщению Гюго в его рукописи «Путешествие в Азию», к нему обратился друг и впоследствии преемник Хюгеля, капитан Рюссель. Хайдар Али сожалел, что при нем нет Хюгеля с его европейским отрядом, и пообещал уплатить ему 2 лакха рупий (т. е. 200 тыс.), если он вернется на службу в Майсур. Рюссель сообщил об этом Хюгелю во Францию. Тот загорелся, рассказал это своему отцу, и они стали добиваться аудиенции у могущественного министра иностранных дел Франции герцога де Шуазёля.

Герцог де Шуазель был министром с 1758 по 1770 г. Он возвысился благодаря покровительству маркизы де Помпадур, но оказался талантливым государственным деятелем. После поражения Франции в Семилетней войне Шуазель все усилия приложил к тому, чтобы подготовить победу в следующей войне. С этой целью он провел реформу армии, реорганизовал флот, строил арсеналы, пытался улучшить положение сельского хозяйства. Большое значение для борьбы с Англией Шуазель придавал французским колониям. Центром французских владений в индийских водах он хотел сделать Иль-де-Франс (о-в Маврикий) и, опираясь на эту базу, завоевать снова господствующее положение в Индии. Согласно условиям Парижского мирного договора 1763 г.

Пондишери в развалинах был в 1765 г. возвращен Францией. Шуазель утвердил на пост губернатора Пондишери энергичного администратора Ло де Лористона, который стал стягивать к себе разбросанных по разным индийским армиям французских офицеров. У французских военных в Индии вновь появился свой центр.

Поэтому могущественный герцог дал аудиенцию Хюгелю и предложил ему набрать отряд и отправиться во главе его на помощь Хайдару Али.

Впоследствии в своей рукописи «Путешествие в Азию» Клод Гюго возложил на Хюгеля всю вину за провал экспедиции и подробно перечислил его ошибки. Основной он считал то, что «робость Хюгеля и малая опытность в делах помешали ему потребовать то, что было самым необходимым: людей! Ему дали 500 ружей и написали на Иль-де-Франс, чтобы там его снабдили всем, что он потребует. Его пожелания ограничились 4 пушками типа шведских, 50 парами пистолетов (...остальные 50 были выданы по моему требованию), 50 гренадерскими саблями, 20 тысячами боевых патронов и 743 зарядными картузами для пушек». По мнению Гюго, следовало взять с собой по крайней мере 500 офицеров, полностью вооруженных и экипированных, способных в Индии командовать отрядами, и 14 пушек и отправить их тут же, как предложил Шуазель, на военном корабле. Однако Хюгель набрал всего восемь человек: лишь четырех строевых офицеров, одного военного инженера-строителя, одного топографа и двух сержантов. Всем им пришлось несколько месяцев ожидать в Бордо, пока их не взяло на борт попутное торговое судно. Из-за этого было потеряно время, и отряд высадился в Индии только через год.

Замечания Клода Гюго справедливы, но вряд ли вину следует возлагать только на Хюгеля. Шуазель вызвал к себе Гюго и предложил ему поехать с Хюгелем в Индию. Гюго даже не знал, в какой пункт Индии они отправляются, это считалось военной тайной. Точно так же Шуазель мог направить с Хюгелем не одного человека, а необходимое число офицеров. Тогда это было бы реальной помощью Хайдару Али. Хюгель же, предоставленный самому себе, смог собрать только ничтожную группку лично знакомых ему людей. Так, сержанты были, судя по фамилиям, тоже французами немецко-

го происхождения (их звали Грюн и Гримбах), причем оба уже воевали в Индии, вероятно в отряде Хюгеля. Тем самым, несмотря на заинтересованность самого Шуазёля, вся эта затея была с самого начала обречена на неудачу.

Таким же образом Франция отвечала на обращения к ней Майсура за помощью и в дальнейшем. Майсур неоднократно посылал миссии во Францию и просил прислать воинские контингенты для борьбы с англичанами. Всякий раз французы оказывали помощь малыми силами или же слишком поздно, когда исход очередной англо-майсурской войны был уже предрешен. Однако до последних дней независимости Майсура его правители Хайдар Али (1760—1782) и Типу Султан (1782—1799) снова и снова были вынуждены хвататься за Францию, как за соломинку, поскольку на помощь какой-либо иной державы надежды не было.

Хотя французское правительство и понимало необходимость радикальных экономических реформ (недаром министрами финансов Людовика XVI были Тюрго и Неккер — знатоки политической экономии, настаивавшие на преобразованиях), но хотело, чтобы они были проведены без уменьшения доходов и привилегий правящего слоя, т. е. требовало невозможного. Поэтому внутренний кризис в стране все нарастал и средств ни на что не хватало.

Колониальные владения были так далеко, что их значение недооценивалось французским правительством в те времена, когда и без них было столько неотложных проблем, требовавших огромных затрат. К тому же миссии Майсура прибывали во Францию в самые неблагоприятные моменты, когда французы были сильно озабочены своими внутренними делами: в 1788—1789 гг. — накануне штурма Бастилии и в 1793 г. — накануне Термидора. Столь же неудачными были обращения Типу Султана к Франции в 1795 и 1797 гг. Директория так же мало помогла Майсуру, как и Наполеон, погубивший на пути в Индию свою армию в Египте⁸.

Итак, даже Шуазель, понимавший, что с Англией следует бороться и в колониях, смог выделить для помощи Хайдару Али всего одного-единственного офицера. Почему же его выбор для этой ответственной миссии пал на Клода Гюго?

Клод Гюго был личностью незаурядной. Родился он в Париже 2 апреля 1741 г. Его отец Этьен Гюго был слугой, а крестный отец (двоюродный брат Этьена) Клод Гюго — сапожником (возможно, именно в его честь младенца нарекли Клодом). Где Клод Гюго-младший получил образование — неизвестно, но оно было по тем временам довольно хорошим. Как видно по его рукописи, у него четкий, деловой стиль, он читал Вольтера, мог к месту привести латинское изречение, хорошо разбирался в военном деле.

Пятнадцати лет Клод потерял родителей, а через год, не желая, видимо, жить из милости у родственников, пошел солдатом в бретонский полк. Это был 1757 год, шла Семилетняя война. Клод храбро сражался, получил две раны: пулевую и сабельную. Его смывленность, наблюдательность и отвага были замечены, и он начал быстро, по меркам той эпохи, делать военную карьеру. Из пехотинцев он в 1761 г. перешел в кавалерию, 6 марта 1763 г. стал каптенармусом, а 1 апреля того же года — сержантом. Хотя ему было 23 года, но по закону он считался несовершеннолетним. Будучи в Париже, Клод добился в королевском дворцовом суде разрешения считаться дееспособным. Для этого ему пришлось собрать в суде своих родственников и друзей, которые должны были подтвердить, что он способен сам распоряжаться своей судьбой. На заседание суда пришли его крестный отец Клод Гюго (его профессия в этом документе не указана: видимо, он уже по старости отошел от дел), его зять — виноторговец и трое друзей: маклер, старьевщик и лавочник. Таким образом, Клод Гюго вращался тогда в том самом мелкобуржуазном кругу, который потом сыграл столь решающую роль во Французской революции.

Идеи этого круга отразились и на представлениях Клода Гюго: в его «Записках об Индии» много тиранических тирад, он сочувствует тяжелой доле индийского крестьянина, призывает гуманно относиться к черным рабам, поскольку они тоже люди, хотя не выступает против рабства в колониях вообще. Вся рукопись пронизана чувством патриотизма, превыше всего для Клода Гюго интересы Франции. Двойственное чувство испытывал он к Хайдару Али: с одной стороны, он считал Хайдара тираном, почему и государство его не могло быть проч-

ным; с другой стороны, он понимал, что Хайдар — сила, полезная Франции, поэтому с ним надо считаться и его следует поддерживать. Гюго резко критикует своего начальника Хюгеля за то, что тот высокомерно относился к индийцам, третируя даже наместников крупных округов. В общем Клод Гюго явно принадлежал к третьему сословию как по своему происхождению, так и по своим взглядам.

20 июня 1765 г. Клод был произведен в прапорщики, 16 апреля 1767 г. — в подпоручики, а 20 апреля 1768 г. — в поручики (лейтенант). Для человека низкого происхождения при старом режиме это считалось блестящей карьерой.

Шуазёль, по-видимому, по достоинству оценил способности молодого, 28-летнего лейтенанта и, вызвав его в мае 1769 г. в Версаль, предложил отправиться в Индию под началом Хюгеля, пообещав за это произвести его в чин капитана и положить жалованье 2700 ливров в год, причем половину выдать авансом, а другую половину по возвращении. Так Клод Гюго поехал в Индию.

Впоследствии Гюго в своем «Путешествии в Азию» утверждал, что Хюгель отказался воспользоваться «быстрым и удобным» военным кораблем, отплывавшим в июле 1769 г. из Лориана, из-за каких-то личных дел. «Он предпочел отправиться из Бордо, где нам пришлось оставаться до 9 ноября, жить в условиях, недостойных офицеров, и, так как там проживает много англичан в мирные времена, мы должны были скрываться. Это потребовало больших расходов и вызвало такую задержку!» Доводы Хюгеля, что Франция была бы скомпрометирована, если бы открыто послала военные силы на помощь Хайдару Али против англичан, Гюго парирует словами: «А разве мы и так не были скомпрометированы? Разве англичане еще до нашего отъезда из Бордо не знали, куда мы направляемся? Другой путь стоил бы дешевле, и мы смогли бы лучше использовать свои возможности!» Однако следует признать, что Хюгель имел какие-то основания: если он не смог набрать больше восьми человек, то открыто послать их как помощь французского государства Хайдару Али означало бы скомпрометировать Францию в глазах индийских правителей. Недаром, прибыв в Индию, Хюгель заявил

Хайдару, что у него отряд в 400 европейцев, вооруженных и экипированных, и что его маленькая группа только авангард⁹.

Вместе с тем Гюго прав, когда он так характеризует Хюгеля в своем «Путешествии в Азию»: «Это очень храбрый гусарский капитан, когда он под началом толкового командира, но он совсем не подходит для руководства военной экспедицией. Значит, он не может ни быть хорошим командиром отряда, ни действовать в качестве политика. Это упрямый человек, у него ум софиста, к тому же он всецело раб своих страстей».

Под руководством Хюгеля группа отплыла, наконец, на купеческом судне «со всеми возможными неудобствами», которое шло так медленно, что через полгода доставило их лишь на Иль-де-Франс. На море им пришлось пережить различные приключения. Скрываясь от англичан, французские офицеры выдавали себя в пути за врачей и аптекарей. На Иль-де-Франсе Хюгель пробыл несколько месяцев, запасаясь оружием и ожидая подходящего судна и попутного ветра. Несколько человек из отряда, наскучив ожиданием, отправились на каком-то судне в Пондишери, зато другие французы с острова примкнули к Хюгелю, так что в его отряде стало 11 человек. Наконец в ноябре 1770 г. отряд на другом французском торговом корабле отплыл в Гоа (Панаджи). Гюго было поручено организовать погрузку, и он закупил по совету интенданта Иль-де-Франса 200 ружей и еще 50 пистолетов за свой счет как товар, который находит хороший сбыт в Индии.

В Гоа отряд провел больше 20 дней. Там французы узнали новость, спутавшую все их планы: в 1769 г. Хайдару Али удалось неожиданным броском конницы прорваться к предместьям Мадраса и вынудить англичан поспешно заключить мир. Английские власти Мадраса подписали продиктованный Хайдаром мирный договор, по которому англичане становились союзниками Майсура и обязывались оказывать ему помощь при нападении его противников. Мир этот оказался весьма непрочным: англичане нарушили свои обязательства и не оказали помощи Хайдару Али, когда на него напали мапатхи. После этого Хайдар, а потом его сын Типу Султан стали ярыми врагами англичан, а Майсур превратился в центр сопротивления английским завоевателям. Однако

в тот момент, когда отряд Хюгеля прибыл в Индию, англо-майсурский мир был только что заключен. Хайдару Али, надевавшемуся на помощь английских войск, французские офицеры были не нужны. Запоздание на год сыграло для них роковую роль. Но поскольку они специально прибыли к Хайдару Али из Франции, он должен был их принять.

Из Гоа французские офицеры отправились в Мангалуру, главный порт государства Хайдара Али, на местном суденышке, несмотря на предостережения о пиратах. Малабарские пираты с давних пор считались грозой купцов, пока в 1756 г. флотилия, посланная из Бомбея под командой контр-адмирала Уотсона и Роберта Клайва, не захватила и не разрушила оплот малабарских пиратов — остров-крепость Виджаядург (Герия). По мнению многих историков, «захват Герии фактически положил конец малабарскому пиратству»¹⁰. Однако, как показывает случай с Клодом Гюго, хотя пираты после падения Герии уже не решались нападать на крупные европейские корабли, они по-прежнему захватывали мелкие суда каботажного плавания.

Хюгель уверил своих товарищей, что пираты уважают Хайдара Али и не тронут его союзников-англичан (за которых французы себя выдавали). Он, однако, ошибся. На судно напали пираты-маратхи и ограбили французов, отобрав у них денег, вещей и припасов примерно на 3600 ливров. Не успел отряд Хюгеля вырваться из рук одних пиратов, как за ним погнались другие, но французам удалось ускользнуть от них в порт Хонавар (Онор). Еще до нападения пиратов французы под предлогом отсутствия воды и припасов заставили капитана высадить их в Карваре, откуда через наместника Карвара Капри-бека дали знать Хайдару о своем прибытии. Распоряжения правителя Майсура им предстояло получить в Мангалуру. В Хонаваре Гюго продал купленные им на Иль-де-Франсе ружья и оказался единственным человеком с деньгами, у всех остальных вместе не было и 50 экю. Все дальнейшее путешествие до прибытия к Хайдару Гюго кормил отряд за свой счет, одолжив, кроме того, Хюгелю болес 1500 ливров — довольно большую сумму. Коммерческие навыки Гюго весьмагодились отряду.

Вообще Гюго был предусмотрительнее Хюгеля. Еще

в Карваре он настаивал на том, что путешествие из-за пиратов следует продолжать сушей. Поэтому в Хонаваре Хюгель высадил его, и Гюго пешком отправился в Мангалуру, прибыв туда одновременно с Хюгелем и его товарищами, плывшими по морю под охраной английского корабля, капитан которого принял французов за английских купцов. Оттуда, получив от Хайдара Али лошадей и носильщиков, французские офицеры по дорогам и тропам добрались до Бидуруру (переименованного тогда в Хайдарнагар). Здесь французы пробыли неделю, и Гюго внимательно осмотрел город и его укрепления. Дорога от Бидуруру до Шрирангапаттанама (Серингапатанама) заняла 19 дней. Французы страдали от жары и дезинтерии. Последнее не удивительно, если учесть, что они ели шакалье мясо, считая его дичью.

Молодой драгунский капитан, впервые оказавшийся на Востоке, жадно наблюдал все вокруг, особое внимание уделяя, естественно, военному делу. Он отмечал в своем дневнике качество укреплений, число солдат в гарнизонах, состояние воинской дисциплины, но вместе с тем с увлечением описывал восточный город, его пестрые толпы, процессии по поводу разных кастовых и семейных торжеств, селения, процветающие или, наоборот, запустевшие, и множество подробностей быта индийцев. Его заботило положение французов в Индии, он разбирал ошибки французских администраторов и продумывал, в каких индийских портах следует Франции укрепиться, какие фортификации строить и какими товарами торговать. В этом заключалась неосознанная историческая трагедия таких, как Гюго, честных и просвещенных французов в Индии: интересы их страны не совпадали с интересами индийского народа. Лишь на каком-то этапе они могли быть союзниками, поскольку и индийские правители и Франция желали изгнания англичан из Индии. Однако даже наилучшие представители Франции могли в Индии выступать только в роли колонизаторов, не отличаясь в этом от англичан. И Гюго, естественно, судит об индийцах с точки зрения извлечения возможной пользы для его родины.

За то сравнительно короткое время, что Гюго пробыл в Индии, он встречался с рядом индийских государственных деятелей. Он присутствовал на дарбаре у Хайдара Али, разговаривал через переводчика с майсурским пол-

ководцем Махмуд Сахибом, был на аудиенции у майсурского адмирала — каннанурского князя Али Раджи, терпел унижения от Уджджинапы, наместника Хайдарнагара. Всем им Гюго дает меткие характеристики. Все индийские имена и названия он, не зная языка, безбожно перевирает (что весьма затруднило научный перевод его рукописи), но очень точно излагает то, что видел своими глазами.

В пути всё больше выступали противоречия между Гюго и Хюгелем. Были и личные мотивы. Так, Хюгель назначил своим заместителем инженера-строителя (поскольку тот был капитаном уже пять лет), а Гюго отказался подчиняться ему, так как тот получил свой чин за строительство порта в Америке и никогда не был строевым военным; затем, Хюгель отмахивался от предложений Гюго, который считал необходимым добиться в Майсуре, чтобы им придали солдат, начали их обучение и т. п. Несомненно Хюгель был храбрым офицером, но бесшабашным авантюристом, в то время как Гюго был озабочен интересами Франции и французской торговли. Впоследствии, в конце XVIII в., французы в Индии разделились на две партии — роялистов и сторонников Французской революции — и между ними происходили ожесточенные столкновения. В начале 70-х годов XVIII в., когда Клод Гюго пребывал в Индии, это разделение на партии только намечалось.

Когда французы под началом Хюгеля прибыли в Шрирангапаттанам, Хайдара Али там не оказалось: он отправился в поход против вторгшихся в Майсур маратхов. Французы направились к нему. Хайдар разбил лагерь в Мелукоте — узком ущелье, которое маратхская конница легко могла запереть с обеих сторон, отрезав подвоз продовольствия. Европейские офицеры указывали Хайдару на неудобное положение лагеря, но этот гордый победитель англичан не желал никого слушать.

В Мелукоту группа Хюгеля прибыла 24 февраля 1771 г. Через несколько дней маратхи окружили лагерь, подвоз продовольствия прекратился, начался голод. Хайдар Али 6 марта предпринял попытку прорваться с армией обратно в столицу. В узком выходе из ущелья каждый проталкивался как мог и все смешалось: кавалерия, артиллерия, пехота, обозы. Основная часть армии все же построилась в каре, но у маратхов было

преимущество — многочисленная конница. Артиллерия у маратхов была плохой, и они не могли брать укрепления, однако в открытом поле они подавляли противника. Под натиском конницы армия Хайдара превратилась в беспорядочную толпу, и началось побоище. Сам Хайдар бежал с поля боя с группой всего в 14 человек и укрылся за стенами Шрирангапаттанама. Вся армия, пушки, кони, тягловые животные и прочее — все стало добычей маратхов. Из 51 европейского офицера армии Хайдара Али не попал в плен один Гюго: он еще в ущелье нечаянно оторвался от своих, потом тщетно пытался дважды пробиться к главным силам, но его преследовали маратхи. Спасаясь от них, он верхом прыгнул в глубокий овраг и получил серьезную контузию, но сумел уйти.

Как потом рассказал Гюго в своей рукописи «Путешествие в Азию», Хюгель вел себя в бою храбро, но командовал бестолково. «В тот день, когда маратты (маратхи.— К. А.) внезапно напали на нас (еще до битвы при Мелукоте.— К. А.), я видел, как он сошел с коня и бросился один, пеший, в самый центр схватки, хотя на расстоянии пистолетного выстрела от него маратты занимались грабежом, а у него был при себе лишь охотничий нож. В день битвы (при Мелукоте.— К. А.) он соскочил с коня и приказал сойти с коней всем тем, кто был настолько глуп, что его послушался, с целью сплотить опять пехоту чернокожих (индийцев.— К. А.), которая была в полном замешательстве. Именно в этом бою он получил девять сабельных ран. Побуждение его было благородным, но я не вижу в его поступке никаких достоинств: нас едва знали в армии; было сто шансов против одного, что восемь человек, из которых семь не знают языка страны, не смогут остановить 15 тысяч человек, объятых смертельным ужасом, которые рассеялись по полю на протяжении четырех лье и которых преследовали более 60 тысяч мараттских кавалеристов. Хюгеля взяли в плен, и он был третьим, кого привели во вражеский лагерь. Покрытый ранами, как и его два товарища, он сумел через двое суток не только сбежать из лагеря, выдав себя за пушкаря мараттской армии, но и пробраться ночью в Ширингапатнам».

Самому Гюго удалось избежать плена и укрыться в одном из фортов. Не владея языком, не зная обычаев.

страны, он был совершенно беспомощен и просто голодал, пока ему не объяснили с помощью жестов, что вместе с конными индийцами ему следует направиться в Хайдарнагар. Однако поскольку конь его, пострадавший при прыжке в овраг, еле тащился, да и сам Гюго обессилел, попутчики бросили его на дороге. Он продолжал путь один, питаясь дикими плодами, мучась от жары, одетый в шаровары и короткую куртку, которые приобрел на последние деньги вместо своей грязной и рваной европейской одежды. Деревенские жители при виде его обычно убегали. Лишь через 25 дней он добрался до Хайдарнагара.

Однако и тут Гюго преследовали неудачи. По пути в Шрирангапаттанам Хюгель оскорбил наместника Хайдарнагара Уджджинапу, отказавшись явиться с другими французами на аудиенцию, несмотря на посланные ему три приглашения. Поэтому, когда Гюго вновь прибыл (уже один) в Хайдарнагар, Уджджинапа издевательски предложил ему стать его, Уджджинапы, личным стражником, а когда француз гордо отказался, снял его с довольствия. Гюго жил в долг за счет других европейских офицеров.

Здесь, в Хайдарнагаре, Гюго стал свидетелем одного из частых в XVIII в. восстаний индийских солдат, которым не заплатили жалованья. Он видел также страшную казнь зачинщика, которого привязали к ноге шагающего слона.

Попытка Гюго пробиться по приказу Хайдара Али с четырьмя сипаями в Шрирангапаттанам потерпела неудачу, ибо вся марафская армия в то время двигалась на Хайдарнагар. Дальнейшее пребывание в Хайдарнагаре стало для Гюго невыносимым. Его наконец отпустили в Мангалурв для приобретения европейской одежды, но сопровождающему его индийцу было строго-настрого приказано привести его обратно. Однако в Мангалурв Гюго удалось письменно связаться с Хюгелем, находившимся в Шрирангапаттанаме. Хюгель выправил ему пропуск в Маэ (Махи), французский пункт на Малабарском побережье. Несмотря на разрешение Хайдара Али, пришлось еще дать взятку майсурскому наместнику Мангалурв.

С помощью француза Дево, ставшего адмиралом у Хайдара, все было улажено. Дево одолжил Гюго

деньги, и тот в июле, в муссонные дожди, отправился в путь с одиннадцатью слугами.

Дорога была тяжелой, от непрерывных дождей вздулись реки. Гюго все же по пути приглядывался к состоянию дорог и фортов, встретился с Али Раджой, князем Каннанура, и вообще интересовался всем увиденным. Лишь через неделю Гюго прибыл в Маэ оборванный, истощенный и больной. Пико (губернатор Маэ) и французские офицеры встретили Гюго весьма сердечно, одни одолжили ему деньги, другие — одежду. Пико предложил ему пообедать у него.

Гюго был настоящим французом, и дело не обошлось без романа. Хотя Англия и Франция в то время и соперничали, но в Индии руководители факторий были в дружеских отношениях, чувствуя себя европейцами в чуждой им среде. В «Путешествии в Азию» Гюго описал одно из частых посещений Маэ Боддамом, губернатором расположенной неподалеку английской фактории Таличери (Телличерри): «Они явились в назначенный день и выслали вперед секретаря Совета к границе нашей фактории. Артиллерия форта приветствовала их салютом. Месье Пико, как здесь принято, вместе с нами встретил Боддама у первых ворот правительственного здания. Боддама сопровождали мистер и миссис Ашбернер (член Совета Таличери.— К. А.), комендант английского гарнизона и несколько офицеров... Обед прошел очень весело, под звуки артиллерийских салютов пили за здоровье королей Франции и Англии и за процветание торговли. После обеда время протекло быстро. Наши англичане пустились в обратный путь под гром крепостной артиллерии».

Вместе с Боддамом в Маэ прибыла сестра его покойной жены, миссис Пимбл. По описанию Гюго (в том же «Путешествии в Азию»), она, «не будучи красавицей, обладает мягким характером и очень скромна. Она удивительно белокожая и очень высокого роста для женщины. Ей 23 года, и она уже вторично овдовела. У нее одна дочь от второго мужа, который был пехотным полковником. Есть приличное состояние. Ее вид меня тронул с первого взгляда: я поставил себе целью своими заботами и учтивостью показать ей, что я не такой дикарь, каким выглядел, так как сильно обгорел на солнце и отрастил себе кошмарные усы».

По-видимому, француз произвел впечатление на англичанку. Боддам пригласил его в Таличери, одолжил ему деньги, снабдил одеждой. Вся французская колония приняла участие в этом романе: Пико устроил празднество в честь миссис Пимбл, с танцами, пиршеством и прогулками, причем Гюго выдавали за организатора, оплатившего всю эту затею. На два месяца Гюго вообще переселился к Боддаму, лишь изредка наведываясь в Маэ.

Близость между молодыми людьми росла, но все же, когда Гюго сделал ей предложение, англичанка (по его словам) ответила: «Останемся друзьями!» Гюго самого это в какой-то мере устраивало. «Я больше, чем когда-либо, чувствую, насколько приятно это звание», — писал он в «Путешествии в Азию». Глашан нашел в архивах письмо к Гюго из Пондишери от Рюсселя, преемника Хюгеля: «Вы очень скромны, мой дорогой Гюго, и не воспользовались Вашим успехом в Телличерри. Месье Таунсенд, прибывший сюда с поручением, рассказал, что дело шло об очень богатой даме, правда не совсем молодой, которая была полна добрых чувств к Вам и которая Вам достала деньги на обратный путь в Европу и сама за Вас поручилась! Он даже добавил, что, если бы Вы захотели, Вы могли бы хорошо устроиться. Я не знаю, что Вас могло заставить отказаться от упрочения своего состояния».

Между тем в сентябре 1771 г. Гюго узнал, что Шуазель давно уже не у власти. Отвечая пожеланиям парламента, Шуазель запретил деятельность иезуитов во Франции. Но «святые отцы» оказали давление на Людовика XV через его набожную фаворитку мадам Дюбарри, и в декабре 1770 г. Шуазель оказался в опале. Вознесенный одной женщиной, он был низвергнут другой. В Шантелу, где жил опальный министр, демонстративно ездил весь образованный Париж, впервые после Фронды столь ярко проявляя свое недовольство королевской политикой.

Гюго также жалел об уходе Шуазеля, человека, которому, как он писал в «Путешествии в Азию», «я обязан моим положением и моей репутацией, который поддерживал меня против сильных мира сего, стремившихся погубить меня». Он рассказал и о реакции в Индии на известие об опале Шуазеля: «Я видел, как англичане

плакали от радости, узнав об опале этого великого человека, который привел в движение всю Европу, а другие люди всех национальностей жалели о нем».

Гюго больше не видел оснований оставаться в Индии. Хайдар Али только начал оправляться после разгрома и еще не стал вновь влиятельной политической фигурой. Хотя Хюгель еще во Франции обещал Гюго, что он будет командовать у Хайдара Али 3 тысячами кавалеристов, но в действительности Гюго ни одного дня не имел под своим началом индийских солдат. Опала Шуазёля, неудачный роман, расстроенное здоровье, безденежье — все говорило о бессмысленности дальнейшего пребывания в Индии. К тому же Гюго был обижен на Хюгеля: когда Хюгель после Мелукоты пробился в Шрирангапаттанам, Хайдар Али щедро наградил его. «Не удивительно ли, — писал Гюго в „Путешествии в Азию“, — что месье Хюгель, который должен мне 1500 ливров, получив от Набаба около 20 тысяч ливров, зная о моих невзгодах, не прислал мне ни одного су. Напротив, он дал 800 рупий англичанину, некоему Стюарту¹¹, командовавшему одним рассела¹² в армии Набаба в день битвы (при Мелукоте. — К. А.). Не справедливее было бы прийти мне на помощь, чтобы я не был вынужден продать единственную оставшуюся вещь из того, что я привез в Индию, — часы? А он находился всего в 40 лье от меня, и это было так легко!»

Оба начальника Гюго — Хюгель и губернатор Пондишери Ло де Лористон не возражали против его отъезда. Боддам заплатил за проезд Гюго до Дувра на английском корабле и снабдил рекомендательными письмами к своим родственникам в Англии. Гюго выдал ему вексель на 314 ф. ст. сроком на год. Боддам обещал, однако, не торопить его с отдачей долга, и Гюго рассчитался с ним только через 16 месяцев. Миссис Пимбл провожала его на корабль со слезами.

На английском корабле Гюго с удивлением наблюдал необычные для него нравы. Например, матросам разрешалось брать на ночь в кубрик свечи, отчего случались пожары. команда повально пьянствовала, матросы по малейшему поводу начинали драться, применяя приемы бокса, распространена была палочная дисциплина. «Наказания меня изумили, когда я первый раз их увидел, — писал Гюго в „Путешествии в Азию“. — Я спра-

шивал себя: как народ, кичащийся своей свободой и столь дерзкий, что отправил своего короля на эшафот, пал так низко, что мирится с палочными ударами?»

Корабль вез в Англию 16 пассажиров, и Гюго был единственным французом среди них. Это ему дали почувствовать: капитан поместил его в самом неудобном месте, в салоне, где пассажиры сидели, курили и разговаривали до поздней ночи и через который проходили на палубу, забывая закрыть за собой дверь. Одни делали вид, что не знают французского, а другие обращались к нему лишь для того, чтобы отпустить какую-нибудь шуточку насчет Франции. В результате, встретив у мыса Доброй Надежды французский военный корабль (получивший приказ перебросить с Иль-де-Франса войска обратно в Европу), Гюго перешел на него, хотя английский капитан отказался вернуть ему деньги, уплаченные за проезд. Дальнейшее путешествие прошло без приключений, и 14 июля 1771 г. Гюго высадился в Бресте.

Хотя Гюго не смог применить в Индии свои военные способности, путешествие произвело на него сильное впечатление. Он представил в военно-морское министерство свои соображения о французской политике в Индийском океане, и министр несколько раз вызывал его для выяснения некоторых вопросов. В результате Гюго решил «обнародовать» свой дневник путешествия, пустив его по рукам в нескольких рукописных экземплярах. Так родилась рукопись «Путешествие в Азию». Дата написания ее не указана, но по некоторым приводимым в ней сведениям можно заключить, что она была закончена во второй половине 1773 г.¹³

Гюго оформил рукопись в виде 24 писем своей даме, посланных из разных мест во время путешествия. Однако в предисловии к своей рукописи он говорит: «Хотя все мои письма написаны моей даме, они в действительности не адресованы женщине. Я написал этот труд с целью дать отчет самому себе. И этот отчет понадобился моей Родине. Министр военно-морских сил оказал мне честь и несколько раз расспрашивал меня о моем путешествии. Поскольку, однако, истина не всегда выгодна, мне пришлось в моих ответах порой говорить обратное тому, что ему доносили с мест, ибо я это ви-

дел своими глазами». Избранная Гюго форма изложения не была удачной: странное впечатление производят адресованные даме описания оружия, типов укреплений, распорядка лагерной жизни и тому подобные военные сюжеты.

Между тем Гюго получил от казначейства 2 тыс. ливров в счет издержек путешествия и продолжал свою военную карьеру. По возвращении из Индии он был 28 июля 1773 г. назначен капитаном свиты, а 6 февраля 1774 г. — драгунским капитаном в Королевский легион (ему было утверждено годовое жалованье в 1080 ливров). В этом качестве он сопровождал родственника Людовика XVI, герцога де Лозена, из Страсбурга в Дрезден и опять вел, по своему обыкновению, дневник этого путешествия, сохранившийся среди его бумаг в Эврё. В герцоге де Лозене Гюго нашел себе покровителя, который прекрасно к нему относился, называл его «мой дорогой Гюго» и писал о нем Людовику XVI, прося о его награждении: «Это человек, преисполненный рвения, с большим военным талантом... к которому я питаю сильную привязанность».

В 1775 г. Гюго решил переработать свой дневник, убрав оттуда все, что не имело отношения к политике. Так появилась рукопись «Записок об Индии». Первые три главы сохраняют еще форму писем, но теперь они адресованы не даме, а какому-то важному лицу. Однако уже с четвертой главы Гюго отбрасывает эту условность и излагает свои наблюдения и соображения по различным вопросам, уже не соблюдая хронологического порядка. Выброшенными оказались главы: о растительности Индии, о ее животном мире, о птицах и насекомых, о нравах и обычаях местного населения (на основе попавшего ему в руки в Маэ французского перевода книги «Зозур Бедо», т. е. «Яджурведа») и т. п. Кроме того, Гюго, узнав о смерти Хюгеля от ран, полученных в битве при Мелукоте, убрал из своей рукописи многие страницы с критикой действий своего непосредственного начальника. Краткое сообщение о маршруте и событиях, происшедших с ним во время его путешествия, Гюго дает в последней главе «Записок об Индии». В результате этих изменений работа приобрела более цельный характер, хотя кое-где есть повторения. Наконец, в переписанную писцом копию рукой самого Гюго внесены

в скобках отдельные слова, являющиеся более поздними исправлениями или дополнениями.

Мысли, навеянные его путешествием, не давали Гюго покоя. В 1777 г. он написал новый труд, который должен был служить дополнением к «Запискам об Индии» и назывался «Собрание исторических, политических и географических сведений об Индии». Это краткий рассказ о распаде Могольской империи, почерпнутый из «Энциклопедии», из рукописи мемуаров офицера-авантюриста в Индии Жантиля, опубликованных лишь в 1822 г., из работы шотландца Макканди и др. Бóльшую часть труда занимают подробные таблицы, составленные по каждой субе (области) и каждому саркару (округу) Индии, где указаны государственные доходы, численность пехоты, конницы и боевых слонов и даны примечания, в чьих руках находится в данный момент каждый саркар. Источника, по которому составлена эта таблица, Гюго не указал.

Во время путешествия Гюго утвердился в мысли, что Франция не сможет завоевать господство в Индии и в других заморских странах, если не пошлет туда хорошо обученные войска, специально подготовленные для службы в колониях. Ему удалось убедить в этом герцога де Лозена. В сентябре 1778 г. Гюго при поддержке своего покровителя получил чин майора и должность коменданта лагеря для создания во Франции колониальных войск, во главе которых стоял и которые оплачивал герцог де Лозен. Первоначально они назывались «заморские волонтеры военно-морских сил», но вскоре были переименованы в «колониальные войска». Они обучались в лагере в Сен-Мало и включали, по свидетельству Гюго, примерно 5 тыс. человек разных родов войск. Впоследствии они были посланы с силами Сюффрена в Индию, а кроме того, на Антильские острова, в Британскую Гвиану и другие места Южной Америки.

В «Путешествии в Азию», критикуя Хюгеля, Гюго объяснял, как, по его мнению, должен был поступить начальник крупной французской военной экспедиции в Индии: «Нужно поставить корабль на рейде в Гоа или Маэ... Оттуда послать курьера к Набабу, чтобы договориться с ним об условиях нашей службы еще до высадки в его владениях. Надо добиться его согласия на оплату прибывших 500 солдат и офицеров, которые мо-

гут командовать 1000 или 1600 сипаями или топасами¹⁴. Этих последних можно нанять меньше чем за два месяца. Они совершенно необходимы как для обслуживания артиллерии, так и для несения караула и других военных обязанностей — вообще для черной работы, которую не станут выполнять европейцы в азиатских армиях. На оплату этих войск можно легко выторговать у Набаба 20 тыс. рупий ежемесячно». Случайно ли, что командиры французских войск, явившихся вместе с Сюффреном на помощь Майсуру в марте 1782 г., получили от губернатора Иль-де-Франса именно такие инструкции и, прежде чем выступить против англичан, стали, к большому негодованию Хайдара Али, торговаться с ним об условиях оплаты французских войск и о том, какие английские территории в Индии должны отойти к французам после победы? Если здесь сказалось влияние идей Гюго, то оно в данном случае не привело ни к чему хорошему.

Между тем 30 августа 1778 г. Клод Гюго сочетался браком с Элеонорой Дольбель, которая была моложе его на 14 лет. Этой женитьбой Гюго укрепил свое социальное положение: согласно составленному рукой Клода Гюго черновику генеалогического древа, прадедом его жены по матери был Франсуа дю Буа, сеньер Буаны, а Дольбели в течение трех поколений занимали должность стольников («офицеров стола его величества»). Жена принесла в приданое два имения в разных провинциях, а также на 2400 ливров белья, одежды и драгоценностей.

20 июня 1779 г. Клод Гюго получил чин подполковника колониальных войск. В сентябре того же года он по ходатайству своего покровителя, герцога де Лозена, стал кавалером военного Креста св. Людовика, который носили «на огненно-красной ленте на животе». Теперь сын слуги стал именоваться «шевалье». Вместе с орденом полагалась и денежная выплата в размере 600 ливров в год. Примерно к этому времени относится и сохранившийся акварельный миниатюрный портрет Гюго. У него крупные черты простолудина, очень живой, острый взгляд, лицо волевое и умное. На нем расшитый военный мундир со стоячим воротником, золотые эполеты, ниже груди — орден в виде креста с зубцами, из-под полураскрытого мундира виднеются жилет и жабо.

На голове — парик, который тогда носили военные, с одним рядом буклей вокруг головы.

В это время правительство Людовика решило поддержать войну американских колоний за независимость, чтобы отплатить Англии за поражения в предыдущих войнах. После отъезда большей части подготовленных колониальных войск во французские владения в различных частях света в лагере Сен-Мало оставалась только тысяча человек. Они и стали костяком французской армии, отправленной 17 апреля 1780 г. под началом графа Рошамбо на помощь Северо-Американским Штатам. С ними вместе поехал и Гюго. Он участвовал в нескольких сражениях и был лично знаком с Джорджем Вашингтоном: среди бумаг Гюго имеется приглашение на обед, посланное ему Вашингтоном. Впоследствии он ссылался на Джорджа Вашингтона и графа Рошамбо как на людей, могущих подтвердить сведения о его деятельности в Америке. За свое активное участие в войне в Северной Америке Гюго заслужил два раза официальное одобрение Людовика XVI. Результатом этого путешествия Гюго явились две рукописи: одна — о проделанных им вместе с Лафайетом кампаниях, названная «Дневник зимы 1781—1782 гг. в Хамптоне, Шарлотте и др.», и вторая, озаглавленная «О преимуществах, предоставленных Соединенными Штатами европейским торговцам во время борьбы за независимость».

Возникает вопрос: почему ни одна из шести известных нам рукописей Клода Гюго не была опубликована? Ответ самый простой: вероятно, у Гюго не было средств на их издание.

Во Францию Гюго вернулся после окончания войны в Северной Америке 24 июня 1783 г., а 23 января 1784 г. он получил дополнительно ежегодную наградную сумму в 800 ливров. Тем временем колониальные войска были переименованы в Корпус военно-морских волонтеров для службы вне Франции, а в ноябре 1785 г. — в шестой полк гусаров Лозена. Клод Гюго продолжал служить там в чине подполковника вплоть до 1789 г.

К тому времени кризис и развал французской государственной системы стали совершенно явными. Реакция все больше забирала власть в стране. Придворные реакционные круги вынудили Людовика XVI еще в 1780 г. издать ордонанс, по которому недворяне не мог-

ли получать офицерские чины в армии и флоте. Гюго это не касалось: он к тому времени был уже подполковником и имел сильного покровителя. Однако обстановка вокруг него становилась неприятной, и Гюго, прослужив свыше 30 лет в армии, подал в отставку. Его отставка была принята 14 марта 1789 г., и ему была назначена пенсия 3400 ливров в год, причем в эту сумму входили и все ранее назначенные ему наградные выплаты.

Современный американский писатель С. В. Бенет (1898—1943) написал рассказ «Похоронный звон» («The Curfew Tolls»), иллюстрирующий следующую мысль: «Предположите гения, рожденного в обстоятельствах, которые делают развитие его способностей невозможным». В этом рассказе Бенет проследил, какова была бы судьба Наполеона, родись он не в 1769-м, а в 1737 г. У него почти не было бы военного опыта. Этот воображаемый Наполеон прибыл капитаном в Индию «как раз вовремя, чтобы попасть к падению Пондишери», и оставался в плену у англичан до окончания Семилетней войны. С большим трудом он добился того, что Шуазель его выслушал, но ничего из этого не вышло. Он хотел участвовать в войне в Северной Америке: «Но кого они послали? Лафайета, Рошамбо, де Грасса — дворянских отпрысков». В результате за плечами у этого вымышленного Наполеона только много лет гарнизонной службы. Он умирает в 1789 г., прожив столько же, сколько реальный Наполеон, желчным, разочарованным человеком, в чине майора артиллерии.

История реального Клода Гюго, родившегося в 1741 г. младшего современника бенетовского Наполеона, показывает, что перенятое Бенетом у историков представление о невозможности для человека незнатного происхождения выдвинуться во Франции при старом режиме и проявить себя на военном поприще является несколько упрощенным. Хюгель при падении Пондишери был капитаном и стал во главе отряда европейцев у Хайдара Али. С трудом добившись аудиенции у Шуазёля, он был послан в Индию. Правда, людей Шуазель ему не дал, но Наполеон, с его организаторскими способностями, смог бы что-нибудь получить. Клод Гюго был плебеем, однако и он вместе с Лафайетом и Рошамбо воевал против англичан в Америке. Наконец, в 1789 г.,

в год смерти вымышленного Наполеона, Гюго ушел из армии в чине подполковника — выше майорского.

Вместе с тем рассказ Бенета оттеняет, насколько типична была военная карьера Гюго. Ведь в рассказе Бенета, ничего о Гюго не знавшего, мы встречаемся с теми же событиями и персонажами: с войной против англичан в Индии и в Северной Америке, с покровительством Шуазёля, с Рошамбо и т. п. Гюго неизбежно находился именно в тех местах и встречался с теми лицами, которые играли главную роль в политике Франции.

Уйдя в отставку, Гюго в середине марта 1789 г. поселился на севере Франции, в городке Эврё, а меньше чем через два месяца, 5 мая, открылись заседания Генеральных штатов в Версале и началась Французская революция. Во время революции Гюго лишился не только назначенной ему королевским двором пенсии, но и тех двух имений, которые принесла его жена в приданое. Однако он с самого начала принял деятельное участие в революции.

Как только революционные события докатились до Эврё, Гюго, имевший большой военный опыт, был избран начальником Национальной гвардии. Сохранился черновик предложений Гюго провинциальной Ассамблее от 21 сентября 1789 г. о мерах, которые нужно срочно принять для вооружения Национальной гвардии и обеспечения боевого порядка, о том, сколько и какого оружия надо приобрести, где и как следует его хранить и т. п. На полях этого черновика рукой Гюго сделана против каждого пункта помета «Принято» и только против последнего пункта — о необходимости изготовить восемь барабанов — стоит: «На рассмотрении». Гюго принял участие в кампании по мобилизации 300 тыс. солдат для революционной армии и одновременно был избран мировым судьей (*juge de paix*) департамента Эр.

В конце 1791 г. Гюго был избран членом Законодательной ассамблеи и 1 ноября 1791 г. приехал в Париж, чтобы участвовать в ее работе. Тогда же он торжественно отказался от своего Креста св. Людовика, представив справку от казначея, что последний раз выплата денег за орден была ему произведена в 1789 г. и что с тех пор он никаких денежных сумм не получал. В его бумагах хранится письмо от членов выборной Ассамблеи Эврё, в котором говорится: «Хотя Ваш орден вполне

заслужен Вашими длительными и тяжкими ратными трудами и никогда не вызывал в нас неприязни или опасений, мы все же одобряем то великодушие, которое побудило Вас от него отказаться. Это всецело убеждает нас в Вашей готовности защищать равенство. Смеем заверить Вас, месье, что наши чувства к Вам будут лишь еще более искренними и прочными». Следует шесть подписей.

18 сентября 1792 г. Гюго как член Законодательной ассамблеи торжественно принес присягу по новой форме: «Клянусь изо всех сил защищать свободу и равенство или умереть на своем посту». О братстве в этой формуле, принятой в дни ожесточенной борьбы Горы и Жиронды, не упоминалось.

Тогда же во Франции были введены паспорта для членов высших государственных учреждений. Первоначальной целью этого нововведения было облегчить передвижение по стране, поскольку всем местным властям предписывалось оказывать содействие владельцу паспорта. Лишь много позднее паспорта получили другое назначение. По указанным в паспорте приметам мы узнаём о внешнем виде Гюго в тот период: «Пятьдесят два года, рост — 5 пье 6 дюймов (165 см.— К. А.), волосы рыжеватые (после революции военные перестали носить парики.— К. А.), брови темные, не хватает зубов в верхней челюсти, нос орлиный, лицо длинное и худое после болезни».

Между концом 1792 г. и началом 1798 г. в биографии Гюго провал. Видимо, в это бурное время он где-то отсиживался, не принимая участия в политической жизни. В 1798 г. он опять в Эврё председателем уголовного трибунала. Однако эта должность была ему не очень по душе, и в 1800 г. он решил вернуться на военную службу. Принимая во внимание его «таланты, трудолюбие и неподкупную честность», он был опять «от имени Французской Республики» зачислен на военную службу. Приказом за подписью «Бонапарт, Первый консул» ему было присвоено звание «помощника инспектора II класса, равное чину бригадира», т. е. чину, промежуточному между полковником и генералом. Его коллеги по уголовному трибуналу Эврё выразили сожаление по поводу его ухода, хотя признали, что для него самого лучше «сменить мантию на кольчугу».

И в новых условиях Гюго продолжал, хоть и медленно, продвигаться по службе. В 1802 г. он был послан в лагерь в Булонь и там два года исполнял свою должность помощника инспектора. На этом посту он заслужил орден Почетного легиона, полученный уже от «Наполеона, Императора французов». Затем, в июле 1806 г., он был назначен помощником военного инспектора специальной военной школы, организованной в то время в Фонтенбло и являвшейся питомником старой гвардии Наполеона.

В бумагах Гюго сохранился устав этой военной школы. Ученики школы — солдаты должны были предварительно кончить три класса, знать арифметику и географию, уметь правильно говорить и писать по-французски и выдержать вступительный экзамен по этим предметам. Обучали их географии, топографии, фортификации, прикладной математике, военной истории, а также языку и литературе. Преподаватели этой последней дисциплины учили четко командовать и составлять толковые рапорты. Летом уходили в походы с полной выкладкой, солдаты обучались плаванию. Питание полагалось ученикам следующее: хлеб давался сразу на четыре дня, два раза в день суп, на второе — вареная говядина и овощи, утром и вечером по полбутылки вина. Каждую осень устраивались большие маневры, и здесь для Гюго наступали страдные дни. Через два года учеников выпускали командирами батальонов. Гюго должен был контролировать как знания учеников и качество обучения, так и расходы школы и представлять рапорты о необходимых мерах и снабжении.

В 1808 г. в связи с новым разделением на военные округа Гюго перевели в округ Сены и Уазы помощником инспектора в военных школах Сен-Сира и Сен-Жермена. Для переезда в Нанси ему было выдано 600 фр. 29 декабря 1809 г. его сделали помощником инспектора I класса. 15 февраля 1810 г. он уже стал инспектором, т. е. генералом.

Гюго, очевидно, сумел приобрести друзей в высших военных кругах в Париже, так как обо всех повышениях и перемещениях еще до прихода официальных документов его извещали в частных письмах. Так, граф Деннис по просьбе графа Ласпеда, министра и великого канцлера Почетного легиона, известил Гюго 2 августа 1811 г.

о том, что он назначен офицером Почетного легиона (при Наполеоне звание кавалера Почетного легиона было двухступенчатым), хотя официальное утверждение его в этом звании последовало только 13 июня 1812 г.

К этому времени Гюго написал завещание, по которому за неимением детей все его имущество после смерти отходило его жене. Эта бумага была составлена во изменение брачного контракта, в котором было оговорено, что жена может по смерти мужа лишь пользоваться доходами, само же имущество переходит детям.

Поскольку каждый офицер Почетного легиона имел право быть зачисленным в Выборную коллегию (избиравшую местные власти в департаменте), то 2 августа 1813 г. Гюго получил официальное свидетельство в Нанси, что он является членом Выборной коллегии департамента Мерт.

Однако у Гюго не раз после взлета следовало падение. Не прошло и года, как Наполеон в последний раз попрощался со своей гвардией в Фонтенбло и к власти вернулись Бурбоны.

Первоначально Гюго оставался на своей должности, о чем его известило военное министерство 2 сентября 1814 г.

Однако вскоре правительство Людовика XVIII начало «перетряхивать» административные кадры. Клоду Гюго пришлось заполнить огромную анкету в развернутый лист со следующими вертикальными графами: 1) имя, фамилия, место рождения; 2) послужной список с указанием должности, места службы и даты назначения; список наград до получения чина инспектора; 3) продвижение по службе в должности инспектора; 4) полевые кампании, ранения; 5) примечания (указание на подтверждающих эти данные лиц). По горизонтали эти графы делились на две части: до революции и после 1789 г. Естественно, что в этой анкете Гюго особенно старался выделить свое продвижение при Бурбонах, а о революционном периоде упоминал глухо.

Это ему не помогло. Военный министр отправил ему 7 февраля 1815 г. чрезвычайно вежливое письмо: «Месье, имею честь известить Вас, что Король, желая предоставить Вам отдых, заслуженный Вами долгой и честной

службой, решил, что с 1-го числа сего месяца Вам будет разрешено выйти на пенсию».

В ответ на это 74-летний Гюго отправил министру полное достоинства горькое письмо, черновик которого с пометками, написанный мелким и еще твердым почерком, сохранился в его бумагах: «Я не знаю, какова будет сумма назначенной мне пенсии, которую я заслужил 58 годами непрерывной службы, причем 12 лет и несколько месяцев я провел в военных кампаниях в Европе, Ост-Индии и Северной Америке. Примите во внимание, Ваша светлость, что у меня нет никакого личного состояния и я живу только на 1200 франков моего жалованья. С 1789 г. в силу обстоятельств я лишился своего законного имущества, и теперь на мне лежит бремя заботы о том, чтобы мои близкие не были вынуждены обращаться за помощью. Однако самый тяжелый мой крест, ибо все мои помыслы сосредоточены здесь, это обязанность заботиться о моей жене, помогать ей и обеспечивать ее. Со времени нашего пребывания в лагере в Булони, которым Вы, Ваша светлость, лично командовали, она стала постоянной жертвой недуга и перенесла несколько хирургических операций. Простите меня, Ваша светлость, но этот крик души, призыв к человечности — он дойдет до Вас, и Ваша справедливость побудит Вас к нему прислушаться... Поскольку мою жену нельзя никуда перевозить, мне необходимо остаться в Нанси, пока бог продлевает ее несчастное существование». Далее Гюго напоминал, что, уйдя в отставку перед революцией, он получал пенсию 3400 фр. (включая выплаты за свои ордена).

Бюрократическая машина умеет быть глухой. Военное министерство еще раз запросило Гюго, где он собирается проживать и получать свою пенсию, и он вынужден был вторично ответить, что «тяжкая болезнь моей жены, которая в течение долгого времени находится в состоянии как бы агонии, лишает меня возможности покинуть место моего нынешнего пребывания». Лишь 28 апреля ему было наконец послано извещение, что ему назначена приличная пенсия — 4000 фр., которая будет выплачиваться в Нанси.

А через месяц, 30 мая 1815 г., Элеонора Гюго умерла. Ее завешание показывает, что супруги нежно любили друг друга. Она говорит о нем только как о своем

«дорогом муже» и просит адвоката при распоряжении ее личным имуществом позаботиться в первую очередь об интересах мужа. Слуге, получавшему 21 фр. в месяц, она просит сверх того выплатить 25 фр., а ее горничной (тоже получавшей 21 фр. в месяц), обещавшей ей ухаживать за ее супругом, завещает 1400 фр.

После смерти жены ничто не связывало Гюго с Нанси. Он переехал опять в Эврё, где его еще помнили и ценили, и там провел в одиночестве последние годы своей жизни. Умер он 12 апреля 1820 г., 79 лет, прожив от Бурбона до Бурбона полную трудов и событий жизнь.

Вскоре после его смерти, в 1823 г., историк Арно (Arnault) и другие начали печатать биографический словарь деятелей Французской революции. Желая оправдать в правление Людовика XVIII помещение сведений об участниках революционных событий, составители оговорили, что они включают биографии «всех тех, кто со времени Французской революции приобрели известность своими действиями, писаниями, ошибками или преступлениями как в самой Франции, так и за ее пределами». Там и помещена краткая справка о Клоде Гюго, не отличающаяся точностью: «Гюго, К. Н. (? — К. А.). Депутат Законодательного собрания от департамента Эр, в начале революции был кавалерийским офицером. 24 августа 1792 г. преподнес Ассамблее свой Крест св. Людовика. Он был членом военной комиссии и представил несколько записок по вопросам дисциплины и организации войск. После этого он стал мировым судьей и начальником Национальной гвардии города Эврё»¹⁵. О его литературных трудах в этой заметке не упоминается, поскольку они не были опубликованы. Новых сведений о Клоде Гюго в печати не появлялось, если не считать нескольких страниц в книге Глашана.

Титаны Французской революции отбросили в тень всех своих не столь выдающихся современников. Так был забыт и Клод Гюго. А между тем он был человеком талантливым и активным и прочно занимает место во втором ряду деятелей той эпохи.

Его рукопись «Записки об Индии» обладает свежестью непосредственного восприятия, свойственного первоисточнику. В ней отразились его наблюдательность, интерес к мелочам быта. О политике европейских компаний в Индии и о Хайдаре Али мы в общем знаем те-

перь больше, чем было известно драгунскому капитану в 70-х годах XVIII в. Однако Гюго сообщает такие подробности, каких не найдешь в других работах; они позволяют нам увидеть события во всей их конкретности, как бы с подсветом изнутри. Поэтому «Записки об Индии» достойны внимания всех интересующихся 70-ми годами XVIII в., этой бурной эпохой в истории Индии, определившей весь ход ее дальнейшего развития.

¹ Рукопись озаглавлена: *Nottes sur l'Inde. D'après un voyage fait pendant les années 1769, 1770, 1771, et 1772. Par M. Hugo Capitaine de Dragon. Année MDCCLXXV.*

² R. Glachant. *Histoire de l'Inde des Français.* Paris, 1965, с. 199—205.

³ Во львовской рукописи посвящения нет. Эта копия, что ясно из заголовка, была сделана тогда, когда Гюго был еще драгунским капитаном. Морской министр Сартин, занявший этот пост после воцарения Людовика XVI, стремился к усилению военно-морского флота и к упрочению французского господства в колониях. Видимо, парижскую копию Гюго дал переписать и посвятил Сартину позднее, уже став майором, т. е. между 1 сентября 1778 г. и 20 июня 1779 г. (когда Гюго получил чин подполковника). Поэтому-то Глашан, пользовавшийся парижской копией, называет ее автора «майором Гюго», хотя знает о том, что впоследствии Гюго получил более высокий чин.

⁴ Во львовской рукописи фамилия Гюго пишется «Hugo», в одном из документов «Hugot», в остальных же принято написание «Hugau». Сам Гюго тоже всегда подписывался «Hugau».

⁵ К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.). М., 1947, с. 59.

⁶ Там же, с. 61.

⁷ Подробнее об англо-французской борьбе в Индии см.: К. А. Антонова. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958; А. Б. Кэплан. Путешествие в историю. Французы в Индии. М., 1973.

⁸ О переговорах Типу Султана с Францией в 1793 и 1795 гг. см. публикацию: К. А. Антонова. Борьба Типу Султана против английских колонизаторов (новые архивные документы).— «Народы Азии и Африки», 1962, № 4, с. 113—128.

⁹ Слухи об этом, видимо, распространились в Индии. Так, современный индийский историк Хаталкар сообщает, со ссылкой на донесение того времени из Индии, хранящееся в архиве министерства колоний в Париже, что Хюгель, посланный Шуазёлем, прибыл к Хайдару 24 февраля 1771 г. (дата правильна) во главе отряда в 200 европейцев (V. G. Hattalkar. *Relations between the French and the Marathas.* Bombay, 1958, с. 164).

¹⁰ См., например: Я. Маховский. История морского пиратства. Пер. с польского. М., 1972, с. 157.

¹¹ Речь идет об английском дезертире, чье описание битвы при Мелукоте было использовано в XIX в. английскими историками

Индии Уилксом и Ормом, а в наши дни — индийским историком Н. К. Синхой.

¹² Имеется в виду отряд.

¹³ Рукопись была написана не раньше мая 1773 г., так как в ней говорится, что автор оплатил вексель, выданный Боддаму в декабре 1772 г., «через год и четыре месяца», и не позднее конца 1773 г., так как Гюго пишет о Хюгеле, как о находящемся в Шри-ранганпаттаме, в то время как к концу 1773 г. во Франции уже было известно, что Хюгель отправился лечиться на о-в Маврикий, где и умер.

¹⁴ Топасы — индийские солдаты смешанных кровей, от отцов-португальцев и индийских матерей.

¹⁵ Biographie nouvelle des contemporains, ou Dictionnaire historique et raisonné de tous les hommes qui, depuis la Révolution française, ont acquis de la célébrité par leur actions, leur écrit, leur erreurs ou leur crimes. soit en France, soit dans les pays étrangers. Par M.M.A.-V. Arnault... et autres, t. 9. Paris, 1827, с. 270.

К. А. Антонова

ЗАПИСКИ ОБ ИНДИИ

На основе путешествия драгунского
капитана г-на Гюго в 1769, 1770,
1771 и 1772 гг.

ГОД МДССЛХХV

Часть I

Гражданин должен отдать дань
своей родине, во имя ее выс-
казывая свои патриотические
взгляды

ГЛАВА I

*История жизни Андернека, позднее Айдер-Али-
Кама.— Средства, которыми он пользовался для
достижения побед.— Его облик и некоторые чер-
ты характера.— Его военно-морские силы до вой-
ны с англичанами и армия в настоящее время.—
Союзники, сокровища, китайские суда*

Ваша светлость ¹!

Я должен рассказать Вам о завоевателе, которого фортуна вознесла на трон, ею же низвергнутых трех королей. Думается, что эта богиня пожелала изумить всех милостями, которыми она осыпала Айдер-Али-Кама ².

В истории Вы едва ли встретите примеры столь блестящей судьбы. Судите об этом сами.

Он весьма безвестного происхождения, и уверяют, что предки его были кожевниками.

Отец его служил королю Майсура, и под его командованием было 1500 солдат. По религии он был индусом, и Набаб ³, о котором я начал свое повествование, от рождения принадлежал к одной из индусских сект ⁴. Позднее из соображений политики он перешел в мусульманскую секту Али ⁵. Отец был убит в сражении, и король в воздаяние за усердную службу дал сыну войско в 1500 солдат, которым прежде долго командовал его отец. Набаб так хорошо себя проявил, что через несколько лет король сделал его командующим своей армии и дал ему жакир (графство) ⁶ Бенгалора ⁷. Тогда-то новый генерал и стал носить имя Андернек ⁸.

С помощью вверенной ему армии он упрочил свое положение, разместив по всей стране гарнизоны под

командованием своих приверженцев. Вслед за этим он потребовал смещения главных министров. Король, утративший свое могущество вследствие того, что он предоставил такую власть Андернеку, вынужден был удовлетворить его требования и пожертвовать своими приближенными. Вскоре под властью Андернека оказалось все. Под предлогом того, что король слишком стар, чтобы править страной, Андернек провозгласил себя протектором государства и всей королевской фамилии. Такой титул поставил его над королем и всеми его детьми. Андернек окружил несчастных своими людьми, которые должны были следить за всеми их действиями. Королевская семья не вынесла столь унижительного положения, и не прошло и четырех лет, как от нее остался только сын, законный наследник королевского престола. Он находится в заточении во дворце в Ширингапатнаме⁹, где я его и видел. Продолжая свою политику, Набаб ставит имя принца на важнейших указах и государственных бумагах и делает вид, будто половина армии находится на содержании этого принца; последнему даже предоставляется право назначения на некоторые должности; однако при этом тщательно отбирают желательных Андернеку лиц.

Через некоторое время после возвышения Андернека в государстве Канара¹⁰ произошел переворот. Королева Бидделуру¹¹, слишком благосклонная к своему премьер-министру, отравила своего супруга, а потом решила умертвить и единственного сына. Тот, кому было поручено совершить это, свернул мальчику шею и, решив, что он мертв, удалился. Но один верный слуга короля, который оставался при мальчике, спас его и спрятал. Через несколько лет мальчик, которому к тому времени было лет 13—14, стал молить Андернека о покровительстве, прося отомстить за смерть отца. Вскоре Андернек захватил королевство и стал править им. Королева умерла в заточении, министр поджег дворец и сам погиб под его развалинами, а престолонаследник стал пленником своего покровителя. Только через 3—4 года ему удалось бежать к мараттам¹², которые назначили ему содержание и стали пользоваться его именем во всех спорах с Набабом. Несчастный принц носит на себе неопровержимое доказательство своих притязаний на канаратский престол: голова у него так странно повернута набок,

Claude Hugan

что подбородок лежит на правом плече. Таков результат жестокой расправы, совершенной по приказанию его матери.

После этой победы, которою Андернек частично обязан французскому оружию, он принял имя Айдер-Али-Кама, что вместе с титулом Набаба было подтверждено указом^а Делийского двора. Он велел ставить свой чекан на монетах и присвоил свое имя столице Канара, ранее называвшейся Рами Бидделуру, а ныне — Айдер-Нагар, что означает Завоевание Айдера¹³. Когда столица была захвачена, остальные крепости как внутри страны, так и на побережье оказались под властью повелителя. С того времени он мирно правил своим государством, если не считать мелких столкновений с португальцами, мараттами и англичанами. Новые подданные не отваживались даже на малейшую попытку мятежа: Айдер-Али-Кам приложил много стараний, чтобы этого избежать. И вот каким образом он это делал.

Спустя несколько месяцев после захвата королевства Канара Айдер-Али-Кам, зная, что некоторые главы видных семейств по-прежнему испытывают приязнь к старому правительству и что многие офицеры недовольны тем, что наследник не на престоле, придумал план, как развязать себе руки для новых завоеваний, не опасаясь волнений на этой территории.

Он приказал одному военачальнику, которому полностью доверял, охранять все подступы к сералю¹⁴ и одновременно распространить слух, будто у Набаба страшные судороги и он думает, что его отравили. Военачальнику вполне удалось убедить в том, чего люди страстно желали. Другим своим приближенным Айдар велел проследить за поведением самых видных канаратцев и разузнать об их умыслах.

Через четыре дня после появления слухов о болезни Айдера распространилась весть о его смерти. Эта новость была встречена ликованием во всем королевстве.

Но этого Айдеру было мало, нужны были жертвы, и он сам хотел их отобрать. В течение семи дней тайна строго сохранялась и выполнялись его приказания. Были сделаны все приготовления для похорон. На горе, в од-

^а Жалованной грамотой. (Буквами отмечены примечания автора.)

ном лье¹⁵ к югу от города, была построена мечеть, куда, согласно мусульманским обычаям, и направилась похоронная процессия.

К этому времени у противников Айдера созрели замысли и их стали свободно высказывать. Эти люди хотели поднять восстание, перерезать или изгнать всех его сторонников. Ведь они были уверены, что он мертв и что действительно хоронят его. Но вместо тела в гроб положили бревно. Набаб за время своей мнимой болезни и смерти обдумал, как остановить готовящийся мятеж, наказать его участников и избавиться от нескольких влиятельных канаратцев, которых ему следовало опасаться в будущем.

Страна была наводнена его лазутчиками, а войска в полном вооружении готовы сопровождать похоронную процессию. Айдер воспользовался этим, схватил главных заговорщиков, а вслед за ними еще 400—500 глав семейств, единственной виной которых было то, что они — канаратцы, брамы¹⁶ или просто богатые люди. Две недели на эшафотах не просыхала кровь. Костры обратили в пепел несколько сот жертв, а в лесу, окружавшем Айдер-Нагар, деревья стали виселицами для жертв ужаснейшего зверства. Жестокость, питавшая разум Набаба, распространилась на все королевство, и те несчастные, которые хотели спасти свою жизнь ценою золота, через мгновение собственной кровью скрепляли отречение от своего имущества.

Подозрения и неистовая злоба за полгода превратили эту прекраснейшую, богатейшую и самую мирную часть Индостана в край страха и ужаса, в груды пепла. Как только владелец дома становился жертвой злобы, меча и предательства, дом его предавали огню. Я объехал весь этот край и останавливался в одном из мест, полностью разрушенном Айдером. Раньше там жило более 10 тысяч канаратцев и брамов и было больше сотни великолепных пагод^{а17}, с большим искусством воздвигнутых для почитания несуществующих богов. Я видел руины сооружений редкой красоты. На строительство в этой местности (которая совершенно пустынна, если не считать немногих живущих там бельтуа¹⁸ и христиан) ушло столько материалов, что из них можно было бы

^а Храмов.

воздвигнуть несколько крепостей, не опасаясь при этом, что не хватит тесаного камня, кирпича, железа, свинца, мрамора и даже дерева. Сохранились еще выложенные камнем каналы и пруды по 300—400 туазов¹⁹ в окружности со спусками по 50—60 ступеней из тесаного камня; это заставляет сожалеть о тех разрушениях, которым подверглись остальные постройки. Город этот расположен между Манголором²⁰ и Гаттами²¹, на плодородной равнине Малабарского побережья, и имеет около 5 миль в окружности.

Естественно, что своей жестокостью Айдер-Али-Кам внушил подданным ужас и страх. Большинство этих несчастных, следуя правилам своей веры, покорились ему и, подавив в себе скорбь и недовольство, остались жить в тех местах, где исполнялись их религиозные обряды. С тех пор там сохранялось спокойствие. Все эти люди безоружны. Грандиозные, хотя и плохо устроенные укрепления в Айдер-Нагаре, 60—70 крепостей с полным гарнизоном, разбросанных по всей стране, 5—6 тысяч солдат гарнизона в самой столице, управляемой ничтожным тираном,— все это подавляет несчастных людей. К тому же они не очень приспособлены к войне как из религиозных убеждений, так и из-за привычной изнеженности, ставшей их второй натурой. Они пригодны лишь для торговли или ведения дел. Брамы, будучи людьми образованными, очень подходят для участия в политических дольбарах²². К тому же они очень корыстолюбивы: если им хорошо платить, они пойдут на все, вплоть до измены своему господину.

Более 300 тысяч канаратцев — христиане. Большинство из них живет в нищете, а те, у кого есть хоть какое-то имущество, так малочисленны, что не в состоянии что-либо предпринять. Кроме того, у них нет ни вождя, ни оружия. Христианская же религия, к которой они легко приобщаются, запрещает причинять зло. Идолопоклонников среди канаратцев 150—180 тысяч. Остальные канаратцы рассеяны по всему побережью — от мыса Коморин до мыса Диу. Они считаются подданными тех, кто их приютил. У португальцев в Гоа²³ их больше 20 тысяч. Они живут также во владениях, принадлежащих англичанам и нам. Это вполне мирные люди. Они

²² Д о л ь б а р ²² — совет.

легко осваивают наши ремесла, становятся каретниками, столярами, каменщиками, а некоторые даже успешно занимаются искусством.

Айдер, убедившись, что все спокойно, решил начать новые завоевания. И тогда по его воле правитель Сонды²⁴ был объявлен врагом. Айдер выступил в поход против той части страны Сонды, которая прилегала к границам его владений. Стоило только Айдеру появиться там, как он сразу же захватил этот край. Легкая победа навела его на мысль отправиться в поход на португальцев. Война была объявлена. Айдер овладел мысом Рамас, который впоследствии португальцы у него отбили. Тогда французский отряд под командой г-на Хюгеля^a тайно покинул лагерь и направился в Гоа. Это было сделано при посредничестве одного офицера, служившего Португалии, епископа Биррского²⁷ и аббата Норонского, который в то время принял сан епископа Аликарнассского. Подобное коварство нанесло тяжкий удар Айдеру и нарушило все его планы. Он послал свое-

^a Хюгель прибыл в Индию пехотным прапорщиком в армейский корпус под командованием Фишера. В Индии Хюгель постепенно повышался в чинах и стал капитаном гусар в этом же корпусе.

Когда Пондишери захватили англичане, Хюгеля с его отрядом там не было. Вместо того чтобы явиться туда по требованию г-на де Лалли²⁵, он со своим отрядом перешел на службу к Айдер-Али-Каму. В отряде было человек 275, в том числе около 200 всадников и 10—12 офицеров из Индийского батальона и из его собственного корпуса. Офицерам платили 400 рупий в месяц, что соответствует 960 франц. ливрам, а всадникам — 72 рупии в месяц. Однако, поскольку Айдер-Али-Кам начал войну с португальцами, г-н Хюгель не решился его поддержать, так как не имел на это полномочий; он перешел на службу к португальцам скорее всего из-за жалованья, которое они ему дали. Как бы то ни было, под предлогом маневров г-н Хюгель приказал всадникам сесть на коней, и не прошло и двух часов, как отряд, бросив свой лагерь, где оставались солдаты, оказался у португальцев.

В Гоа отряд пробыл всего около пяти месяцев. Англичане заставили вице-короля отослать тех, кто был на его содержании. Их спросили, куда бы они хотели уехать. Г-н Хюгель выразил желание отправиться к датчанам в Транквебар²⁶, и тогда его и тех из его отряда, кто хотел следовать за ним, отправили туда на судне. Несколько человек решили возвратиться к Айдеру, другие — уехать в разные места и т. д. Все это было выполнено; г-н Хюгель и его соратники явились в Транквебар. Датчане взяли их на содержание, хотя и не нуждались в них. Однако благодаря репутации, которой пользовалась эта небольшая горстка людей, теперь

го альгара^а к Хюгелю, требуя, чтобы тот вернул ему коней и все оставшееся в лагере имущество, которое принадлежало г-ну Хюгелю и офицерам его отряда.

Этим обстоятельством, а также тем, что Айдер был далеко от своей страны, воспользовались маратты и напали на королевство Майсур. Айдер бросился на защиту своей страны. Однако он едва не потерял за один день все плоды своих трудов. Португальцы, тоже стремившиеся к мести, попытались вернуть земли, которые Айдер отнял у их союзника, правителя Сонды. Военачальник по имени Каприбек, которому Айдер поручил защищать свои новые завоевания и который там и теперь командует, оправдал доверие своего правителя и нанес поражение португальцам, сосредоточившим все свои силы для осады Карвара²⁹. Каприбек вынудил отойти их корабли. Они даже бросили восемь пушек. Я видел их в форте. Они стоят, как трофеи, прославляющие имя этого полководца. С тех пор был установлен мир, и мыс Рамас остался у португальцев. В бухте они построили форт для защиты побережья.

На вид Айдер-Али-Каму от 54 до 60 лет³⁰. Он хорошего и весьма крепкого телосложения и все еще с легкостью вскакивает на коня. Лицо у него полное и очень смуглое, глаза хитрые, выражение лица гордое, недоброе, но улыбается он охотно и кажется честным человеком. Вероятно, зная, что французам нравится учтивость, он первым делал нам салам^б.

Он не носит ни усов, ни бороды и старательно выщи-

сократившаяся до 175 человек, Совет Транквебара решил принять их к себе на службу. Но те отказались, и вскоре отряд рассеялся. Г-н Хюгель вернулся во Францию с группой офицеров, которые потом тоже рассеялись: одни возвратились в Индийский батальон, а большинство поступило на службу к голландцам на острове Цейлон, в Негапатаме и т. п.

^а Альгара²⁸ — гонец. Во всех владениях Набаба имеются караульные помещения, расположенные на расстоянии 2 ли друг от друга, где всегда находятся по два гонца. Они ходят быстрее, чем у нас почта. Правитель посылает через них приказы в центр или на окраины своих владений. Днем они носят жезл, отделанный кожей и железными пластинками, а ночью — факел из просмоленного дерсва. Платит им правитель, а население может отправлять с ними письма бесплатно. Правда, бумагу здесь употребляют редко, а пользуются корой или листьями веерной пальмы, на которых пишут специальной палочкой.

^б С а л а м — восточное приветствие.

пывает каждый появляющийся волосок. Вместо усов около рта тоненькая, еле заметная ниточка волос. Из подозрительности он не позволяет себя брить и потому подвергает себя операции, о которой уже говорилось. Появляясь перед армией, перед врагом, он бывает одет весьма просто. Я видел золото только на упряжке коней и на его расшитых туфлях. На нем был голубой шелковый стеганый халат и широкие шаровары из бенгальской материи³¹. На голове у него ток^а ³² красного цвета, как принято в Азии; на шее — орден, состоящий из жемчужного ожерелья в семь рядов, каждая жемчужина, размером почти с наш орех, ярко сверкает и отличается белизной; несколько сапфиров на пальцах, на большом пальце левой руки шапп^б ³³ из изумруда величиной с монету в 20 су, только он квадратной формы и, как мне показалось, не такой плоский. На правом предплечье янтарные четки, которые он временами перебирает. Шея у него открыта, а руки и ноги наполовину обнажены; на обеих руках выше локтя браслеты с реликвиями из Мекки в золотой оправе.

Впервые я увидел этого правителя 24 февраля 1771 г., когда он держал дольбар^в в своем шатре. Скрестив ноги, без туфель, он сидел на кипе темно-красных бархатных подушек с золотой бахромой и кистями. Справа и слева от него тоже лежали подушки, на которые он временами опирался. Земляной пол в шатре был застлан роскошным персидским ковром; убранством служила похожая на модные у нас кровать из сандалового дерева с серебряными инкрустациями и колоннами, отделанными золотой чеканкой. Над ней висел шелковый кисейный полог от москитов^г. Потолок и стены шатра были из какой-то шелковой материи, напоминающей полосатые сиамские ткани. Семь серебряных светильников на ножках из того же металла, на семь свечей каждый, освещали шатер, где, подобно нашим портным, сидели 30 брамов; они писали приказы правителя, докладывали ему о письмах и новостях, принесенных альгарами. Серебряная курильница на подставке из де-

^а Род тюбана.

^б Секретная печать, которую носят на правом мизинце все правители и владельцы тех краев, никому ее не доверяя.

^в Государственный совет.

^г Род занавеса, предохраняющего от москитов во время сна.

рева битре³⁴ распространяла аромат сжигаемых в ней благовоний. Внутри и у входа в шатер стояло по семь шупударов³⁵ с серебряными жезлами, напоминающими те, что бывают у регентов в наших церквах.

Мне показалось, что правитель подчас впадал в глубокое раздумье, потом вдруг начинал быстро говорить, и добаши^а часто терялись из-за огромного количества вопросов, которыми он их засыпал.

Айдер не умеет ни читать, ни писать, но прекрасно считает, и у него поразительная память. Он говорит по-мавритански³⁷, по-мараттски, на языке канара и знает несколько слов по-персидски; прекрасно понимает все французские ругательства и бранные слова. Очень не любит, когда пудрят волосы. На людях он старается соблюдать приличия и воздерживается от всего, что запрещено мусульманским законом. Но в серале с наслаждением пьет наши вина и ликеры и ест свинину, хотя магометанам это запрещено.

Он невероятно сластолюбив, и были случаи, когда у европейцев, находившихся у него на службе, похищали жен ради его удовольствия, а потом отсылали их без всяких знаков щедрости со стороны этого правоверного, который в глубине души не верит ни во что. Между прочим, он намекнул католикам, что хотел бы перейти в их веру, и епископ Биррский уверял меня (с видом, свидетельствовавшим об искренности и набожности этого прелата), что Айдер-Али-Кам носит в тюрбане кусочек дерева от Христова распятия. Но это чепуха. Впрочем, в его владениях много католиков, и ко всем религиям там относятся терпимо, даже когда богослужения проводятся открыто.

В серале Айдер-Али-Кама не столь много жен, как у наших чернокожих соседей-мусульман. Я слышал, что в нем содержится 30—40 женщин. Но Набаб не щепетилен в отношении средств, которыми пользуется для того, чтобы добыть приглянувшуюся ему женщину или

^а Д о б а ш и ³⁶ — переводчики. Все правители и владельцы, вплоть до самого маленького военачальника, имеют добашей. Непосредственно к правителю не обращаются никогда: говорят переводчику, а он пересказывает своему господину, что вы ему сказали, и он же передает вам ответ. Этот обычай связан с особой приверженностью восточных людей к пышности.

девушку, и это позволяет ему обходиться без излишнего числа жен.

Он жует бетель^а с утра до вечера. Два красавца негра готовят это ему. На серебряном блюде с золотыми перегородками лежат листики бетеля, орехи арека, известь, пальмовая смола, гвоздика, кардамон и другие составные части. Один из негров подготавливает бетель и подает Набабу по листочку. Другой держит урну из массивного золота и подносит ее своему господину, когда тому надо сплюнуть. Еще один негр, представленный к гаргули^{б 38}, следит за тем, чтобы вовремя исполнить желание своего господина. Гаргули отличается богатством отделки и сложностью устройства.

До войны, которую Айдер-Али-Каму пришлось вести против англичан^в, у него был довольно большой флот, но англичане захватили его и уничтожили. В то время им командовал Нирша⁴⁰, который впоследствии стал губернатором Айдер-Нагара. Он неоднократно разбивал мараттов, но его господин платил ему за это черной неблагодарностью. Нирша решил перейти на службу к его врагам — мараттам.

У Айдера нет никаких нравственных принципов, которые побуждали бы его проявлять благодарность^г. Из-за этого он нажил себе врагов, что весьма ослабило его. Лучшим своим военачальникам, которые командовали тремя, четырьмя, а иногда и пятью тысячами всадников, он мало платил и часто дурно с ними обращался, вследствие чего они его покидали. Это истинная правда: в 1768 г. у него была армия в 75 тысяч, не считая гарнизонов. Когда же я прибыл к нему, эта армия едва насчи-

^а Листья, напоминающие листья плюща.

^б Восточная трубка для курения.

^в В 1766 г., воспользовавшись столкновениями между Айдером и мараттами, которые разоряли Майсур, отвлекая этим Набаба, англичане захватили все его морские гавани, и в первую очередь Манголор. Они подкупили его дивана³⁹ и главных военачальников, потом даже обосновались в Манголоре, как будто собираясь там остаться. Но после заключения мира с мараттами Набаб двинулся форсированным маршем и, проявив много умения, выгнал англичан из всех захваченных ими мест, взял много пленных, заставив их бросить артиллерию и снаряды, а затем дошел с боями до Мадраса и т. д.

^г Ни на персидском, ни на мавританском, ни на талинга⁴¹ и ни на одном другом языке азиатских стран не существует слова, выражающего это чувство.

тивала 25 тысяч, а в июле 1771 г. не превышала и 12 тысяч, вместе пехота и конница.

Что касается военно-морских сил Айдера, то все они сосредоточены в Манголоре, его единственном порту, где я их и видел. Флотом командует бывший офицер французской Ост-Индской компании, некий Дево из Сен-Мало. Айдер дал ему чин адмирала и жалованье 400 рупий в месяц; у него есть бои^а ⁴², которые носят его паланкин^б. Флот составляют три корабля измещением по 300—400 тонн, с чернокожими солдатами на борту⁴³ и вооружением от 16 до 24 пушек разного калибра, с ядрами от 2 до 8 фунтов; 1 палль⁴⁴ с 16 пушками, довольно хорошее и быстроходное судно; 2 гуребера⁴⁵ с 12 пушками; 2 галеттара⁴⁷ с 11 пушками. Кроме того, 5—6 гальвет⁴⁸, вооруженных 3 или 5 пушками. Всего 14 судов. Адмиральский корабль называется «Тигр».

Когда все эти суда выходят в море, на них бывает от 50 до 160 чернокожих солдат и сипаев^в. Однако последние два года Набаб не разрешал своему адмиралу выходить в море из опасения, что его захватят маратты. В результате эскадра остается невооруженной. На зиму все суда вытаскиваются на стапеля вручную, так как нет никаких приспособлений, облегчающих эту работу.

После завоевания Малабара Набаб вступил в союз с португальцами. Новые союзники точно выполняли договор: они выступили в 1771 г. против мараттов, которые хотели вторгнуться в завоеванные Айдером земли Сонда по суше и через португальские владения. Между португальцами и мараттами произошло небольшое столкновение. Победу одержали португальцы, вынудив мараттов отступить по морю с потерями. Эта услуга имела большое значение для Айдера: если бы мараттам удалось проникнуть до Карвара, они бы его захватили, поскольку одновременно с моря вел наступление и их

^а Носильщики.

^б Род носилок, обслуживаемых четырьмя или шестью чернокожими, которые бегают со скоростью лошади и при этом всегда поют песни или разговаривают между собой. Их сменяют через каждые 2 лье.

^в Солдаты вооружены по-разному: одни — фитильными, другие — обыкновенными ружьями, третьи — пиками, саблями, луками, секирами, мушкетами или же фугеттами ⁴⁹.

флот. Все земли Канары и Гаттов попали бы тогда в их руки, так как Набаб вывел оттуда свои гарнизоны; они ему были нужны в других местах. Сам же он был занят в это время в Мелькотте⁵⁰, сражаясь против других мараттских войск, еще более опасных, чем эти. Маратты под Мелькоттой победили Айдера, другие же маратты потерпели полное поражение.

Благодаря союзу с португальцами был воздвигнут защитный барьер на севере владений Набаба. Айдер создал себе и другой барьер на юге, поставив там королем маппелов⁵¹ Али⁵², который сдерживает как бунтующих наиров, так и вылазки мараттов. В этой части страны маратты не могут напасть с моря: Али Раджа — способный военачальник, а форт Кананор, построенный голландцами и проданный ему, — лучший на побережье. Благодаря этому владения Набаба в безопасности как с севера, так и с юга, и надо охранять только небольшой участок — всего 110 лье побережья — у неприступных гор, которые можно перейти лишь в пяти местах, чтобы попасть в Айдер-Нагар и в Майсурское государство. Один из этих проходов принадлежит владельцу Корка⁵³, земли которого вклинились в королевство Канара, образуя как бы седло Гатт. Поскольку владения правителя Корка столь удачно расположены и прикрыты, он не боится Набаба, и, как только тот оказывается вовлеченным в войну, он затевает с ним ссоры. Набаб же весьма заинтересован в хороших отношениях с ним, так как Корк — это ворота во владения Айдера. Поэтому он постоянно стремится сохранять с владельцем Корка дружбу и исполняет все его требования. В 1771 г. правитель Корка опять сыграл с ним подобную же шутку и после битвы при Мелькотте объявил Набабу войну. Это нарушило всякую связь между Айдер-Нагаром и Ширингапатнамом. Тогда, чтобы заключить мир и обеспечить свободный проход через эту страну, Набабу пришлось отдать владельцу Корка жакир в 16 алдей⁵⁴ и прекратить взимать налог (который тот должен был платить прежним королям Канара).

Можно быть совершенно уверенным, что, если бы до заключения этого мира маратты решились вторгнуться в Карнатту⁵⁵, они сильно встревожили бы Айдер-Али-Кама, так как через Корк им удалось бы проникнуть на все побережье Канары — единственный источник снаб-

жения Набаба во всех войнах, которые он вел против мараттов.

Во владениях Айдера нет ни золотых, ни серебряных приисков⁵⁶. Его сокровища — это то, что он нашел или захватил во время завоеваний. На крайний случай у него припасено восемь сундуков, наполненных драгоценными камнями и жемчугом. Его доходы растут благодаря значительному количеству наличных денег, которые он отдает в рост, невзирая на закон, запрещающий мусульманам делать это. Казна Айдера пополняется за счет огромных налогов, которыми он облагает свой народ, а также за счет пошлин на ввоз и вывоз товаров. Слитки, употребляемые для изготовления монет — золотых пагод⁵⁷ и фанамов⁵⁸, на которых Набаб ставит свой чекан, — поступают только от управляющих — откупщиков или менял. Они собирают налоги, обращая их в деньги. Во всех владениях Набаба, как и в других государствах Азии, вам дадут что угодно за кусочек золота или серебра, который отрежет себе торговец от имеющегося у вас слитка. Эти слитки употребляют в стране Айдера для чеканки монет. Арабы и китайцы иногда меняют в Манголоре свои слитки на рис, перец и сандаловое дерево.

В 1770 г. Айдер-Али-Кам повелел, чтобы суда, прибывающие каждый год из Макао под португальским флагом, заходили в Манголор, с тем чтобы взимать с них золото. Уже был отдан приказ об этом адмиралу (оригинал этого приказа у меня). Однако португальцы, под флагом которых ходят эти корабли, пригрозили открыто выступить против Набаба и расторгнуть договор. Айдер вынужден был отказаться от этой идеи и стал отрицать, что отдал такой приказ, хотя С. Дево заставил уже два таких судна пришвартоваться в Манголоре. Именно поэтому приказ оказался у меня: если бы я отправился в Пондишери, он послужил бы оправданием Дево перед г-ном Ло.

Ваша светлость, мне хочется, чтобы это письмо смогло удовлетворить Ваш интерес к завоевателю, о котором мало знающие его люди так много говорят. В последующих письмах Вы найдете много подробностей, необходимых для понимания того, о чем считаю своим долгом Вам рассказать. Мне не хотелось бы обойти молчанием многие упомянутые здесь обстоятельства жизни Айдера.

Но я не буду испытывать ложного стыда, когда речь идет о том, чтобы поведать моей отчизне о человеке, на которого до сих пор смотрели как бы через подзорную трубу! Его первые успехи, на которые обращали мало внимания, были причиной его быстрых завоеваний и той популярности, которой он пользуется. Пример Айдера показывает, что, если предприимчивому человеку сопутствует удача и препятствия, которые он встречает, легко преодолеть, он может достичь самого высокого положения. Айдер-Али-Кам захватил 900 лье земель средствами, которые считал допустимыми. О любимая родина! Он хочет быть Вашим союзником. Сделайте так, чтобы он действительно стал им! Ваши враги его боятся, а стратегическое положение завоеванных территорий позволяет ему плодотворно служить Вам. Повторяю, ему сопутствует счастье! Любой способный человек, которому выпала бы такая же судьба и который располагал бы такими же средствами, что и Айдер, смог бы достичь еще большего. Индусов легко покорить; быстрые победы лишают их мужества. Это я сообщаю только для своих соотечественников. Айдер же сумел создать о себе иное представление в глазах англичан.

Остаюсь с уважением
Маэ. Малабарское побережье. 1 августа 1771 г. Отправлено с датским кораблем ⁵⁹.

ГЛАВА II

О некоторых основных поселениях на побережье государства Айдер-Али-Кама.— О торговле, войне с англичанами и ее результатах.— О сухопутных силах Айдера и его военном таланте.— Об укрепленных городах, крепостях и т. п.

Ваша светлость!

Это письмо даст Вам более подробные сведения о завосвателе, у которого я служил. Вы увидите здесь пороки его правления и, по прочтении написанного, согласитесь с тем, что здание, воздвигнутое на подобной основе, неминуемо должно было рухнуть. Однако в этой стороне государства встают из пепла, а самые удивительные люди поднимаются из праха. Фортуна, всегда сопутствовавшая Айдер-Али-Каму, неизменно возносила его после падений, а пассивность и безнравственность врагов всегда способствовали победам Айдера над ними и позволяли ему исправлять допущенные ошибки. Посмотрим, каково внутреннее положение страны Айдера, исследуем, какие средства дает ему торговля, а затем перейдем к разбору его военных способностей. Я сообщу Вам все в мельчайших подробностях, и Вы легко представите себе, насколько этот человек, несмотря на все его недостатки, может быть полезен нам и насколько он опасен для наших врагов. Если мы захотим проверить его преданность, надо внимательно следить за его поведением. Я вовсе не его почитатель. Ведь я описал недостатки Айдера, но у него есть и важные положительные качества, что бы о нем ни говорили. Этого человека боятся, потому что он действительно внушает страх. «В царстве слепых и кривой — царь», — гласит пословица, и она вполне применима к Айдеру. Сами англичане не могут отрицать, что очень довольны тем, что развязались с ним. Сколько пользы можно было бы извлечь из того, что англичане обязались в 1769 г. уп-

латить Айдеру 9 лакков^а рупий в три срока за то, чтобы он покинул Карнатту². Они вынудили его вступить с мараттами в войну (свидетелем которой я был). Боюсь, как бы в один прекрасный день они не изыскали с него за потери в битве при Мелькотте. Это зависит от нас.

Я уже имел честь сообщить Вам, что Манголор — единственный порт во всех прибрежных владениях Айдера, причем не потому, что нет других мест, где можно было бы построить порт не хуже этого. Но у индусов нет техники, они медленно осваивают новшества и редко отказываются от старых привычек. По этой причине Набаб не проявляет интереса к Карвару, где можно создать порт, пригодный для стоянки 12—15 военных кораблей в периоды, когда с запада дуют муссоны.

После Карвара следует Онор³, где есть английская фактория. Оттуда англичане ежегодно вывозят от 700 до 800 канди⁴ перца и от 1000 до 1200 канди сандалового дерева⁶. Это поселение используется также англичанами для получения сведений о делах Набаба, которому они продают оружие, металлы и прочее, невзирая на то что уже некоторое время существует постыдное распоряжение, запрещающее англичанам продавать оружие индусам.

В Оноре прекрасная бухта. Там стоят три форта, построенных на индийский лад; протекает красивая речка, уходящая далеко в глубь суши, пригодная для захода малых судов. Глава английской фактории был близким другом Набаба, и это вызывало недовольство у англичан. Теперь ее возглавляет секретарь Совета Телличерри⁵ С. Тоусен.

Кондапур, или Гейтапур⁶, и Баколор⁷ — тоже очень хорошие места. Прежде у голландцев в Кондапуре была фактория. Эти местности густо заселены и весьма удобны для торговли с внутренними районами страны. После потерь, которые понесли голландские фактории в Персидском заливе, голландцы покинули почти все свои предприятия и в западной части Индии. Именно такая судьба постигла Кондапур, хотя оттуда можно в изоби-

^а Один лакк¹ составляет 100 тысяч рупий, или 240 тысяч ливров на наши деньги.

⁶ Малабарское канди равно 560 французским фунтам.

лии вывозить сандаловое дерево, перец и рис. Там протекает очень красивая река, куда свободно могут заходить суда измещением до 60—80 тонн. Я поездил по этому краю и могу с полным основанием утверждать, что он очарователен: там много лесов; есть хорошие мощеные дороги шириной 10—12 туазов. Они проложены за Кондапуром и доходят до Манголора и подножия Гатт. На расстоянии 2 лье друг от друга стоят специально построенные дома, где путник может найти воду, которую хранят приставленные к этому и оплачиваемые люди. Установление такого рода распространено на всю страну Канара со времен королевы Бидделуру, и Набаб сохранил его. Эти дома служат также приютом, где можно укрыться от слишком сильного зноя.

Из Баколора получают много риса и разных товаров, подобных тем, что вывозят из Карвара. Горы по обоим берегам реки, разведанные опытным человеком, позволяют надеяться, что это место можно приспособить для порта. По-моему, мавры не занимают этот порт только из-за его размеров. Я говорю так потому, что сам его видел и почитаю своим долгом сообщить об этом, так как в Баколоре можно создать хорошую факторию. Глубоководная и широкая река, товары для выгодной торговли, горы, благодаря которым это место служит укрытием в любую погоду,— все это доводы в пользу моей идеи. Эти места нам мало известны, и их редко посещают. Баколор находится близко от Манголора, и там производят то же самое. Бухта на побережье почти не приметна, и вход в нее виден, только когда подойдешь почти вплотную. Побережье столь густо засажено плодовыми деревьями, что они скрывают от взора всю красоту этой бухты, которую можно назвать заливом. Два форта защищают бухту.

Манголор является главным торговым центром побережья Канары. Это житница западной части Индии и Аравии. Огромное количество риса, который свозится сюда из глубины страны, привлекает множество судов, грузящихся прямо здесь же. У португальцев тут фактория, которую возглавляет Гольт Мороу, ирландец по происхождению. Я прожил тут около двух месяцев и хорошо узнал этого человека. Он судья и глава всех христиан. Это право было предоставлено португальцам королевой Бидделуру и сохранено за ними Айдер-Али-

Камом. Айдер обязан ежегодно поставлять португальцам 300 тюков риса и определенное количество сандалового дерева. Кроме того, фактор (глава фактории) взимает налог со всех рыбацких судов. В Манголоре есть две католические церкви.

В Манголоре у устья реки есть отмель, закрывающая порт. В первом фарватере — $3\frac{1}{2}$ морские сажени⁸ глубины, а во втором — $1\frac{1}{2}$ морские сажени. Глубина реки от 5 до $5\frac{1}{2}$ сажений над донным илом. Для защиты фарватеров построен мол, однако хоть он и новый, но очень неудачный. Кроме того, там есть крупный каменный форт, но рва нет, и он не охраняет фарватеры. Форт защищает только часть города, но он способен открыть огонь в случае десанта противника.

Когда англичане захватили Манголор, они подкупили того, кто управлял им, и высадились поблизости от португальской фактории, находящейся перед большим фортом на берегу реки. Вместо того чтобы пройти по новому фарватеру (прежний засорился, из-за чего город, располагавшийся раньше на 2 мили южнее, был перенесен на это место), они высадились на песчаной косе, отделяющей море от суши. Там они установили батареи, которые нанесли городу ущерб. Ночью португальцы и канаратцы-христиане провели их на материк. На следующий день форт сдался.

Позднее, когда Айдер подкупил английского коменданта и, в свою очередь, изгнал англичан из Манголора, глава португальской фактории едва спасся от виселицы. Португальские привилегии Айдер собирался отменить. Но из-за денег и по политическим соображениям он ограничился требованием прислать другого начальника фактории.

В Манголоре есть шерафы⁹. Благодаря этому там меняют любую монету мира по существующему курсу. Денежные знаки у Айдера — старые и новые золотые пагоды стоимостью 9 ливров 12 су и золотые фанамы по 8 ливров. Мелкая медная монета называется тарр¹⁰ и каш¹¹. Тарр — круглая, каш — квадратная.

Меры веса и длины:

канди весит 500 фунтов по 16 унций в каждом;

тюк — 100 фунтов по 16 унций в каждом;

⁸ Менялы.

ман ¹² — 28 фунтов по 16 унций в каждом;
серр ¹³ — около 14 унций;
локоть ¹⁴ составляет 15 королевских пядей ¹⁵;
морская сажень состоит из 5 пье ¹⁶ и 12 пядей;
таковы основа для торговли и меры длины.
Серебряной монеты Набаб не чеканит вообще.

В его владениях, главным образом в Майсуре, есть железная руда, но он не умеет извлекать из этого пользу.

Когда Айдер снова захватил Манголор у англичан, там оказалось много оружия и боевых припасов, а главное — огромное количество сукна и снаряжения, хватившего на несколько батальонов. Поэтому в его армии многие топасы ^а ¹⁷ одеты в английскую форму. Это нанесло англичанам серьезный урон. У меня есть основания утверждать, что англичане ищут случая отомстить, и если они опять овладеют Манголором, то для них это будет большой удачей, и они постараются сохранить его за собой. Если европейцы, а главное, мы хотим остаться в Индии, надо внимательно следить за тем, что делают тут англичане. Они хотят не более, не менее как изгнать нас из этой страны силами ее народа. Воспользовавшись нашей слабостью, они сначала захватили торговлю и дискредитировали остальные государства до такой степени, что, когда в Суратт ¹⁸ прибыл шведский корабль, вооруженный так, что мог бы одолеть весь туземный флот, его экипаж рад был заплатить любой выкуп, лишь бы выбраться оттуда. Капитана корабля, сошедшего на берег, чтобы сделать закупки, задержали. Глава английской фактории морочил ему голову до тех пор, пока не уговорил Набаба Суратта ¹⁹ захватить этот корабль. Несчастливого шведа присудили к уплате 2 лакков рупий. Но благодаря подаркам, поднесенным брамам по совету бывшего доверенного лица французов, эта сумма была снижена до 90 тысяч рупий.

Вот так поступает нация подлинных философов! Они хозяева Суратта и советники его Набаба. И точно так же им не удастся оправдаться в моих глазах, как и в 1770 г., когда они посоветовали мараттскому флоту в Талличерри напасть на корабль «Король Индии», нахо-

^а Каста людей, родившихся от христиан. Они довольно хорошие артиллеристы.

дившийся на стоянке в Маэ²⁰. Эта нация стремится к господству как в Индии, так и в Европе. И я все думаю: если уже один француз указал им путь, по которому они следуют в политике и торговле²¹ в этой части света, то почему бы другому французу не поставить им непреодолимое препятствие на этом пути?! Даже самое плодоносное дерево погибнет, если на нем сделать хоть легонький надрез!.. Вот пример. Когда Айдер-Али-Кам воевал с англичанами, он взял в плен более 400 белых солдат и 11 офицеров. Неожиданно он напал на предместья Мадраса. Если бы он проявил немного больше упорства, то завладел бы городом, захватил бы в плен губернатора и главных членов Мадрасского совета, которые в это время веселились в одном загородном доме. Айдер заставил все же англичан подписать позорное соглашение, согласно которому они должны выплатить ему 9 лакков рупий в три срока в течение девяти лет... Если такого сумел добиться от англичан этот заурядный человек, то что мог бы сделать наш соотечественник, располагающий соответствующими средствами, единственной целью которого было бы приумножение славы Франции! Ваша светлость, сделать это очень легко. Если знания, которые я приобрел в той части Ост-Индии, где побывал, пригодятся, то я смогу Вам ясно доказать, что вполне возможно выполнить то, что мы обязаны сделать ради нас самих и ради потомства. Я также смогу показать Вам, какую выгоду мы можем извлечь от торговли через Маэ.

Все сухопутные силы Айдер-Али-Кама сосредоточены в нескольких укрепленных городах. Некоторые из них защищены самой природой, другие — искусственными сооружениями. Таковы, например, Ширингапатнам, окруженный в одной своей части рской Кольрам; Айдер-Нагар, защищенный с одной стороны неприступными горами Гаттами, где человек пятьдесят смогут сдержать тысяч десять войска, а с другой стороны — густыми и почти непроходимыми лесами; Майссур²², столица государства с таким же названием, где построены огромные каменные оборонительные сооружения, хотя и неудачно расставленные; Бенгулуру²³, весьма важный пункт, расположенный на границе с мараттами. Повторяю, эти четыре города защищены как природой, так и искусственными сооружениями. Кроме того, к северо-востоку от

Ширингапатнама разбит лагерь, где в мирное время расквартирована армия Айдера. Этот лагерь довольно удачно расположен, и Набаб укрепил его по своему разумению, построив брустверы, за которыми укрыты батареи, каменные редуты и т. д.

Сверх того, на всем протяжении владений Айдера через каждые 3 лье стоят небольшие глинобитные форты. Крепостцы несколько получше стоят через каждые 6 лье. Они защищают алдеи и их жителей, хотя начальники этих фортов, как правило, тираны. Некоторые из этих небольших крепостей вооружены 2—3 чугунными пушками и несколькими деревянными пушечками для метания каменных ядер весьма значительного размера; гарнизон насчитывает от 100 до 250 пиеда²⁴, вооруженных только койетокками²⁵ и саблями. Эти пиеда — самые скверные пехотинцы в Индии, и платят им соответственно их воинским достоинствам. На службе у Набаба их 20—22 тысячи. Они расквартированы по всем маленьким и большим фортам, о которых я уже упоминал. Платят им примерно столько же, сколько нашим солдатам.

Армия Айдера в те времена состояла из войск, равных нашим пяти корпусам. В ней было около 100 европейцев, служащих как в артиллерии, так и в приданных ей разных сипайских рассала²⁶. 20—25 французских офицеров служили под командованием господина Хюгеля. Число сипаев достигает 20 тысяч. В кавалерии насчитывается 8—9 тысяч всадников. Фугеттьеров²⁷ — 1000—1200 человек, и примерно столько же калеров²⁸ — пехотинцев, вооруженных копьями. Кроме того, видимо, имелось еще 2—3 тысячи вспомогательных войск, в числе которых маппилы, посланные Али Раджой, арабы, прибывшие из Маската, и моголы²⁹ из Аурангабада и Дели. Однако все эти войска не объединены. Города, о которых я говорил выше, требуют крупных надежных гарнизонов. Артиллерии у Набаба хватает, и его арсеналы заполнены. Однако у него недостаточно лафетов и мастеров, которые могли бы их производить. Имеется много хорошо оснащенных мастерских для производства огнестрельного оружия европейского типа, но порох, который там делают, совершенно непригоден. Ввиду стратегического значения завоеванных Айдером территорий он может иметь все, в чем нуждается. Близость Маэ

дает ему возможность запастись оружием и пушечными ядрами. Англичане снабжают его пушками и пулями. Голландцы и датчане поставляют порох и оснащение, необходимое для флота. От арабов и из Бенгалии он получает серу, селитру, благовонные масла и другие товары, а в его собственных владениях имеется все остальное для того, чтобы жить и пользоваться всеми благами.

О военном таланте Айдера: то, что я видел, не делает ему чести. Трудно было бы избрать позицию, которая была бы хуже той, которую заняла его армия под Мелькоттой^а. Я видел три боевых порядка, которые он придал своей армии в сражениях с врагом. (Меня уверяли, будто бы до сих пор он успешно выбирал позиции для своих лагерей и что именно это было главной причиной его побед.)

Первое боевое построение было проведено 2 марта 1771 г., когда маратты неожиданно напали на наш лагерь. Наша кавалерия вела перестрелку с ними, а в это время пехота, построенная в одну-единственную колонну, вышла на поле боя! Вначале пехота была построена в форме неправильного прямоугольника, и ее задача заключалась в том, чтобы овладеть определенными высотами. Пушки находились впереди. Однако при таком маневре наша кавалерия оказалась брошенной и могла быть окружена противником. Атака врага была отбита, и мы вернулись в лагерь в 11 часов вечера, следуя в колонне. По приказу г-на Хюгеля 10 человек составляли ее арьергард.

Два дня спустя мы дали бой противнику. Вся пехота двинулась двумя колоннами на возвышающееся над нашим лагерем плато, которое враг хотел захватить. При подходе к плато пехота на бегу строилась в одну линию, нарушая, разумеется, равнение. Следовавшая за ней конница, построенная в одну колонну, придавала этому второму боевому порядку войск форму буквы Т. Батальоны фугеттьеров прикрывали наши фланги. Было много шума и беспорядка в каждой боевой части, а

^а Маратты захватили оба выхода из ущелья, что обрекло наш лагерь на голод. Кроме того, противник, овладев высотами со всех сторон, 4 марта вынудил нас с помощью 20 пушечных выстрелов отвести правый фланг в центр. Каждый их снаряд проникал глубже, чем на треть нашего лагеря.

между действиями командиров не было никакой согласованности. Вот все, что я смог заметить в тот день.

Мараттский вождь оказался настолько беспомощен, что отступил после 20 пушечных залпов.

Третий порядок боя я наблюдал в сражении при Мелькотте 7 марта 1771 г.

Вся армия получила приказ двинуться из лагеря тремя колоннами по одной и той же дороге. В первой колонне — пехота, во второй — конница, в третьей — основной обоз под усиленной охраной. Мы снялись с лагеря в 9 часов вечера 6 марта и все вместе выступили в поход. Когда дошли до выхода из ущелья, возник сильный беспорядок. Наконец, в 2 часа 30 минут ночи пехота и кавалерия, составлявшие две первые колонны, вышли на поле боя. Пехотинцы построились в каре, а большая часть всадников и обоз оказались в центре. Стороны каре имели в глубину 6—7 рядов. Воинские части не были выровнены и построены в порядок, и поэтому, естественно, стороны каре не имели формы, а углы оказались открытыми для нападения. 45 орудий, расставленных по четырем сторонам, защищали всю эту шумную массу людей; пушки находились под охраной мушкетеров.

Третья же колонна двинулась вправо. По-видимому, целью этого маневра было пожертвовать ею ради спасения двух оставшихся. Но только вся армия целиком могла спастись, иначе никто не спасся бы. При выходе из ущелья третья колонна стала отдаляться от остальных частей со скоростью почти 2 лье в час. Поэтому она, так же как и те две другие, была полностью уничтожена за один день. Даже самому нашему герою³⁰ пришлось подняться на гору и со всех ног бежать, чтобы укрыться за стенами Ширингапатнама. Сутки спустя он с трудом смог собрать 4 тысячи воинов из своей армии, насчитавшей 25 тысяч. Все это произошло потому, что Айдер возложил на нее невыполнимую задачу: как можно было полагать, что 25 тысяч измученных, изголодавшихся людей смогут пройти 7 лье, причем из них четыре по равнине, на виду у вражеской армии из 100 тысяч всадников, в которую надо было вклиниться на определенном участке с тем, чтобы овладеть единственной дорогой, ведущей в Ширингапатнам?

Мы всё же продолжали продвигаться в указанном

порядке примерно до трех часов ночи, минуя несколько эскадронов мараттов, которые отходили, когда мы открывали огонь из пушек. Однако число их всадников все возрастало. Сильный и довольно точный огонь дал нам возможность пройти 3 лье, не подвергаясь атаке противника. Возможно даже, что маратты так и не смогли бы вклиниться в нашу позицию, если бы не неправильное маневрирование головных и арьергардных частей армии (в результате предательства Ларенеро³¹, брамы и премьер-министра, который не пережил этот день).

Мы прибыли к подножию очень высокой и крутой горы в 3 косс^а от Ширингапатнама. Когда головная колонна шла по небольшой ложбине, пехота от нее отстала. Часть всадников поскакала вперед и почти сразу была отброшена четырехтысячным кавалерийским корпусом мараттов! Это была отборная часть мараттской армии. Смешавшись с нашими, маратты вклинись в наш батальон, внеся беспорядок в его ряды. В это время 60 тысяч других мараттских всадников со знаменами, находившихся на равнине, без труда воспользовались этим беспорядком, поскольку наш арьергард был всего в три ряда. В одно мгновение наш батальон был смят и уничтожен. Земля была усеяна мертвыми и умирающими. Все, кто поддерживал Айдер-Али-Кама и не смог спастись на горе, стали жертвой огня и ярости мараттов. Слоны, верблюды, дромадеры и обоз армии с 45 пушками (почти все из них английские) стали добычей победителя. Почти все беглые оказались убитыми, ранеными или в плену. Лишь немногие с трудом избежали этого. Из десяти наших одного убили, пять были тяжело ранены, и лишь трое из моих товарищей остались невредимы. Сам я трижды чудом спасался в этот день от плена! (Об этом Вы, Ваша светлость, знаете из моих предыдущих писем.) В общем мы потеряли все свое имущество, а наш командир³³ и двое моих товарищей двое суток пробыли в плену.

Айдер-Али-Кам помнил, что он победил 1500 английских солдат и чернокожих, которые были более дисциплинированными, чем его воины, находившиеся под командованием старших офицеров, вплоть до генералов.

^а Один косс³² составляет 2 тысячи наших туазов.

Он помнил и о своей хорошей репутации... Но ему следовало бы помнить о том, что в его армии много предателей и недовольных... Однако, как я уже имел честь Вам сообщить, гордыня ослепила его, и богиня Киферы³⁴ властвовала над ним весь февраль. Прекрасные глаза браминки³⁵ заставили его разбить свой лагерь под Мелькоттой и удержали его там. В тот день, когда враг был отброшен, мы свободно могли отойти в Ширингапатнам. Маратты же воспользовались слабостью этого мнимого героя и объятого любовью воина.

Это письмо оказалось длиннее, чем я хотел. Боюсь, что без повторов мне не достигнуть поставленной цели и что этим я наскучу Вам. Позвольте все же в следующем письме сообщить Вам наблюдения о нашем герое и о мараттах.

Остаюсь с почтением
Маз, Малабарское побережье, 15 августа 1771 г. Отправлено письмо через Пондишери.

ГЛАВА III

О порядке, дисциплине и обычаях в армии Айдер-Али-Кама.— О его генералах.— О боевом порядке мараттов и несколько слов об их дисциплине и обычаях

Ваша светлость!

Из моих предыдущих писем Вы могли заметить, что в армии Айдер-Али-Кама мало порядка, хотя она и наиболее дисциплинированная из всех азиатских армий. Однако эта на первый взгляд строгая дисциплина во многом порочна. Репутация Айдер-Али-Кама основана на удаче, сопутствовавшей его армии. Если Вы будете так любезны и прочтете это письмо, Вы убедитесь, что мнение это справедливо.

Начну с командного состава Айдера, с его военачальников, которым он особо доверяет. Я наглядно Вам объясню организацию воинских частей. Затем бегло опишу состав его лагеря, ничего не упустив, и хотя буду рассказывать кратко, Ваша светлость получит обо всем достаточно ясное представление. Повторяю еще раз, что буду говорить только о том, что видел сам.

Ведущими генералами Айдер-Али-Кама являются: его старший сын Петеп Сейп¹, который командует лучшей кавалерийской частью. Я имею в виду то, что она лучше организована, чем остальные части. Вооружение всадника состоит из мушкетона², пистолета за поясом и хорошей сабли. Во время моего пребывания там так вооружено было 300 всадников. Накануне битвы при Мелькотте молодой принц попросил меня обучить его кавалерию разным приемам. Этот молодой человек не отличается красотой, и характер у него еще не сложился окончательно. Он, по-видимому, жесток и завистлив. Набаб совсем не любит его и не доверяет ему. В общем к военным делам таланта у него нет. У него есть брат 12 лет, который много обещает³.

^а После того как я написал эти слова, я получил письма от разных людей из армии Айдер-Али-Кама, в которых они сообщают, что молодой принц сильно изменился в лучшую сторону.

Монк Ту Сейп⁴ — шурип Айдера, находящийся в изгнании в Айдер-Нагаре; его считают хорошим командиром чернокожих солдат и очень любят в армии. Именно это и послужило причиной его изгнания. Французы могли бы лучше его узнать, воспользовавшись его услугами в Пондишери, куда он был послан с конвоем. Ему около 50 лет, он хорош собой и очень любит французов. Я видел, как он поцеловал портрет французского короля, заявив при этом с искренностью, что спокойно умрет после того, как увидит его и перережет горло всем англичанам в Индии.

Исмаэль Сейп⁵, шурип Набаба и брат Монк Ту Сейпа, — комендант Ширингапатнама. У него нет военного таланта, как и нет того, что требуется воину. Ему 36 лет, это пьяница и распутник.

Мирр-Фиер-Соула-Кам⁶ — персидский принц. Он находится то в фаворе, то в опале. Когда я прибыл в армию Айдера, он как раз был в опале. Во время войны с англичанами Мирр-Фиер-Соула-Кам командовал разведывательным отрядом, и это принесло ему известность. Ему лет 50, он очень высокого роста и хорош собой. Несчастья, постигшие его страну, заставили его искать убежища, которое и предоставил ему Айдер, пожаловав жакир, дающий средства к существованию. Но он, как и Раджа Сейп, тоже прибывший к Айдер-Али-Каму, недоволен, так как оба получают самые унижительные подачки, на которые невозможно существовать. Их жены и семьи содержатся в Ширингапатнаме, откуда могут уехать лишь с разрешения Айдера, которое тот дает только тогда, когда заранее уверен, что они вернутся обратно.

Брошенный французами Раджа Сейп⁷, прежний набаб Арката и, таким образом, сюзерен Пондишери, долго скитался по разным краям и впоследствии соединил свою судьбу с судьбой Айдер-Али-Кама. Поначалу Айдер так хорошо к нему отнесся, что несчастный, лишенный своих владений Набаб полагал, что нашел в нем настоящего друга. Но, Ваша светлость, в Азии истинные друзья встречаются еще реже, чем в Европе! Эти знаки приязни завершились предложением женить Петеп Сейпа на племяннице Раджи Сейпа. Уже было отдано распоряжение о приготовлениях к свадьбе и переведен вексель на 80 тысяч рупий английскому начальнику фак-

тории в Оноре на покупку тканей, драгоценностей и прочих европейских товаров. Но все это расстроилось из-за недостаточного соблюдения церемониала: Айдер-Али-Кам захотел обращаться с ним как с собственным сыном и перестал вставать, приветствуя его. Радже Сейпу это не понравилось. Они поссорились, и свадьба не состоялась. Когда я прибыл туда, Раджа Сейп с несколькими всадниками удалился в один из своих жакиров. Впоследствии он перешел в мараттскую армию. Я не знаю, послал ли его туда сам Набаб, но только мне хорошо известно, что еще в марте нынешнего года⁸ его мать оставалась в Ширингапатнаме.

Мирр Сейп⁹ — один из способных генералов Айдера. Он был ранен и взят в плен мараттами в день сражения при Мелькотте. В этом сражении он командовал кавалерией. Его называли набабом армии и оказывали всяческие почести. Он тоже очень хорош собой; ему примерно 60 лет. Из каких краев он происходит, я не знаю.

Три других генерала погибли в тот день: Лонан, Лаламия¹⁰ и Ларенеро. О первом и последнем из них никто не сожалел, и даже напротив. О Лаламии же очень скорбели. Он служил в кавалерии и, несмотря на молодость, участвовал в нескольких сражениях, принесших ему славу. Один мараттский генерал из его секты¹¹ приказал похоронить его на поле битвы со всеми почестями. Такой поступок врага особенно ценен, так как это бывает редко даже среди своих. Ведь почти все павшие в бою становятся обычно добычей тигров или одичалых собак¹². Даже раненые, брошенные на поле, нередко становятся пищей этих животных, о которых я расскажу в другом письме¹³.

Все генералы пользуются особыми привилегиями у Айдер-Али-Кама. Отсюда можно заключить, будто бы те, с кем Айдер обходится лучше, служат ему с большой преданностью. Однако лишь немногие из этих генералов платят ему привязанностью. Когда Набабу приходится пользоваться их услугами, он прибегает к этому с большой осторожностью, поскольку им вполне не доверяет. Всегда он приставляет к ним браму, дивана и казначея или еще кого-нибудь, кто враждебно настроен по отношению к генералу. Диван и генерал имеют достаточно власти, средств и влияния для того, чтобы вредить друг

другу. Айдер всегда информирован, какие действия предпринимает один против другого. Однако он часто ошибается в своем выборе. Обычно его предают тогда, когда он не в состоянии этого предотвратить. Поскольку страх и корысть определяют поведение генералов, последствия этого нетрудно себе представить. Тем правителям, которым генералы всецело преданы, сильно повезло!

При назначении губернаторов провинций и городов у Айдер-Али-Кама иная политика. Как правило, на эти ответственные посты он назначает людей весьма низкого происхождения. Пример этому Ужинапа¹⁴ — губернатор Айдер-Нагара и всех владений Каннары. Всю жизнь этот человек пас скот и занимался продажей овец. Андернек приблизил его, назначив своим камердинером. Ужинапа оказывал Айдеру услуги по части разных удовольствий и этим заслужил себе пост губернатора в самом богатом районе страны. Сейчас после Набаба это самый большой деспот во всем государстве. Поскольку каста, к которой он принадлежит, считается скверной, никто из владельцев или военачальников к нему не обращается. Его род незнатен, а грубый здравый смысл заставляет верно служить своему господину. Айдер любит людей, готовых беспрекословно ему повиноваться. Остальные наместники — каладары^а и джамедары^б — это изгнанники из других краев, принадлежащие к разным сектам. В этой стране они чужие и тиранят ее как в интересах деспота, так и в своих. Они не пользуются доверием и потому не могут совершить предательство, за исключением тех случаев, когда враг оказывается у ворот, тогда они с ним договариваются. Когда кто-нибудь из этих господ становится богатым, Айдер велит жечь им руки раскаленными ядрами до тех пор, пока они не отдадут награбленное, после чего им предоставляется право накапливать все заново.

Командиры третьего класса возглавляют особые отряды в армии. Это, как правило, крупные военачальники, стоящие во главе всадников. Они ведут переговоры непосредственно с Набабом. Часто всадники, которыми они командуют, оплачиваются ими же.

^а Коменданты¹⁵.

^б Капитаны¹⁶.

Что касается рассела, или пехотных полков, то редкие из них не имеют двух командиров. Обычно один из них — белый, другой — черный, причем черный всегда подчинен в военных делах белому. Эти так называемые белые (зачастую, однако, они черные — метисы или квартероны, хотя есть там французы, англичане и немцы) получают обычно от 100 до 500 рупий. Каждый из них имеет еще двух, трех или четырех белых в качестве помощников в военных делах, которые получают всего от 30 до 45 рупий в месяц. Однако, начиная с командира, все они крайне неспособные люди и часто просто плуты. Они не заслуживают того, чтобы командовать черными, и они не могут возвратиться в свою страну. Ваша светлость, судите сами об их делах. Да иначе и быть не может, и вот почему: большинство из них — бродяги, убийцы, люди, погрязшие в пороках. Они бродят по этому краю с тех пор, как из-за совершенных преступлений были изгнаны из общества. Среди них есть такие, которые скитаются по Индии уже лет двадцать. Ясно, что они не могли пройти обучение, которое позволяло бы им командовать солдатами. Случается, что кто-нибудь из таких негодяев является в лагерь Айдер-Али-Кама верхом, в одежде с нашивками, которые наверняка присвоил, и объявляет себя французским, английским или португальским офицером. Тогда на основании его слов ему дают роту сипаев или топасов. Он находится на этом посту недели две, и уже какой-нибудь брама (министр или диван) посылает спросить, не отдаст ли он ему четверть или треть своих сипаев, а за это тот сделает его начальником рассела. Ответ никогда не бывает отрицательным и всегда выбирают этот пост. Однако командир меньше занимается своим расселом, а больше — торговлей, если это возможно, хотя почти никогда и не может воспользоваться ее выгодами, поскольку такого сорта люди всегда очень развратны и расточительны. При них вечно находятся девицы для увеселений, которых им поставляет сам серкар^а.

В рассела, им порученном, имеются, как я Вам уже говорил, еще три-четыре белых помощника разных национальностей, которые так же бесталанны, как и их начальник. Каждому из них назначены дни, когда они

^а Серкар¹⁷ — высокое ведомство, где вершится правосудие и составляются всевозможные приказы.

должны обучать военному делу солдат. Однако никто не хочет следовать методам другого. Поэтому один день солдат обучают на французский манер, другой — на английский, а третий — на португальский, так что под конец сипаи не знают вообще ничего. Командир же, как правило пьяный^а, присутствует на учениях и, чтобы скрыть бездарность как собственную, так и своих подчиненных, осыпает солдат ударами палки. Нередко солдаты осмеливаются драться со своими командирами, когда пьянствуют вместе с ними. Случается, что сипаи, которым плохо платят и с которыми грубо обращаются, восстают во время боя и убивают белых командиров, а затем переходят к врагу. В Айдер-Нагаре я был свидетелем одного из таких мятежей, о котором имею честь Вам рассказать.

30 апреля 1771 г. два рассела сипаев из гарнизона Айдер-Нагара — всего около 2700 человек, — вооруженные европейскими ружьями со штыками, с полными патронташами и четырьмя пушками, во всем военном снаряжении (на следующий день они должны были выступить к опушке леса, где появились маратты), потребовали, чтобы до выступления им выдали не выплаченное за два месяца жалованье. Когда Ужинапа им отказал, они возмутились. Расположившись биваком на плацдарме, они двое суток под усиленной охраной держали орудия наведенными на улицы города! Время шло, а их требования были справедливы, и Ужинапа побоялся, как бы Монктусейп²⁰ не возглавил мятежников и, перерезав ему горло, не сделался хозяином Канары. Тогда Ужинапа вскочил на коня и вместе с сотней конных и таким же числом пших арабов бросился к восставшим для их усмирения. Двое помощников командира сипаев приказали открыть огонь. По счастью, один из начальников, по имени Толле-Ерам, пользовался бóльшим влиянием, чем они. Бились только саблями. Ужинапа умел обращаться с саблей, как в иное время с бутылкой. Он отрубил нос начальнику сипаев по имени Бинкапур^б. Ужинапе сильно повезло в том, что он спас-

^а Напившись ракка¹⁸, рома или каллу¹⁹. Все эти напитки делаются из индийских продуктов: риса, кокосовых орехов или пальмового сока.

^б Это имя ему дал Набаб после того, как Бинкапур отличился, отстаивая крепость того же названия²¹.

ся после этой выходки, потеряв семь солдат. Мятежники же потеряли трех.

Мятежи в Индии похожи на те, что бывают в Европе, когда нет вождя, и после переговоров был заключен мир. Посредниками выступили факиры^а. Все офицеры и унтер-офицеры отправились в дольбар, где получили от Ужинапы бетель в знак мира, а главным зачинщикам дали материю на тюрбаны. Но двое злополучных помощников командира сипаев были отданы на растерзание наместнику, который приказал наказать одного из них 500 ударами шабука^б по пяткам, а другого умертвить с помощью слона! Такая казнь в тысячу раз страшнее всего, что только можно себе представить.

Жертву со связанными руками привязывают за ногу веревкой длиной примерно в 6 пье к задней ноге слона. Корнар^в начинает уговаривать слона, чтобы он двинулся. Все это делается крайне медленно. Поначалу человек не испытывает резких толчков и тащится по земле на ягодицах, раздирая их в клочья. Постепенно корнар ускоряет ход слона, и тогда жертва испытывает ужаснейшие толчки, так как это животное раскачивается при ходьбе, а сила его невообразима. От этого привязанная к нему жертва подскакивает во все стороны так, что к завершению пытки мясо и кости превращаются в сплошное бесформенное месиво, внушающее ужасную жалость даже самым закоренелым душам. Несчастный кричал почти час и вопил бы еще дольше, если бы от удара о землю ему не оторвало нижнюю челюсть. Он испустил дух лишь после того, как более двух часов его протаскали по городу. А после того как его дважды проволокли мимо дома Монктусейпа, он был брошен на съедение тиграм.

Судя по методам, применяемым на военных учениях, Вы легко убедитесь, что сипаи совершенно не умеют маршировать и все приемы, которым их обучают, неверны, поскольку лишены системы. Когда Набаб замечает невежество этих господ, бывает, что он позволяет себе бить их шабуком или снижает им жалованье. Тогда те дезертируют. Но на их место приходят столь же невежественные, и это зло продолжается. Айдер-Али-Кам

^а Ф а к и р ы — священники у мавров ²².

^б Ш а б у к ²³ — небольшая трость.

^в К о р н а р ²⁴ — погонщик.

желает, чтобы его сипаев научили строиться в каре по батальонам и чтобы их обучали на французский лад, но удовлетворить его требования невозможно. Однако несмотря на это, соседи боятся его армии, особенно с тех пор, как он победил англичан, хотя его репутация и пострадала после разгрома в битве при Мелькотте. Тем не менее можно быть уверенным, что, хотя в армии существует только некое подобие дисциплины и она скорее напоминает сумасшедший дом, она все же неизмеримо совершеннее всех других, поскольку у Айдера много пушек, а его артиллерия, на мой взгляд, хорошо ведет огонь. Мне кажется, что она так же расправляется с врагом, как и наши пехотные части третьего года обучения.

Рассела делятся на роты. Каждая из них имеет свое знамя и свой барабан, под который они кое-как маршируют. Все сипаи одеты в одинаковую форму. В каждой роте есть свой брама или комиссар, которого сипаи оплачивают из расчета 13 су²⁵ в месяц. Командир каждой роты отвечает перед серкаром за вооружение и боеприпасы, так что в случае его дезертирства Набаб теряет только самого человека. В каждой рассела свой военный оркестр, состоящий из таптама²⁶ (род тамбурина), деревянного инструмента с очень высоким и резким тоном, огромного медного корнета в виде морской личинки²⁷ и медных труб.

На марше начальники рассела всегда держатся в центре колонны, офицеры — в хвосте рот, а помощники командира — на флангах. В штаб-квартиру начальника рассела сопровождает охрана с оркестром. Знамена всегда остаются в ротах, как во время кампаний, так и в гарнизоне.

Сипаи получают в месяц от 4 до 7 рупий, и на эти деньги они кормятся и одеваются. Набаб же снабжает их только ружьями. Тем, у кого собственное оружие, платят больше. Как видите, содержать армию в Азии не столь дорого. Черным офицерам размер жалованья устанавливается в зависимости от числа солдат, которыми они командуют.

Кавалерия — самый дорогой род войск. Всадник получает до 30 рупий в месяц, если у него собственный конь. Этот род войск содержится плохо — у них нет единой формы: одни хорошо экипированы, другие — нет.

К тому же вооружение у всадников разное, даже если они и принадлежат к одному и тому же отряду, и это усиливает разнობой. У одних — пики, у других — сабли, у третьих — деревянные палицы, у четвертых — лук и стрелы, у некоторых же — плохие огнестрельные ружья. Лучше всего всадники орудуют саблями. Я наблюдал состязания, в которых стороны великолепно бились на саблях, которые в Индии закаливаются так, что ими невозможно нанести легкое ранение. Каждый народ придает особую форму этому оружию. У язычников²⁸ и мавров сабли короткие, сильно изогнутые, лезвия очень острые и широкие.

Я видел всадников, одетых в железную броню; хотя такая защита и полезна, поскольку в Азии сражаются чаще холодным оружием, но она крайне неудобна из-за страшной жары и огромных расстояний, которые приходится преодолевать кавалерии.

Сбруя у коней так же разнообразна, как и вооружение всадников. Наиболее распространенная форма седла, замеченная мною как в армии мавров, так и у мараттов, — это черные седла копейщиков. Весь наспинный ремень спереди украшен крупными шляпками заклепок, а вернее, вделанными в ремень и в поводья шишечками, которые обычно позолочены и посеребрены, а иногда целиком из золота или серебра. Однако большая часть индийской кавалерии, известной под названием пандари²⁹, применяет вместо седла простую попону. Кусок веревки между пальцами ног заменяет всадникам стремя. Часто у них нет даже портупей для сабли, их единственного оружия, и еще реже встречаются ножны. Они зажимают саблю между собственной ногой и боком коня. Кавалерийские лошади поразительно тощи и питаются всем, что попадется. Нередко можно встретить такой конный отряд за 30 лье от места, где он был сутки назад. Кавалерия ничего не стоит правителю, которому служит. Ее снабжают деревни³⁰. У меня есть доказательства, что пандари при этом живут весьма не плохо.

Верховая езда в Азии распространена и среди гражданских лиц. Все мавры и маратты-язычники ездят верхом (хотя есть и такие, которые этого не умеют и боятся ездить на лошади и носить оружие). Мне показалось, что все, чему здесь обучают при верховой езде, сводится к тому, чтобы держать стремя покороче, корпус

наклонять вперед, побуждая коня к быстрому бегу, резко останавливаться и уметь менять аллюры. Надо также уметь на скаку поражать цель саблей или пикой.

Особенно хороши лошади из Персии или из страны патанов³¹. У арабских коней голова крупная и напоминает наших нормандских, по масти они серо-белые. Больше всего ценятся гнедые. Ростом они обычно в 4 пье 10 пядей. В Азии лошади значительно дороже, чем везде³². Двухлетний конь среднего достоинства обычно продается за 150—200 рупий.

При всех армиях имеется конный рынок. У входа развешивается знамя Брауншвейга³³, на котором изображен конь. На древках, к которым прикреплено большое знамя правителя, прибиты конские хвосты и павлиньи перья. Эти знамена сразу же бросаются в глаза.

Артиллерия требует больших расходов — на оплату пушкарей. Поскольку почти все они европейцы, им платят от 25 до 200 рупий в месяц. Эта сумма значительно превышает то, чего они заслуживают, поскольку из 50—60 белых, объявляющих себя артиллеристами, нет ни одного, кто действительно был бы таковым. Среди них есть люди такого же сорта, как начальники, и поэтому я к ним так и отношусь.

Артиллерии требуется ряд вспомогательных служб, которых нет во Франции и которые значительно увеличивают расходы. Для того чтобы тащить одну пушку 12-го калибра³⁴, надо 30 быков, а за ними должны ухаживать 15 слуг, имеющих жен и детей, а также собственных быков, которые их везут. Командир расчета имеет по 12, 16 и 20 топасов для управления орудием, а те, в свою очередь, имеют жен, детей и собственных быков. Судите сами, Ваша светлость, сколько чернокожих в артиллерийском лагере! Это число еще более вырастет, если добавить сюда, как это обычно и делается, на каждую батарею из 6 пушек одного слона, трех верблюдов, соответственное число погонщиков, 20—30 саперов и т. п. На 50 орудий требуется не менее 5 тысяч быков, 10 слонов, 24 верблюда для перевозки фугетт и ружейных пуль и около 4 тысяч солдат.

Фугетта — оружие во Франции незнакомое. Обычно оно состоит из трех частей — взрывателя, палки и небольшого флажка. Взрыватель сделан из жести и содержит около трех унций пушечного пороха. Он прочно

прикреплен к палке из очень твердого дерева примерно в 3 пье длиной. Флажок одной стороной прикреплен к палке примерно на расстоянии 4 пядей от ее конца, а на противоположном конце находится взрыватель. Целые батальоны вооружены только фугеттами и саблями. Всадник поджигает эту фугетту, поднося огонь к фитилю, находящемуся в верхней части взрывателя. Взрыв происходит лишь тогда, когда фугетта брошена в неприятеля. Порох воспламеняется, и фугетта начинает крутиться, калеча и убивая животных, наводя на них ужас. Я видел это оружие в действии раза три-четыре во время ночных атак: зрелище красивое. Это напоминает летящую огненную ракету.

Айдер-Али-Кам ежедневно созывает в лагере совет. Он диктует все отправляемые документы, наблюдает за всем, и все отчитываются перед ним непосредственно. Брамь-писцы собираются на закате солнца в шатре. Айдеру сообщают обо всех отправленных депешах и приказах, рассылаемых повсюду. Он отдает всем свои распоряжения. Айдер не умеет писать, и поэтому ставит свою печатку на все письма и сам запечатывает их красным сургучом.

После этого он принимает правителей, военачальников и других своих сановников, которых он дал согласие принять по их просьбе. Когда они приходят, слуги вызывают каждого по имени, обращаясь к нему на «ты»: «Такой-то, приветствуй и пади ниц перед Набабом, величайшим воином». Каждый приветствует Айдера соответственно своему чину, а тот делает более или менее заметный жест рукой в зависимости от ранга посетителя. Тем, кто достоин этой чести, он дает знак сесть. Это весьма неудобно, потому что садиться приходится на собственные пятки. Потом Набаб раздает бетель, благовония и даже гаргули тем, кому считает нужным. После этого появляются баядерки^{а 35}, которые развлекают зрителей танцами, песнями, жестами, выражающими наивысшее сладострастие. Вечер продолжается до

^а Актрисы, девицы для удовольствий. Когда в городе появляется какое-то важное лицо, ему их посылают в знак уважения. К одному старому католическому епископу, прибывшему в Манголор, были присланы баядерки. Считая, что они могут творить чудеса, девушки решили испытать свои чары на прелате, но тот их выпроводил.

полуночи или часов до двух ночи. Те из баядерок, которым удалось понравиться, удаляются с наиболее именитыми гостями. Однако уйти можно лишь с позволения Набаба. Остальные баядерки возвращаются домой под музыку своего оркестра. Оркестр состоит из своеобразного барабана в форме корзинки, медных тарелок, волынки, трубы с очень резким звуком, небольших цимбал и бубна. Музыка у них шумная, режет слух и весьма немелодичная.

Когда Набаб покидает лагерь, чтобы перейти в другой, вся пехота и артиллерия выходят в 3—4 часа утра. За ними следует кавалерия, кроме авангарда и всадников, сопровождающих Набаба. Приказ об уходе из лагеря громко возвещается шупедарами, и, когда нет необходимости сохранять это в тайне, заранее бьют в таптамы. Это огромный барабан, который носит слон, всегда находящийся перед шатром Набаба вместе со своим погонщиком. В таптам бьют трижды в день: на заре, в полдень и на закате солнца. Это делается в честь правителя. Когда он выходит, впереди следует его таптам. У крупных военачальников тоже имеется свой таптам, но в лагере он лежит на земле перед их палаткой. Только у Набаба круглые сутки на страже стоит слон. Когда армия выступает и нет опасности столкнуться с врагом, Набаб сообщает время своего выезда, которое обычно назначается между девятью утра и полуднем. Иногда он садится в паланкин, но обычно — в беседку на слоне. За ним следует его сераль, тоже на слонах. Сопровождающий его кортеж весьма многочислен и обычно составляет треть армии. Впереди с удивительной скоростью бегут человек 40—50, выкрикивая: «Падите ниц! Едет величайший воин!» Люди выполняют этот приказ и падают лицом в пыль. Окружают Набаба 200 копейщиков в пунцовых одеждах, а впереди и сзади него идут дромадеры с флажками, верблюды, нагруженные фугеттами. Слон, если его погонять, движется очень быстро, поэтому тем, кто следует за Набабом пешком или ведет лошадей, приходится бежать. Жара и пыль страшные, и эскорт Набаба сильно устает, особенно если приходится покрывать по 7—8 лье в день. Белые всадники всегда сопровождают Набаба. Иногда Набаб заставляет их делать по 15—20 лье за один переход. Но в этом случае они выступают на закате солнца.

Можно сказать, что, когда разбивают лагерь и размещают лагерные службы, порядка почти нет. Артиллерия обычно находится стдельно на одном из флангов или во главе армии. Кавалерия и пехота располагаются вперемешку, не соблюдая равнения. Хорошей охраны или аванпостов нет никогда, патрули же бывают редко. Каждый полк выставляет часовых там, где сочтет нужным. Они садятся в проходах, поставив между ног кайеток (фитильное ружье) или же какое-нибудь другое ружье, саблю или копье. Редко бывает, чтобы они ходили взад и вперед. Ночью они кричат «ха!», как мы «Стой, кто идет?» Будучи предприимчивым, один белый прекрасно может за один раз перерезать сотни полторы чернокожих часовых. Сидячая поза усыпляет их, и даже если они бодрствуют, чего почти никогда не бывает, между часом и двумя ночи им легко перерезать глотку, прежде чем они успеют вскочить. Вернемся, однако, к лагерю. Я уже имел честь сообщить Вам, Ваша светлость, что порядка там мало. Исключение составляют два рассела сипаев-гвардейцев и 300—400 всадников, охраняющих шатер Набаба. Остальные же войска располагаются как кому заблагорассудится на месте, отведенном для лагеря (который всегда разбивают поблизости от воды и леса). Противник редко мешает расположиться лагерем, обычно каждая сторона заранее знает место, где она разобьет лагерь во время кампании. За исключением базара (рынка), который выстраивается правильными рядами и на котором можно найти все, что отвечает вкусам азиатских мужчин и женщин, все остальное разбросано в беспорядке. Ни в одном полку нет ни общих казарм, ни упорядоченных столовых. Каждый готовит себе сам, и редко бывает, чтобы более двух человек ели вместе. Судите сами, какая тут толчея, сколько очагов, котелков и сколько женщин! За каждым чернокожим обычно следует не одна, а две женщины. Прибавьте к этому по крайней мере одного быка да слугу на каждых двух человек, и тогда составите себе представление, сколько людей и животных в армии мавров.

Хотя конница и располагается в беспорядке, здесь все же меньше путаницы, чем в пехоте. Лошадей иногда ставят рядами. Привязывают их, скребут и кормят необычным образом. Две небольшие палки, напоминающие

наши колья для палаток, вбиваются справа и слева от головы лошади. Веревкой к ним привязывают ее передние ноги. Вокруг шеи коня — веревка. Будучи привязанным спереди, он не может мотнуть головой. Другой веревкой привязывают задние ноги ко второй паре вбитых в землю кольев так, что лошадь не может расслабиться. Корм ей кладут на расстоянии двух пье от головы, и, для того чтобы достать его, ей приходится вытягиваться, как при аллюре. Мавры считают, что это помогает коням быстро бегать и предохраняет их ноги от закупорки вен. Но, по-моему, это не спасает их ни от опухания бабок, ни от наливов. Я редко видел лошадей-четырёхлеток с гибкими ногами и не видел почти ни одной, которая не перенесла бы воспаления. Все они быстро привыкают к работе, и их легко объезжать. В возрасте от двух до двух с половиной лет от них требуют очень тяжелой работы, причем ни один мавр не умеет как следует взнуздать своего коня. Мавр не различает, большой или маленький рот у молодой лошадки, какой у нее наклон головы — вверх или вниз, и надевает ей одинаковую уздечку, которая до крови натирает всем им рот. Впервые я видел, чтобы так сильно натягивались удила, как это делают у азиатских лошадей, и такие загрубевшие у них рты.

Корм, который им дают, очень бодрит. Он состоит из кулона³⁶ с рисовой соломой и массалья³⁷. Кулон — это род чечевицы, которую варят, чтобы конь мог ее есть. Это создает большие трудности, так как нужны котлы, дрова и вода, а через два дня состряпанная пища прокисает, и лошади к ней не притрагиваются. Рисовая солома несколько напоминает пшеничную. Массалья же состоит из перца в зернах, стручкового перца, лука, шафрана, чеснока и анисовой травы. Такой корм дают лошадям пригоршнями перед быстрыми переходами или перед битвой, обычно два раза в месяц. Это придает коням бодрости, удивительно их возбуждая. Они так любят эту еду, что не оставляют ни крошки. Кроме того, подобный корм способствует хорошему аппетиту. Вот их суточный рацион: с восходом солнца наполняют торбы остывшим кулоном и, как только все всадники и конюхи готовы, факир Мамот³⁸, которого по существу можно считать ротным каптенармусом, подает сигнал. Тогда все сразу кричат: «Тим» (сигнал атаки у черных).

Кони отвечают на это ржанием, и тогда на них надевают торбы. После того как они поели, их ведут на водопой. То же самое повторяется после захода солнца. Днем и ночью они могут есть сколько хотят рисовой соломы. Дважды в день их чистят. Этим занимается конюх. Всадник, имеющий казенного коня, никогда его сам не чистит. Только те, кому конь принадлежит лично, делают это, если хотят сэкономить и не платить конюху. Вот как это делается: конюх сначала проводит ладонью или всей рукой против шерсти лошади, начиная с крупа. Очистив небольшой участок, он каждый раз с силой хлопает ладонью по телу лошади. Этот способ чистки удивителен. Даже издали все время, пока идет чистка, слышны эти шлепки. Здесь это называют массажем. Потом конюхи принимают за ноги, непрерывно делая вращательные движения рукой и отбрасывая выпадающую шерсть. После этого они массируют плечевые и бедренные суставы у лошади с такой силой, что те потрескивают. Вслед за этим волосатой лапкой какого-нибудь животного они прочесывают шерсть, потом протирают коням глаза, уши, края нижней челюсти и т. д. Наконец метелкой они наводят такой блеск, какого не бывает у наших кавалерийских лошадей, хотя они гораздо лучше. Если лошади грязные, их моют с головы до ног. Подкованных коней очень мало, и вообще подковы совсем маленькие. Гвозди прикрепляются с внутренней стороны с помощью клещей, как это делают шорники, а снаружи их просто сплющивают. Подковывают лошадей всегда холодным железом. Хвосты им окрашивают в разные цвета. Мне кажется, что именно поэтому редко увидишь лошадь с густым хвостом. В Индостане у них не бывает ни сапа, ни бешенства.

Коней из регулярной кавалерии никогда не отправляют за фуражом. В каждой роте есть список плохих лошадей, выделенных для этой цели. При них состоят чернокожие солдаты, так называемые фуражиры, которые занимаются только добычей фуража и содержанием в чистоте проходов лагеря, где стоят лошади. Во время марша на плохих лошадях возят кулон, колья, веревки и т. п. На быках возят палатки, а на верблюдах — топливо и сырой кулон. Таким образом, боевой конь возит только своего всадника, а для перевозки жены и багажа есть бык.

Бывает, что коней регулярной кавалерии даже не водят на водопой. Несколько быков выделяется на то, чтобы привозить им воду в бурдюках, перскинутых через спину. У старшего слуги или погонщика быков есть кожаное ведро, крепко привязанное к середине палки длиною примерно в 4 пье. Он наполняет это ведро до мерки и поит поочередно всех лошадей, закрепленных за ним.

Распорядок в мараттских армиях почти тот же, что и у мавров, с той разницей, что маратты более суеверны. У них есть дни праздников, когда они ничего не предпринимают против своих врагов, а также дни, которые они считают неблагоприятными для каких-либо начинаний. Маратты никогда ничего не осуществляют ночью. Наступают они лишь тогда, когда солнце высоко поднимается в небе.

В мараттских армиях очень мало пехоты. Вся их сила в многочисленной, но плохо вооруженной кавалерии. У нее почти нет огнестрельного оружия. Обычно всадники вооружены копьями, саблями, луками и стрелами. Они используют и фугетты, есть у них также большие пушки, но они плохо обслуживаются, хотя ими и командуют европейцы. Когда маратты вступают в бой, всю артиллерию они ставят сзади вместе с обозом. После этого они выступают в беспорядке и, мчась во весь опор с саблей над головой и копьем позади, атакуют, испуская ужасающие крики. Один залп из пушек и мушкетов заставляет их повернуть и мчаться с той же скоростью обратно. Затем они снова соединяются и возобновляют атаку, пока не победят или не окажутся отброшенными. Мы едины, и нам нечего бояться мараттов, как бы они ни были многочисленны, особенно если мы укрепимся и займем хорошие позиции. Они обычно бьются скопом, и потому их способы вести войну не должны нас пугать. Маратты нападают все вместе, и, как только их военачальник водрузит знамя на занятой земле, они начинают жечь и грабить всю территорию, убивая всех, кто попадает с оружием в руках. Черных солдат они в плен не берут, а только военачальников или белых. Последних они обируют, а потом посылают на городские работы или же бьют бычьими жилами или прутьями, чтобы те помнили, как сами обращаются с черными в своих колониях. Так продол-

жается до тех пор, пока какой-нибудь консул или епископ их не выкупит. Такими жестокими маратты стали потому, что Айдер-Али-Кам их этому научил. В предпоследней войне Айдер отнял у них много крепостей. У всех, кто составлял гарнизон в этих местах, он приказал отрубить руки, нос или уши. В ответ на это маратты тоже стали калечить людей во всех гарнизонах, отказавшихся сдаться по первому требованию.

Цель всех их войн — получение контрибуции, взимать которую со всех правителей Индии они считают своим правом³⁹. Если ее не присылают, маратты сами являются за ней и начинают жечь и грабить всю страну, с которой воюют, захватывая с собой все, что могут. Только Мамет-Али-Кам⁴⁰, Ислам-Али — субаб Декана⁴¹, Айдер-Али-Кам и патаны открыто отказываются выполнять их требования. Маратты извлекают выгоду и с той и с другой стороны, а тот, кто их побеждает, дорого платит за свой триумф.

Маратты не знают, как вести осаду, и еще меньше способны понять военные хитрости. Айдер-Али-Каму пока удавалось избегать ига мараттов только благодаря этому. Не знаю, выйдет ли он из трудного положения на этот раз. Пока что маратты захватили у него много артиллерии, слонов и большой обоз, совершенно разбили армию и разграбили страну на 60 лье вокруг.

Остаюсь с почтением
Маэ, Малабарское побережье, 31 августа 1771 г. Отправлено с английским кораблем.

ГЛАВА IV

Мыс Доброй Надежды и готтентоты

Обычная якорная стоянка на рейде Капа¹ тянется по побережью примерно на 3—4 лье. Море там, как правило, бурное, особенно с мая по сентябрь, вследствие чего корабли не могут стоять на якоре. Бухта Фалз² не так опасна, и там можно стать на якорь в любое время года. Единственное неудобство — удаленность от города, но оно смягчается тем, что очень легко добыть повозку для проезда туда.

Бухта, где суда становятся на якорь, называется Столовой, потому что над ней возвышается очень высокая скала, вершина которой ровная, как стол. Она почти всегда окутана облаками. Склоны горы тянутся до самого города, и, чтобы подняться на нее, требуется часа четыре. Над городом возвышается цепь гор. Самая близкая к нему называется Вершиной Повешенных, затем идут Львиная Спина и Львиная Голова. Далее — Сахарная Голова, Столовая, Коронная и гора Св. Чарлза.

Эти горы образуют полукруг, в котором и расположен город.

Здесь пытались построить порт, но тщетно! Удалось все же сделать мол, служащий для погрузки и выгрузки баркасов. Волны с силой ударяют о берег, и, для того чтобы выбраться на сушу, матросам приходится нести тебя шагов 30—40, поскольку даже самые маленькие лодки не могут причалить к берегу. Почва здесь песчаная.

Когда выходишь на берег, то слева виден окруженный ровом форт из твердого камня с четырьмя крытыми бастионами, гласисом и небольшими укреплениями в передней его части. Часть форта, обращенная к юго-востоку от бухты, тоже крытая, и в ней несколько редутов с коммуникациями. Все это оснащено артиллерией.

На вершине Львиной Спины стоит батарея из 16 пушек, а между ней и городом расположена еще одна батарея из 8 орудий. Однако все вместе и каждое укрепление в отдельности не удержались бы в случае прихода 6 военных кораблей и высадки 3 тысяч солдат противника. К тому же, если это произойдет в бухте Фалз, откуда город находится всего в 7 лье по очень удобной дороге, то за исключением форта все укрепления могут оказаться захваченными с тыла в сабельном бою, без большого риска. Сам форт можно уничтожить одной батареей, установленной на склоне горы Св. Иакова, или на Коронной горе, или же на невысоком Холме Ветров, слева от дороги.

По приказу мистера Конвея в апреле 1772 г. небольшой отряд Клерского полка³ проделал путь от бухты Фалз до города Кап⁴ пешком.

Большинство населения Капа — немцы или французы по происхождению.

В Капе находится не более 600 солдат регулярных войск. Со стороны населения особенно опасаться нечего. Губернатор (Илатемберг) — штатский. Сомневаюсь, чтобы те, кто носит мундир, лучше разбирались в военных делах. Лишь командующий войсками, в прошлой войне служивший в ганноверской армии, более опытен в профессиональном отношении. Другие же военные интересуются только вкусной едой, торговлей или ростовщичеством.

Быки и бараны, так же как и птица, здесь крупнее, чем где-либо, а лошади мелкие. Страна очень лесиста, здесь прекрасно произрастают дуб и каштаны. Дичь плохая, но зато фрукты и овощи очень вкусные. Со всех точек зрения стоянка для кораблей тут великолепная. Жаль, что люди, которые здесь живут, как евреи: при малейшей сделке взимают с тебя 35 процентов барыша. В то же время за один пиастр в день здесь можно получить прекрасное жилье и стол у этих простодушных людей, которые пока еще не увлекаются чтением романов и посещением театров.

В Капской провинции насчитывается 4 тысячи белых жителей и более 40 тысяч черных рабов.

Поселения тянутся на 200 лье от Капа как вдоль океанского побережья и Мозамбикского канала, так и примерно на 40 лье вглубь по суше. В 12 лье от Капа

есть городок под названием Малая Рашель, население которого состоит из французских эмигрантов.

У готтентотов тот же тип, что у европейцев. Волосы у них растут кустиками, как на ратинированном сукне. Цвет кожи темноватый, ноздри резко очерченные, как у нас, но без хрящей, лоб выпуклый, рот крупный и довольно хорошие зубы. Они носят ожерелье и пояс из кораллов или раковин каури, к которому прикреплен мешочек из козьей или овечьей кожи, прикрывающий естество.

Единственной одеждой служит им овечья шкура, которую они вешают на шею и которая прикрывает ляжки до половины. Г-н Вольтер в своих записках утверждает, будто бы готтентоты рождаются с отвисшей кожей на животе, которая свешивается до ляжек в виде передника. Это чистая выдумка. Часто на перевязи они носят требуху от животных, которую едят в сыром виде, не очищая.

За бутылку спирта и пачку табаку их можно заставить делать разные вещи: бороться, исполнять всякие танцы, петь и т. п. В сражениях они всегда поют. Метнув дротик, они бросаются врукопашную, подпрыгивают, стремятся вплотную приблизиться к противнику.

Спят они нагими прямо на земле и укрываются шкурами.

В общем это скотоводы, добрые и гостеприимные люди.

Среди военных самые старшие командиры не имеют других чинов, кроме капитана и капрала. Знак их воинского звания — пояс из желтой кожи на бедрах. У высших чинов таких поясов два.

Когда готтентот женится, родители жениха и невесты садятся на пятки в кружок. Супруги входят в этот круг вместе со жрецом их веры. После многих странных церемоний тот мочится им на голову, и в этом милостивом акте участвуют дедушки и бабушки с обеих сторон.

В 4 лье от Капа есть деревушка Констанс, где делают вино того же названия. Там изготавливают ежегодно по 120 огромных бочек вина. Бутылка такого вина здесь стоит 36 су, однако, поскольку голландские владения забирают почти все, немногие во Франции могут похвастаться тем, что попробовали его.

Земля родит много винограда, зерна, фруктов и овощей.

Отъезд колонистов здесь редкое явление. Правительство противодействует этому. Богатством поселенцев является земля, на которой они живут, и они не могут обратить это достояние во что-либо другое. Если случится (это бывает очень редко), что кто-нибудь из обитателей обязательно захочет уехать со своей семьей, он не сможет продать свою землю, да и продажа дома будет невыгодной. По этой причине он и не решается покинуть родные места.

ГЛАВА V

Об Иль-де-Франсе¹

Англичане не разрешают французам высаживаться ни в Бомбее, ни на острове Святой Елены. Почему же тогда они высаживаются на Иль-де-Франсе! Почему губернатор отпраздновал их прибытие в наш главный опорный пункт! Почему англичане не только высадились в порту, но и проникли в глубь острова! Почему у них есть план острова, где нанесены все морские глубины и мели, виды почв в разных местах и названия пунктов, где можно попытаться высадить десант?

Небольшие затраты, желание сделать доброе дело и достигнуть согласия между властями острова полностью расстроят планы англичан.

Раздоры среди начальников острова мешают всем начинаниям, которые там можно было бы предпринять. Вообще гражданское начальство пререкается с военным, морские командиры спорят с администрацией, а тот, кто мог бы исправить положение, не властен это сделать.

На береговой линии острова есть не менее десятка мест, где можно высадить десант. Наиболее уязвимые места защищены, но как! Амбразуры слишком узкие, орудия расставлены не по всему защищаемому пространству, все стены в трещинах, полы прогнили, лафеты вышли из строя. Линия обороны, построенная г-ном Лабурдонне², повреждена в двадцати местах, между тем как камня сколько угодно внизу, под брешами, а в лесах на острове скрываются 1200 беглых чернокожих.

Глядя на все это, можно подумать: существует уверенность в том, что враг никогда не высадит десанта на этот остров. В действительности же из-за полного запустения, взаимных распрей и непонимания никто просто не интересуется защитой острова.

Англичане и голландцы непрерывно приобретают все новые владения. Они никогда не доверяют управление

своими территориями людям, заслужившим этот пост только своей угодливостью. Власти Мадраса, Калькутты и Батавии назначаются не с помощью происков и интриг... Проследите карьеру этих людей, и будет ясно, что получили они эти посты не вследствие заискивания, или лести, или мелочного тщеславия. Напротив, они занимают эти места благодаря знаниям политики, добытым за тридцать лет работы в колонии, и еще более благодаря заслугам неустанной службы.

Губернатор Батавии, который по степени своей власти почти равен королю, сделал в своей жизни больше, чем какой-нибудь владетель нагородил глупостей; бомбейский квакер и цейлонский протестант имеют равное право служить своей родине. Именно благодаря долгой службе, заслугам и знаниям, приобретенным на месте, приказчик становится во главе целой колонии. Когда такой человек вступает на этот высокий пост, он диктует законы целому народу³, над которым мы способны господствовать больше, чем кто-либо другой. Опубликованные в печати споры между гг. Дюплексом и Лабурдонне пошли на пользу нашим врагам. У них переняли англичане их политические методы, благодаря которым получают из Бенгалии по 40 млн. рупий ежегодно.

Железоделательные мастерские потребляют много дров, и наступит день, когда колония окажется в тяжелом положении, если власти заранее не примут меры, чтобы добывать дрова из других мест, например из Родрига⁴, Праслина⁵, Сейшельских островов, острова Святой Анны⁶.

Г-н Эрман⁷ заслуживает внимания правительства как колонист, человек и гражданин.

Жители здесь вообще злобны, лживы, завистливы, продажны, привередливы и расточительны и при этом неразборчивы в средствах. Редко у кого нет больших долгов.

Редюи и Монплеzir⁸ — наиболее приятные дома на острове. Первый принадлежит губернатору, а второй — интенданту, который собрал у себя все редкие растения и плоды.

Порох здесь, на острове, делают самого лучшего качества. Все, что имеет отношение к артиллерии, находится в ведении весьма достойного офицера, господина Фурнье.

Кофе и хлопчатник, так же как и овощи, произрастают хорошо. Рыбы в изобилии, а вот мяса нет.

Мэнокк⁹ разводят наряду с фруктами, так же как и кукурузу. В случае блокады порта эскадрой противника питание колонистов может быть обеспечено за счет кукурузы и пататов¹⁰.

Северо-западный порт¹¹ заслуживает внимания правительства, так же как Копье Норы Хвастуна¹². И тот и другой требуют срочных затрат, так как один забит обломками кораблей, засоряющими порт, другой же стал несудоходным после урагана, который разразился 1 марта 1772 г.

Природа дарует в изобилии манго, гуавы, лимоны, финики, гранаты, авокадо, папайю, ананасы и т. п. Следовало бы насадить там побольше кокосовых пальм. Жители Острова Змей и Острова Пушкарей с удовлетворением восприняли бы такое намерение, причем в особенности те, кто захочет сам этим заняться.

Можно было бы также больше позаботиться о строительстве главных зданий. За большие деньги была построена церковь, которую так расшатал ураган, что боятся, как бы она не рухнула. Если бы арки были хорошо сделаны, а кладка — добротнее, то все здание было бы более прочным.

Госпиталь в Гран-ривьер¹³ построен из дерева. Наряду с опасностью пожара есть и другие неудобства, так как здание не спасает от насекомых и жары и часто требует ремонта.

Для улучшения условий жизни военнослужащих надо закончить строительство казармы.

Алчные до денег жители уничтожают молодую поросль эбеновых деревьев, значительное количество которых можно было бы ежегодно вывозить с острова, если бы правительство захотело заняться такой торговлей.

Беглые негры так спокойно идут на казнь, что следовало бы подумать, как добиться сохранения им жизни, которой они пренебрегают. Я видел, как истязали и вешали нескольких из них, и жертвы не испустили ни одного крика. Строгие наказания, которым их подвергают, доводят их до полного отчаяния. За малейшую провинность их присуждают к пыткам, тюремному заключению или к ударам бича. Я видел, как три дня подряд одного негра наказывали ста ударами бича, а

потом лили на раны уксус и посыпали их горячей золой. На заре несчастный снова получал столько же ударов бича, сколько и накануне.

Большинство негров вообще не имеет одежды и плохо питается.

Каждый год за счет короля на остров Родрига и на Мадагаскар приходят несколько кораблей за черепахами, лесом и быками, что приносит прибыль их жителям. Было бы совсем не трудно послать корабль в Маскат с несколькими партиями железа, меди, сахара и даже кофе. На этом же корабле, кстати, можно было бы привезти ослов для продажи населению.

Те жители, которые разводят возле своего жилища овощи и фрукты, каждый день посылают чернокожих в порт продавать эти продукты на рынке. Несчастные сгибаются в три погибели под тяжестью груза, с которым приходится преодолевать по 7—8, а порой и по 10 лье. Они возвращаются домой, падая от усталости. Единственная еда, которую они получают, это лепешка из мэннока. Через шесть-восемь часов им снова надо идти на работу.

Если бы каждый из тех, кто отправляет свои продукты на рынок, имел одного-двух ослов, то все эти неудобства были бы устранены. Ослы могут нести груз пяти-шести чернокожих, и тогда понадобился бы всего один негр для того, чтобы их сопровождать. Эти животные находят себе пропитание возле поселений, а года через три-четыре они были бы у всех, если послать корабль в Маскат и завезти оттуда самцов и самок. На Иль-де-Франсе они легко размножаются, и небольшое их число, имеющееся там, несомненно подтверждает, какую выгоду можно получить благодаря тому, что их легко кормить и разводить.

Чернокожий десяти—двенадцати лет стоит не менее 300 ливров. Часто негра так перегружают тяжестями, которые его заставляют носить, что он надрывается, и тогда хозяин теряет на этом по крайней мере 100 пистолей.

Осел же в Маскате стоит всего 23 рупии, или 55 ливров 4 су. Выгода от затраты 55 ливров 4 су вместо 300 ливров явная. Убыток же для хозяина сверх того увеличивается на 100 пистолей в случае потери негра. К тому же надо учесть, что сохраняются люди: хоть

они и черные, они все же заслуживают лучшего отношения.

Число свободных чернокожих на острове возрастает. История острова полна событий, которые свидетельствуют, что по отношению к ним следует быть осторожнее. Широкая свобода, предоставляемая людям, которым дали в руки оружие, а также большое число малабарцев, которые тоже свободны и имеют на острове собственное имущество, в один прекрасный день могут доставить много неприятностей. Все малабарцы имеют жен и детей. У свободных чернокожих их тоже много. Никто из них не уезжает из колонии. Лет через 50—100 на острове будет около 20 тысяч свободных чернокожих, способных создать значительную группу мятежников.

Сейчас в колонии нет места, где можно было бы окопаться. Нет и удобного пункта, где можно было бы укрыть в безопасности продовольствие, сокровища, женщин и детей. Колония открыта со всех сторон.

Колонистам, которым в случае гражданской войны некуда отступить, кроме как в море, придется бросить тогда свои очаги на произвол восставших.

Может быть, следовало бы считать Иль-де-Франс центром наших владений в Индии? Вот по каким соображениям:

1. Этот остров — надежное место, удобный пункт связи между Европой и нашими владениями в Азии. Он может служить нам в качестве склада. Наконец, здесь можно сосредоточить все, что необходимо для проведения крупных операций, причем враги не будут ничего об этом знать. Губернаторский пост на острове следует поручить способному человеку, которому благодаря его происхождению и достоинствам можно было бы доверить управление, рассчитывая, что он будет действовать справедливо, разумно и беспристрастно.

2. Там можно стать на якорь в любое время года, что невозможно на побережье Индостана из-за муссонов. Столь удобного порта не найти в других наших владениях в Азии.

3. Для нашей деятельности далеко не безразличен и тот факт, что отсюда кораблям легко уходить в Европу и возвращаться обратно. В Индии же приходится ожидать целый год, прежде чем получишь ответ.

4. В зависимости от направления муссонов с Иль-де-

Франса можно в любое время года посылать легкие суда либо на западное, либо на восточное побережье Индии, а с помощью паттомаров¹⁴ вести переписку между Малабарским и Коромандельским побережьями. Это потребует меньше расходов и значительно сократит время.

5. На Иль-де-Франсе мы в безопасности, а при желании и в стороне от всяких событий, в то время как из всех других владений в Индии нас можно изгнать в 24 часа. Благодаря этому остров можно рассматривать как центр всех наших владений. Следовательно, мы должны иметь необходимую власть, способную пресекать угнетение или самовольничание отдельных начальников наших торговых пунктов в Индии. Это даст только благоприятные результаты.

Власти Калькутты, Мадраса и Бомбея независимы друг от друга. Батавия же является центром голландских владений. Все коменданты отдельных голландских торговых пунктов и даже мыса Доброй Надежды отчитываются перед губернатором, находящимся в Батавии.

ГЛАВА VI

*Об архипелаге к северу от Мадагаскара, или
островах Святой Анны, Сейшельских, Праслине и
других.— О Маскате в Аравии*

Из 60 известных островов и островков, составляющих этот архипелаг, можно назвать несколько, к которым легко подойти судам. Там много лесов, 4—5 тысяч черепашек, есть масло и рыба, которую сушат, чтобы перевозить на Иль-де-Франс, находящийся всего в 300 лье.

Стволы деревьев в лесах имеют 80 пье от пня до макушки. Пильщики и лесорубы на этих островах творили бы чудеса.

Колонисты под началом сеньора Делоне, поселившиеся в августе 1770 г. на острове Святой Анны, насчитывают 25 белых и 7—8 негров. Это свидетельствует о том, что на архипелаге можно разместить более значительное поселение, которое оказывало бы помощь пострадавшим на море кораблям. Вода, черепахи и дрова здесь под рукой, и всего этого много. Кукуруза и овощи произрастают прекрасно. Характер почвы дает основание полагать, что там хорошо будут расти рожь, рис и другие зерновые. В изобилии кокосовые орехи и сардины; много птиц — голубей, горлиц и других пернатых.

На северо-западе острова Сейшель имеется орошаемая рекой равнина в пол-лье шириной и полтора лье длиной. Она простирается в ширину с востока на запад, а в длину — с севера на юг. Почва пригодна для обработки. Равнину окружают густые леса. В скалах много сухопутных черепах, коз и голубых курочек¹.

В западной части почва лучше, чем в восточной. При зондировании обнаружилось, что почвенный покров однороден на полтора пье в глубину.

Кроме того, остров перерезают шесть небольших речек глубиной до 8 пье с хорошей пресной водой. Они берут свое начало из источников, вытекающих из скал. Там несколько плато с пригодной для посева почвой,

есть пернатая дичь и речная рыба. Местность лесистая и очень живописная. Болота, почва тучная и не очень каменистая, ее глубина — 3 пье и более. В западной части острова — хорошая песчаная бухта, расположенная в направлении с Ю-З на С-З-З. От берега до открытого моря расстояние примерно $\frac{1}{8}$ лье. Глубина бухты $\frac{1}{4}$ лье; дно покрыто рифами, тянущимися до юго-западного края, где есть небольшой проход. Бухту окаймляют кокосовые пальмы.

Остров Праслин, или Мора, — самый крупный на архипелаге после Сейшеля. Однако он необитаем. Лес здесь низкого качества, его трудно подтащить к берегу, к которому почти невозможно причалить.

Следующим самым крупным после двух упомянутых островов является остров Святой Анны. Там крутые горы, ущелья и много скал. Корабли становятся на якорь друг против друга в гавани глубиной от 8 до 20 морских сажений, на расстоянии мушкетного выстрела от острова. Даже во время прилива в бухте видна отмель, которая обнажается при отливе. Поселение расположено на берегу, прямо против этого места.

На острове очень густые заросли тростника, пригодного для циновок. Он достигает 50—60 пье высоты, и стебли его достаточной толщины. Леса из махо² пригодны для кораблестроения. Есть род яблоневого дерева, годного для строительства. Имеется несколько ручьев пресной воды, богатых рыбой. В южной части находится равнина с великолепной почвой.

Растет там и другое дерево, обычно достигающее 35—40 пье высоты и 12—15 пье в диаметре. Это дерево покрыто белой заболонью в $1\frac{1}{2}$ —2 пяди толщины. Под слоем заболони дерево темно-красного цвета с золотистым отливом. При подсечке из него вытекает масло цвета винограда. При обработке древесины тускнеет и принимает окраску тикового дерева. С виду оно похоже на тиковое, но кора у него, как у гахиака³. Это дерево заслуживает внимания. Оно прочное, и на острове его очень много.

Есть еще одно дерево в 36—40 пье вышиной и диаметром 10—12 пье. Листья у него похожи на каштановые. Древесина плавуча, с прямым волокном. Это дерево легче колоть, чем рубить. Кора у него тонкая, и ее трудно обдирать. Дерево очень подходит для мачт.

При желании обойти этот архипелаг надо стать на якорь у острова Фрегатов (небольшой остров, примерно 2½ лье в окружности, расположенный почти у пролива, между островами Праслин и Сейшель, к востоку от других островов), а потом уже, при хорошем попутном ветре, идти, куда нужно.

Длина отмели с юго-востока на северо-запад — 55—60 лье, а ширина с северо-востока на юго-запад — 30—35 лье. Этот архипелаг расположен примерно на 6° ю. ш. и 56° в. д. Лот показывает от 9 до 25 морских саженьей глубины, дно песчаное или покрыто красными кораллами. С Иль-де-Франса туда легко добраться за 8 дней.

Даже самая плохонькая деревня в Нормандии построена лучше, чем город Маскат, где могут жить до 20 тысяч жителей. Большая часть улиц там настолько узка, что два человека не могут разминуться. Однако Маскат расположен на побережье Счастливой Аравии⁴, в устье Персидского залива, и известен как хороший порт. Так что это место очень удобно для торговли. Его часто посещают англичане, и там заключаются выгодные торговые сделки.

К французам там относятся хорошо. Доброжелательность, проявленная нами к сыну имама⁵ 9 октября 1770 г., когда он явился на борт нашего корабля, немало способствовала тому, что арабы забыли обиду, нанесенную им графом д'Эстеном⁶, который недавно захватил в этом порту груженный для англичан корабль.

Туда можно ехать с уверенностью. Следует больше остерегаться течений и берегов начиная от мыса Разальгат⁷, у которого корабли проходят очень близко, чем в общем довольно благожелательных туземцев.

У арабов кожа смугловата, все они носят бороды, включая мелких вождей, и т. д. См. об этом и о женщинах в пятом письме⁸.

Господствующая религия — магометанство. Имам объединяет власть как духовную, так и светскую. Его зять — губернатор Маската. Он возглавляет ведомства правосудия и военное и носит титул вакиля⁹.

Это королевство находится в подчинении у турецкого султана. Титул имама передается по наследству. У нынешнего имама семь сыновей, две дочери и четыре жены. Его резиденция находится в месте под названием

Росташ, примерно в 15 лье к западу от Маската. Он ведет гражданскую войну против своего народа.

Из-за расположения страны вести войну на суше — дело трудное. У имама по этой причине мало конницы. Пехота, которую я видел, — чернокожие из разных стран, вооруженные фитильными ружьями без штыков; пушки у них очень тяжелые, а ядра лишь в $\frac{2}{3}$ нашего калибра. У каждого солдата кинжал за поясом, дротик, сабля без эфеса, круглый щит из кожи носорога и пороховница. Платят солдатам 3 рупии в месяц. Их одежда состоит из широкой нанковой¹⁰ безрукавки, штанов из такого же материала, сандалий, тюрбана и пояса. Гвардия — это в основном абиссинцы, которых считают храбрыми и надежными людьми. Рост у многих из них выше 6 пьс.

В армии от 30 тысяч до 40 тысяч человек. Имам может ее довести до 60 тысяч.

Морские силы этого правителя состоят из трех крупных кораблей с 54 пушками, одного фрегата с 26 пушками, который ему продали англичане, четырех паллей с 12 пушками и двух других с 8 пушками. Остальной флот состоит из судов измещением от 50 до 100 тонн, вооруженных 2—4 пушками. Эти суда используются и для торговли между Бассорой¹¹, Индостаном, Мокой¹² и портами Красного моря. На каждом из них по 25—40 матросов и один парус. У них хороший ход.

Флаг правителя Маската красный, с вымпелом из боргама¹³. Порт Маскат во время отлива на самом мелком месте имеет 16 пье глубины, а во время прилива — 25. В порту могут находиться одновременно 20 военных кораблей и 12 фрегатов второго класса. Порт безопасен и хорошо прикрыт горами. Его защищают 4 форта. Сейчас они, по правде говоря, плохие, но их можно сделать неприступными. Вооружение всех 4 фортов — около 60 пушек.

Перед портом с северной стороны великолепный рейд, простирающийся от поселка Матра и расположенный в $1\frac{1}{2}$ лье от Маската. На этом рейде может стоять более 400 кораблей. От Матры в Маскат ведет единственная труднопроходимая дорога.

В этой стране разводят быков, овец, ослов, кур; здесь произрастают кукуруза, разные овощи, виноград, апельсины, финики, хлопчатник. Много здесь кокосовых

пальм, благовонных трав, ладана, сока асафетиды¹⁴, александрийского листа и разных лекарственных трав.

Основными пригодными для торговли товарами здесь являются железо, медь, эбеновое дерево, бурбонское кофе¹⁵, якоря, компасы, порох, сахар и т. д.

Взамен получают кофе мокко, слоновую кость, ладан, камедь, разные лекарственные травы, красную охру, финики. Расплачиваются здесь венецианскими цехинами и императорскими экую.

Взимается плата за право стоянки в размере 9 процентов с выручки и 2,5 процента — за перевозку грузов и куртаж. Ближняя торговля ведется с Мокой, Бетельфани¹⁶ и Гоммероном, или Бандер Абасси¹⁷. Важнейшими товарами для первых двух из перечисленных мест являются кофе и лекарственные растения. Однако из второго места, принадлежащего персам, где у англичан и у голландцев есть крупные фактории, можно вывозить лошадей, ковры из шерсти и шелка, кожи, розовое масло, сухие фрукты, шелковые ткани и жемчуг Ормуза, который недалеко оттуда. Везут туда рис, сахар, индиго, перец, кофе, кардамон, хлопчатобумажные ткани и т. п.

Кисмиш¹⁸, расположенный в 3 лье от Ормуза, представляет собой остров, где съестных припасов и всякого рода прохладительных напитков в изобилии.

В Маскате деньги взвешивают, но баньяны¹⁹ покрывают золотые или серебряные монеты воском для того, чтобы придать им больше веса, и довольно часто перемешивают фальшивые монеты с настоящими. Избежать первого мошенничества можно, требуя на рынке, чтобы предварительно монету окунали в кипящую воду. Что же касается второго мошенничества, то все монеты дают на проверку шерафу (меняле), принявшему на этот счет присягу, и платят ему за это небольшую сумму.

Когда-то эта страна принадлежала португальцам, но они были изгнаны арабами, неожиданно напавшими на них. С тех пор португальцы и арабы Маската не поддерживают связи друг с другом.

ГЛАВА VII

*О Гоа и Карваре*¹

Остров Гоа принадлежит португальцам. Он расположен у побережья Канары на $15^{\circ}30'$ с. ш. и 71° в. д. В длину он примерно 3 лье с востока на запад и ...² градусов по периметру. Порт Гоа очень красив. На северной стороне, у устья реки Шапра³, у португальцев есть форт с пушками, способными открыть мощный настильный огонь. На берегу реки разбит лагерь примерно на 800 человек. Форт и лагерь расположены приблизительно в 5 лье от острова.

К северу от Гоанского рейда — большой форт, называющийся Агвада, где останавливаются суда. Часть пушек этого форта своими дулами нацелена на море. Вал оснащен пушками, защищающими вход в порт. Эти фортификации никуда не годятся и плохо содержатся.

Напротив Агвада стоит красивое большое сооружение, которое издали можно принять за крепость. Но это просто монастырь капуцинов⁴, с одного края которого находится батарея из 20 пушек для настильного огня. Охрана батареи поручена капуцинам. Расположен монастырь в самой западной точке острова, образующей мыс под названием мыс Св. Франциска.

При подходе к проливу Гоа надо преодолеть мель, где глубина воды во время прилива не менее 19 пье. Свернув к левому берегу, проходишь на расстоянии мушкетного выстрела от форта, построенного на склоне горы. Этот форт называется «Три волхва». Его окружают горы, но мне он не показался очень крупным. На вершине горы бастион, где расположены регулярные войска, являющийся частью форта. Напротив, по другую сторону отмели, т. е. в $1\frac{1}{2}$ лье от этого места, есть один форт, который гораздо хуже других. Там стоят 20 пушек, из которых 6—7 имеют брустверы.

Немного подальше стоит форт Мармегон⁵, находящийся на севере провинции Сальсет⁶. Эта провинция

принадлежит португальцам и простирается на 8—9 лье. Форт содержится в порядке, но построен неудачно.

Необходимо заметить, что лишь очень небольшие суда могут пройти гоанскую мель при отливе, так как там есть места, где глубина не больше 3 пье. На расстоянии же ружейного выстрела от форта «Три волхва» могут пройти все португальские торговые суда водоизмещением 500—600 тонн. Они становятся на якорь сначала перед фортом Агвада, где глубина воды от 8 до 10 и даже до 20 морских сажень. В проливе шириной почти $\frac{1}{4}$ лье суда бросают якорь на глубину 7—8 морских сажень. Во время прилива море там поднимается на 4—5 пье.

Город построен весьма беспорядочно. Он окружен стенами и зубчатыми башнями. Кроме церквей и монастырей, все остальное незначительно. Монастырь августинцев, старый дом иезуитов и дворец инквизиции поистине великолепные сооружения.

Все монахи, как и солдаты, оплачиваются португальской короной. У всех у них в домах хранится оружие, и при появлении противника они обязаны с ним явиться. Таким образом число солдат возрастает более чем на 6 тысяч. Белое духовенство⁷, составляющее не менее $\frac{1}{12}$ населения,— все чернокожие и местные жители. От этого они не становятся лучше.

Инквизиция находится в руках якобинцев⁸.

Имеется архиепископ и несколько выборных епископов. У него титул примата Индии. Когда правительство уходит в отставку, бразды правления берет примат до момента назначения нового губернатора. Таким образом, примат распоряжается как гражданским населением, так и военными.

Нынешнего губернатора зовут Дом Жоан. Он уже стар и постепенно слепнет. Интенданта зовут Сальдоге. Это достойный человек.

Набожность и религиозное рвение в этой стране примерны. Всюду часовни, часовенки, религиозные процессии, люди с орденом Христа на груди. Там, как и везде, орден не всегда получают за заслуги.

Король содержит 20 тысяч воинов. Семь-восемь тысяч из них — регулярные пехота и кавалерия. Остальные — сипай, т. е. местные, плохо вооруженные жители. Солдаты регулярных войск поражены проказой и чесот-

кой; они ни на что не пригодны, плохо одеты, плохо питаются и плохо оплачиваются. 1. Целый день солдаты, как и офицеры, ходят в куртке или рубашке, делая это для того, чтобы сберечь собственную одежду. 2. Командирам выдается провиант на всю воинскую часть, включая офицеров, солдат и лошадей, и это отражается на бедных животных — они невероятно тощие. 3. Оплата столь скудна, что для своего пропитания войнам приходится облагать поборами рыбаков. Подальше от побережья полно дезертиров-португальцев.

При этом правительстве в военной службе нет последовательности: сегодня ты в пехоте, завтра — в кавалерии и наоборот. Дело доходит до того, что офицер пехоты считает, будто его наградили, если ему поручают во время кампании командовать кораблем, который должен конвоировать другие суда до их входа в порт. Деньги за это достаются капитану. Его обязанность — защищать торговые суда от пиратов. На таких кораблях есть шкипер, который ведет судно. При маневрировании капитан не дает распоряжений, а командует только во время боя.

Прапорщик получает всего 24 ливра в месяц, лейтенант — 32 ливра 10 су, капитан — 53 ливра.

Воинские чины различают по трости⁹.

Торговля в этой стране почти не ведется. Англичане имеют в Гоа маклера, который скорее всего шпион. Больше всего здесь торгуют французы, но и те присылают сюда не более двух торговых кораблей в год. Сюда ввозят железо, медь, свинец, порох и кофе, и правительство покупает все это за счет португальской казны. Взамен вывозят мозамбикских кафров¹⁰, за которых платят в среднем 75—80 рупий. На острове (Гоа) их продают за 150—160 пиастров гурд¹¹. Больше всего такой торговлей занимаются монахи и священники.

За продажу товаров откупщикам платят 1 процент с выручки, а за право вывоза того, что не продано, — 7 процентов. Оружие и военные припасы можно продавать только правительству. Запрещено продавать табак, спирт и пряности.

Раньше в этой стране было много армян, но их прогнали. Вместо них появились баньяны и язычники, которые забрали всю торговлю в свои руки и добились того, что разорили страну. Прибавьте к этому беззабот-

ность, свойственную португальцам, которые целыми днями молятся господу богу или спят, и тогда станет ясно, почему Гоа обходится Португалии в 15 млн. в год.

Остров и зависимые от него земли дают хорошие овощи, сыр, фрукты, быков, баранов, буйволов, свиней, дичь, птицу и великолепную рыбу. Золото и серебро здесь так обычны, что даже у самого бедного ребенка, канаратца или язычника, которому всего годик, на шее надета драгоценность местного производства ливров на 30 на наши деньги. Я видел детей, на которых драгоценности стоят более 200 луидоров.

Однако все эти люди, увешанные золотом, питаются только кокосовыми орехами и рыбой с небольшим количеством риса.

Рабочие руки здесь дешевы, и лучший мастер не заработает больше 20 су в день. Ювелирные изделия тут делают великолепно. Однако очень большой порок правительства состоит в том, что оно не препятствует переводу золота и серебра в драгоценности, вследствие чего там почти нет наличных денег. Бедность португальцев объясняется нехваткой денег в обращении.

Обычно все местные жители носят золотые или серебряные браслеты, у них все пальцы рук и ног унизаны кольцами, а золотые или серебряные цепи служат поясом, в ушах у них серьги, в носу — кольца и т. д.

Язычники к тому же носят на ногах крупные золотые или серебряные цепи весом 1—2 фунта. Женщины носят золотые подвески в ушах, а у детей, которые бегают голышом, золотая цепочка на бедрах, на которой спереди висит пластинка, скрывающая наготу.

ГЛАВА VIII

О пиратах Малабарского побережья

Кажется удивительным, что неорганизованные, плохо вооруженные огнестрельным оружием рыбаки, имеющие лишь небольшие суда, могут нарушать торговлю европейцев в Индии и захватывать их корабли! Еще более удивительно то, что эти же люди отважились напасть под огнем пушек на две европейские фактории и на 64-пушечный военный корабль и захватили несколько европейских кораблей (в том числе военных), принадлежавших разным государствам. Однако труднее всего поверить в то, что эти европейцы не объединились и не уничтожили пиратов, наводняющих все побережье от Раджапура¹ до Жертвенного Камня, а также скалы в окрестностях Каликута.

Англичане сочли необходимым вступить с пиратами в союз. Благодаря этому английская торговля не страдает от пиратов. Продавая им военное снаряжение, пушки и порох, англичане нашли средство тем самым препятствовать торговле своих соседей и увеличивать их расходы. Судам, плавающим вдоль Малабарского побережья, приходится сильнее вооружаться и иметь на борту команду из белых матросов. Английские же торговые суда, ведущие торговлю на всем побережье Индии, набирают команду из ласкаров², и их вооружение гораздо легче. Англичане используют все ради сохранения своего господства.

Они настолько убеждены в необходимости союза с пиратами и в той выгоде, которую дает поддержка разбойничьих действий, что продали пиратам несколько кораблей, вооруженных 40 пушками, да еще поставляют лоцманов для успешного крейсирования.

Французы взирают на все это со спокойствием, хотя пираты оскорбляют их флаг и захватывают их корабли! Так же и португальцы. У них есть разрешение на содержание в Гоа двух фрегатов и одного военного кораб-

ля, и они преследуют пиратов, а те в отместку взорвали один из португальских фрегатов вместе со всей командой. Видят это и шведы, которые без звука позволили пиратам захватить два своих корабля (перкупленные португальцами у Англии³). А между тем известно, что у каждой из этих трех держав достаточно сил, чтобы покарать пиратов за их участвовавшие дерзкие нападения.

Порты Раджапур и Джатронг⁴ принадлежат Англии, и там сосредоточен весь пиратский флот. Почему бы не поджечь его прямо на месте! В шкиперах, которые поведут туда корабли, недостатка не будет! Морские державы Индии таких правителей, как Айдер-Али-Кам, Набаб Камбея⁵, Али Раджа, король Татокорина⁶, король Траванкора⁷, неры⁸ и Маскат — все встретят это с удовлетворением и безусловно окажут поддержку.

Для такой экспедиции достаточно было бы двух фрегатов с 26—30 пушками на борту, 2—3 брандеров и нескольких волонтеров.

Необходимо отметить, что у пиратов флот разделен: часть стоит на севере, часть — на юге. Следует напасть на его северную часть, предварительно блокировав порт, а после этого разгромить и южную часть. Можно быть уверенным, что этот маневр будет успешным, особенно если ради предосторожности одновременно послать между двумя рейдами — Маэ и Телличерри — отдельную вооруженную по-военному флейту⁹ с 30 пушками с тем, чтобы не дать возможности другим пиратским кораблям войти в Телличерри.

Пиратский флот обычно выходит из порта Джатронг, где суда собираются к 15 декабря. Они курсируют вдоль побережья примерно до 15 марта. Между этими двумя датами и надо атаковать их в море до или после того, как будут уничтожены их корабли в портах.

На этом побережье дважды в сутки то с суши, то с моря дуют ветры, в промежутках всегда бывает затишье. Пираты пользуются этим моментом и в это время нападают на суда. Атакуют они всегда с тыла. Построившись в линию, они дают один залп за другим по корме атакуемого корабля.

Их обычные суда — палль и гальветт. Это палубные суда, и на каждом из них от 3 до 19 пушек. Самая большая пушка установлена спереди, и она-то и обеспечи-

вает успех. На борту каждого судна от 50 до 150 человек, а иногда и больше. Суда могут ходить на веслах или на парусах и, редко удаляясь далеко от берега, находятся в пределах его видимости. После того как одно из судов дает залп, оно задним ходом пришвартовывается либо к крупным кораблям, которые обычно лежат в дрейфе, либо становится в арьергарде или во фланге атакуемого судна. Этот маневр продолжается до тех пор, пока пираты не потеряют надежду захватить добычу или пока сильный отпор, на который они натолкнулись, не заставит их отступить.

На случай нападения пиратов я бы всегда советовал ставить на корме 2—4 большие пушки и вести из них неослабный дальний огонь, с тем чтобы запугать пиратов. Потом уже надо пустить в ход мушкетоны, по возможности иметь релинги на бортах, на шкафуте и на баках расставить по нескольку хороших стрелков, а на марсах — камнеметы¹⁰ и, самое главное, проявить смекалку! Пугаться большого числа вражеских парусников, которых порой бывает больше пятидесяти, не следует, а надо только получше использовать собственные суда. Я гарантирую (если противник случайно не вызовет пожара), что весь флот Англии, временами насчитывающий более 150 парусников, не сможет захватить и одного 30-пушечного фрегата с 250 матросами под командованием умного человека.

Я это знаю, потому что сам однажды попал к ним в плен. Пираты боятся огня и не умеют хорошо маневрировать. У них нет ни ружей, ни пистолетов, их вооружение состоит из стрел, копий и палашей. Если сумеешь избежать abordage и не терять самообладания, они не смогут ничего сделать, сколько бы их ни было. Пираты никогда не обгоняют свою цель (поскольку первый же выстрел может их настигнуть), если только у них нет уверенности, что добыча у них в руках.

Суда их очень быстроходны, и огонь с крупного корабля не причинит им большого вреда, если его вести не с первой батареи. Но огонь с фрегата для них гораздо опаснее, особенно если заряжать пушки гроздьями¹¹ или связками ядер¹².

Все жители побережья Декана и Конкана¹³ начиная с Камбейского залива — маратты, англии¹⁴, бонсело¹⁵, малуди¹⁶ и кавули¹⁷ — объединились для пиратских на-

бегов. Перед выходом в море они посылают на разведку 2—3 суденышка и только после получения сведений решают, куда двинуться. Именно поэтому при отправке против них экспедиции для ее успеха необходимо взять курс на север, в направлении Бомбея, не отдаляясь от берега более чем на 30—40 лье. В последние дни декабря надо вновь обрушиться на сожженные острова, держась в 3—4 лье от суши. Если идти на этом расстоянии вдоль побережья, можно быть уверенным, что встретишься с врагом. Следовало бы для соблюдения осторожности послать вперед по этому же курсу одно из судов на разведку. С помощью заранее обусловленных сигналов это судно могло бы сообщать обо всем, что происходит в пределах его видимости. Чтобы захватить и уничтожить пиратов, необходимо применять военную хитрость.

Для осуществления этого плана очень пригодился бы флот Айдер-Али-Кама. Во-первых, потому что моряки Айдера знают побережье, а во-вторых, поскольку у них легкие плоскодонные суда, они могут высадить на сушу людей для поджога верфей и складов, пока моряки будут вести бой с противником. К тому же Айдер уже вступил в союз с португальцами против бонсело и малуди.

Пиратский флот, о котором я веду рассказ, похож на непрестанно обновляющуюся гидру. Его не уничтожить, если не решиться на военную экспедицию в Раджапур и Джатронг. Для пиратов эти порты имеют такое же значение, как для нас Брест. Пока у них есть арсеналы и 200 пушек, торговым кораблям не будет покоя.

Как только Франция и Португалия действительно захотят освободиться от них, наши владения и имущество будут защищены от оскорбительных посягательств. За успех я отвечаю.

Англичане заключили соглашение с ангриями и другими пиратами с тем, чтобы те не мешали их судоходству и оставили в покое все корабли под английским флагом. Но это соглашение следует рассматривать только как условное. Я уверен, что англичане не станут поддерживать пиратов, хотя, возможно, продадут им корабли и снабдят их артиллерией. Но поскольку мы уже привыкли к такому поведению англичан, оно нас не уди-

вит и не помешает нам быстро и осмотрительно добиваться поставленной цели.

Когда эти острова будут преданы огню, прибежищем и засадой пиратов по всему побережью от Конкана и Канара до Малабара останутся лишь острова Голубей¹⁸ и Жертвенный Камень.

ГЛАВА IX

Морские владения Набаба Айдер-Али-Кама

Владения этого правителя простираются от Карвара до Осдронга¹ на 100 лье вдоль побережья, не считая его новых завоеваний в Малабаре, которые доходят ныне до Каликата.

Карвар — самый северный порт приморских владений Набаба. Именно при нападении на эту крепость потерпели поражение все португальские силы в 1766 г., а в 1771 г. мараттский флот из 160 парусников тоже был вынужден отступить ни с чем. Коменданта этой крепости, поставленного Набабом, зовут Каприбек. Это храбрый человек. Хотя он и очень корыстолюбив, он всегда оставался верным Набабу. Каприбек — магометанин, он белолиц, как англичанин, носит бороду, и у него удивительно длинные усы золотистого цвета. Айдер-Али-Кам хотел бы, чтобы наш флаг был водружен именно в Карваре.

Онор лежит к югу от Карвара. Три форта защищают там рейд, а еще один, более крупный, — устье прекрасной реки и низменность. Все форты оснащены артиллерией, и там расквартированы сипаи. Это место находится в 20 лье от Карвара и в 40 лье от Манголора, главного порта Набаба.

Согласно мирному договору 1769 г. Айдер-Али-Кам разрешил англичанам основать в Оноре факторию, которую возглавляет г-н Таусен. Англичане вывозят оттуда ежегодно 700—800 канди перца и 1000—1200 канди сандалового дерева. Карвар расположен удобнее и может давать нам больше, став надежным портом.

Кондапур (он же Гетапур) и Баколор расположены в очень хорошей местности². Некогда в Кондапуре у голландцев была фактория. Эти места густо заселены, и отсюда очень удобно вести торговлю с внутренними областями страны.

После поражений, которые потерпели голландские фактории на севере этого побережья и в Персидском заливе, голландцы оставили почти все свои поселения в западной части Индийского полуострова и в Кондапуре, где у них был форт, хотя оттуда можно было в изобилии вывозить сандаловое дерево, перец и рис. Там протекает очень красивая река, куда могут заходить суда измещением по 60—80 тонн. Я проехал вдоль побережья в глубь страны и имею основание утверждать, что она прекрасна. Там много лесов. Я видел хорошо мощенные и тщательно проложенные дороги в 10 туазов шириной. Этими путями можно пользоваться от Кондапура до Манголора и до подножия Гатт. Через каждые 2 лье для путников построены специальные дома, где можно найти воду, которую люди, получающие за это плату, обязаны сохранять. Такое установление действует по всему государству Канара и было введено еще королевой Бидделуру. Набаб его сохраняет. Означенные дома служат также убежищем для путника от слишком сильного зноя.

Из Баколора вывозят много риса и разного рода других товаров, подобных тем, что достают в Карваре. По обоим берегам реки — возвышенности, которые можно было бы использовать для строительства порта, сочетая таким образом приятное с полезным. Глубокая и широкая река, товары для выгодной торговли, укрытие, которое всегда можно найти в горах. — все это дает мне основание сделать такое заключение. Это место нам мало известно, потому что его редко посещают. Объясняется это близостью к Манголору: там такие же товары, как в Манголоре; с моря же Баколор почти незаметен. Все побережье здесь засажено фруктовыми деревьями, и их густая листва скрывает от взора эту бухту, которую можно было бы назвать заливом. Гавань защищают два хороших форта.

Манголор — главный центр торговли на побережье Канара и житница этой части Индии и Аравии. Огромное количество риса, привозимое сюда из внутренних областей, привлекает множество судов, которые грузятся прямо здесь. У португальцев там есть фактория, и по договору с прежним правителем Канара глава этой фактории взимает налог со всех рыбачьих судов. Набаб тоже обязан ежегодно поставлять фактории 300 тьюков

(150 тысяч фунтов) риса и определенное количество сандалового дерева по неизменной цене.

У устья реки в Манголоре есть отмель, закрывающая порт. В первом ее фарватере — $3\frac{1}{2}$ морских сажень глубины, а в малом фарватере — $1\frac{1}{2}$. Глубина реки — $5\frac{1}{2}$ морских сажень над донным илом. Для защиты фарватера построен каменный мол, снабженный артиллерией. Для охраны города и защиты от десанта построен большой каменный форт, оснащенный пушками. В Манголоре всегда находится гарнизон численностью 1500 солдат! В общем, это город, где сильно развита торговля, и он довольно хорошо построен. Есть там две католические церкви, а значит, и много христиан, четыре священника-канаратца, около пятидесяти священников-португальцев и множество баядерок.

Прежде Манголор был расположен на 2 мили южнее, чем сейчас. Но вследствие того что старый фарватер реки засорился, пришлось построить город у нового фарватера.

Во время последней войны Айдер-Али-Кама с англичанами, в 1767 г. глава португальской фактории вступил с ними в связь и решил провести их в город. Набаб узнал об этом и, после того как Манголор был им снова взят, хотел повесить португальского фактора и изгнать всех португальцев из своих владений. Уже были отменены привилегии, которыми пользовались португальцы. Однако деньги и политика сыграли свою роль в умиротворении Набаба, и он ограничился лишь требованием прислать другого фактора. Нового главу фактории зовут Гольт Мороу.

В 4 лье от Манголора находится форт Мангескрей³, а на таком же расстоянии от него — форт Комели⁴, откуда до форта Кассеркот⁵ тоже 4 лье. Здесь повсюду много небольших рейдов и бухточек, где могут легко пришвартовываться небольшие местные суда, называемые тоннами⁶. Но внутри страны есть прекрасные реки, по которым свободно могут проходить крупные суда.

Все эти форты охраняют побережье и алдеи, построенные в низинах. Страна густо населена, и все потребности жителей удовлетворяются за счет того, что там производится. Рис, кокосовые орехи, рыба, растительное масло, плоды арековой пальмы и бетель — вот про-

дукты, которые потребляются жителями и служат предметами их торговли.

Форт Декаль⁷, который находится в 4 лье от Кассеркота, имеет большее значение, чем все остальные, встречающиеся на пути от Манголора. Гавань и деревня в Декале довольно крупные. Большую часть года этот край бывает затоплен для выращивания риса. Набаб всегда держит там значительный гарнизон, потому что наиры, которым ранее принадлежали эти земли, так же как и в Осдронге, что в 3 лье отсюда, недовольны им и всегда готовы выступить. Как только Айдер-Али-Кам оказывается отвлеченным войной с мараттами, наиры стремятся снова завладеть землями, которых лишились.

Все эти форты построены на один лад: каменное или глинобитное здание, зубчатые стены и башни с 3—4 пушками. Человек 150—200 солдат, из которых 50—60 вооружены фитильными ружьями, а остальные — копьями, составляют в обычное время их гарнизон. Вот на чем зиждется безопасность страны и защита ее жителей. В некоторых портах все же есть конница, как, например, в Карваре, Оноре, Манголоре и Декале, насчитывающая в целом 200 всадников, причем большая ее часть — в Манголоре и Декале.

Между всеми перечисленными мною фортами есть еще небольшие крепостцы, поддерживающие связь между ними. Некоторые из них построены прямо в море на скалах, в $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{8}$ лье от берега. Другие же — в ущельях или на возвышенностях.

Фактически можно считать, что все побережье начиная от залива Канегон⁸ за Карваром и до Каликута, за исключением Маунт-Дели⁹, Телличерри и Маэ, принадлежит Айдер-Али-Каму. Ниллессера¹⁰, Маттелайе¹¹, Кавайе¹², Белипатан¹³, Раметели¹⁴ и Кананор принадлежали императору Шерикелю¹⁵. Айдер-Али-Кам ограбил его и изгнал из владений, а трон отдал маппилу Али, который принял титул раджи. Набаб сохранил за собой пожизненно права на эту страну, а Али Раджа слишком слаб, чтобы противостоять ему.

Чужие вкрапления в эту территорию Набаба занимают примерно 10 лье и являются владениями европейцев и короля Картенатта¹⁶. Далее простирается вся территория Саморина¹⁷, которого Набаб только что

прогнал из его столицы (Каликута), где поставил свой гарнизон. Сто́ит Айдеру лишь захотеть, и он овладеет всем побережьем. Короли Котиота¹⁸ и Картенатта боятся, как бы Айдер-Али-Кам не пожелал продлить границу своих владений от Кананора до острова Дермапатам¹⁹, к Телличерри, Маэ и далее до Каликута. Маэ надо быть к этому готовым! Я не знаю, захочет ли выступить против него Телличерри. Ведь услуга за услугу. Англичане доказали, что они всегда умеют применяться к обстоятельствам, которые не мешают их планам. Что касается нас, то, очевидно, мы еще долго будем в Индии делать то, что от нас захотят. Нам безразлично, платить ли Айдер-Али-Каму или королю Картенатта. Англичане в Оноре живут во владениях Айдер-Али-Кама. В Телличерри они не платят никакой дани, но выплачивают пенсию 72 ливра в день прежнему императору Шерикелю, который удалился туда и мирно живет в ожидании, пока какой-нибудь счастливый переворот не возвратит ему трон династии Коластри. В настоящее время французы, англичане и португальцы в Каликуте зависят от Айдер-Али-Кама и платят ему дань, поскольку каждая из этих наций имеет там факторию, а это вынуждает их платить.

ГЛАВА X

О прежних владениях Компании на территории Али Раджи

Основное поселение в этих владениях называлось Ниллессера. Кавайе, Белипатан, Раметели и Монтдели зависели от Ниллессеры. Все это раньше принадлежало французской Индийской компании по праву завоевания после войны с канаратцами и последовавшего за ней договора.

Ниллессера окружена стенами и несколькими башнями с облицовкой в некоторых местах. Когда она принадлежала нам, там стоял гарнизон из 250 сипаев и 30 белых, с 18—20 пушками. Все это было под командованием одного советника-лейтенанта, который теперь капитан порта в Маэ^а, и нескольких младших офицеров, хотя это местечко и совсем небольшое.

В Раметели, Монтдели и Кавайе тоже был гарнизон. Однако форт Монтелайе, находящийся между Кавайе и Ниллессерой, был занят многочисленным гарнизоном противника. А когда были заключены соглашения, г-н Луэ и Совет Маэ совершенно упустили из виду, что противник сможет стеснять нас и мешать созданию новых владений, тем более что наиры благодаря своему положению в Кананоре господствовали над всеми сухопутными дорогами. Но гордость за то, что французский флаг проникает все дальше, а быть может, и то, что губернатор Маэ г-н Луэ, как и другие его собратья, вел войну от своего имени, побудили его заверить Компанию, будто бы эти владения принесут барыши... Легко убеждать в чем-то своих доверителей, если они находятся за 6 тысяч лье!

В этой местности предполагалось посадить сто тысяч кокосовых пальм, и, кроме того, она должна была поставлять в Маэ съестные припасы. Г-н Луэ, так же

^а В настоящее время (1775) он глава фактории в Каликуте.

как и Совет Маэ, утверждал, что одна кокосовая пальма принесет не меньше одной золотой пагоды в год дохода, а, следовательно, со ста тысяч таких деревьев можно будет ежегодно выручать по 920 тысяч ливров, не считая других продуктов и внутренней торговли. Имея перед собой такую перспективу, купцы повели войну с большим воодушевлением, но неумело. (Правда, для победы над индийцами большого умения не нужно, достаточно огнестрельного оружия и активных действий.) Война длилась два года, а затем был подписан мир на приведенных выше условиях. На это потребовалось больше миллиона. И вот кокосовые пальмы были посажены.

Через несколько месяцев темной ночью наиры вместе с канаратцами проникли сюда и расправились как с пальмами, так и с белыми. Белые, которым так же плохо платили, как и сипаям, быстро отступили, бросив всю артиллерию.

Вот так обернулись эти события. Неспособность, лихоимство и по меньшей мере корыстолюбие почти всегда лежали в основе поступков тех лиц, которым Компания доверяла вести ее дела. Следует ли удивляться, что эти дела шли плохо, если ее служащие так наживались?

Во время последней войны г-н Луэ сдал Маэ англичанам, дав один-единственный пушечный выстрел в честь нашего флага. А между тем на крепостных стенах у него было свыше 130 стволов. Но он не сведущ в том, как защищать укрепления и, тем более, как командовать солдатами.

А надо было открыть сильный ружейный огонь прежде, чем сдать Маэ врагу. Для этого нужен был только сообразительный и храбрый начальник и такие же затраты, какие делаются в настоящее время.

Все перечисленные выше места теперь находятся под властью маппелы Али, которому передал их Айдер-Али-Кам.

Али принял титул раджи и избрал своей резиденцией Кананор, столицу империи Коластри. Айдер-Али-Кам сверг в 1767 г. императора Шерикеля и сделал Али Раджу правителем захваченных земель. Владения Али Раджи простираются от Осдронга до реки Дермапатан, что на границе Телличерри. Он является также сувереном Телличерри.

Али Раджа — мусульманин из секты Али. Бóльшая часть его подданных, как и он сам, маппелы. Много там и наиров. Любит он их не больше, чем они его. Все маппелы вооружены, но не знают дисциплины. По первому же приказу он может собрать 7—8 тысяч человек, вооруженных ружьями.

У голландцев в Кананоре был форт, считавшийся лучшим на Малабарском побережье. Когда Айдер-Али-Кам завоевал Малабар, голландцы продали свой форт Али Радже за 480 тысяч ливров и ушли из Кананора.

Этот маппела, которого ни один правитель Индии, кроме Айдер-Али-Кама, не признаёт королем, был, как и все из его касты, купцом. Он скопил большие богатства, да к тому же его предки оставили ему весьма значительную сумму и передали власть над одним из Мальдивских островов. (Он воюет на этом острове с жителями, не желающими признавать его за владыку и платить ему дань.)

После того как Айдер-Али-Кам наложил на англичан контрибуцию за вторжение в его страну, воспользовавшись тем, что маратты отвлекли в это время его внимание стычками в горах, этот человек, которого знали только как маппелу Али, предложил Набабу завоевать Малабар. Его целью было не только отомстить Саморину и Шерикелю, но и осуществить свои честолюбивые замыслы. Он был уверен, что Набав удовлетворит его желания.

Поскольку Айдер-Али-Кам вместе со своей победоносной армией, нанесшей поражение англичанам, был неподалеку, в Коемонтуре¹, ему надо было лишь спуститься в Малабар и захватить его. Через шесть недель военных действий все наиры от Каликута до Осдронга (за исключением короля Котиала, который благодаря местоположению своей страны смог избежать ига Набаба) подпали под его власть, а все правители, бежавшие при приближении армии Набаба, лишились своих владений. Айдер-Али-Кам передал власть своим ставленникам, в частности маппелу Али, ставшему наследником империи Коластри, во главе которой раньше был Шерикель, спасшийся у англичан в Телличерри.

Через некоторое время после этого переворота англичане предприняли попытку отобрать у Али все земли, завоеванные Айдер-Али-Камом, и вернуть трон Ше-

рикелю. Однако Али, который всего полгода назад был простым купцом, проявил себя героем, и англичане всюду потерпели поражение. Покрыв себя позором, они были вынуждены запереться в Телличерри, так и не сумев вернуть престол своему ставленнику.

Г-н Пико повел переговоры с Набабом и добился восстановления короля Картената, который тоже спасся бегством при приближении армии Айдера.

Кроме сухопутных сил у Али Раджи был еще небольшой флот, с помощью которого он тщетно стремился подавить восстание на Мальдивах. Флот этот состоит из 14 судов, вооруженных 60 пушками.

Эти суда ведут торговлю с Мокой, Маскатом и с восточным побережьем.

Али Раджа сам строит свои суда, и в его владениях есть необходимый для этого лес. Это умный, трудолюбивый, деятельный и очень честолюбивый человек. Он сам помогает во всех работах, заставляя и других делать многое. В июле 1771 г. я увидел его в Кананоре на верфи, где он наблюдал за строительством трех новых кораблей. Он сказал мне тогда, что так же любит французов, как ненавидит англичан. Али знает несколько языков, понимает по-английски и немного по-французски.

Его доходы совершенно не соответствуют тем расходам, которые требуются для проведения в жизнь намеченных планов. Он влез в долги в счет доходов на четыре года вперед, и, не будучи пророком, я не сомневаюсь, что он станет тираном для своих подданных на суше, флотом же воспользуется для пиратских действий. Али уже причинил немало горя некоторым членам своей касты, вовсе ему не подчиненным. В конце 1771 г. он женился на одной из своих племянниц и пригласил на свадьбу всех наиболее видных маппелов. В Кананоре было более 20 тысяч вооруженных солдат. Празднества длились неделю, и в течение всего этого времени всех кормили. Сухопутная и морская артиллерия, насчитывавшая более 120 пушек, трижды в день давала салют. После этого люди, от которых он не собирался ничего получить, были отпущены, от других же он потребовал разные суммы денег. Наш купец в Маэ дал ему 7 тысяч рупий. Полагают, что собранная Али Раджой таким образом дань принесла ему целый лакк рупий.

Во время празднества в Маэ и Телличерри удвоили стражу и патрули ходили круглые сутки. Это было необходимо из-за того, что маппелы справедливо заслужили репутацию поджигателей и убийц. Никому из них не разрешалось оставаться в колонии после захода солнца. Одержимые из этой касты часто обрезают себя на смерть во имя любви к своим вождям или другу и ради них идут на любую опасность. Например, здесь видели, как один человек со сломанной рукой заколол кинжалом того, кого поклялся убить. В Маэ так погибло несколько человек, прибывших сюда для убийства своих же после войны, которую г-н Луэ вел с канаратцами. Такие люди встречались в Маэ и в 1774 г. Их можно было узнать по блуждающему взгляду, кинжалу, который они носят без ножен, и по напоминающей саван одежде, накинутой на плечи.

Каста рашпутов², обитающих в Декане, отличается еще большей одержимостью. Известны примеры, когда рашпуты на сабле давали клятву не уступать какую-либо местность или форт, и никогда не случалось, чтобы давшего такую клятву брали в плен живым.

Насколько я знаю касту маппела, думаю, что Али Раджа неверно поступил с точки зрения политики, понудив некоторых видных лиц участвовать в его расходах. Те, кто заплатил затребованный взнос, сами дали бы ему вдвое больше, если бы вопрос стоял о его возвышении или о поддержании его нового высокого титула. Всем им льстило бы, что человек их касты стал королем. Ведь этот народ вечно скитался и был, как евреи, рассеян отдельными семьями.

С тех пор как Набаб сделал Али королем, все маппелы от мыса Коморин до Карвара объединились вокруг него. Даже будучи подданными королей Травангора, Саморина и других правителей-наипов, маппелы все равно считают Али своим королем. Если бы не подобный тиранический поступок, он мог бы вершить великие дела с помощью силы и денег всех маппелов (ненавидимых другими кастами и, в свою очередь, ненавидящих их). Прибавлю, что в случае смерти Айдер-Али-Кама Али смог бы овладеть побережьем Канары и Малабара.

Али Радже нет еще сорока лет. Айдер-Али-Каму шестьдесят. Естественно, Али должен пережить Набаба.

Если он будет поступать мудро, после смерти Айдера он сможет забрать часть его государства, воспользовавшись первым же переворотом.

На побережье находится 40 тысяч маппелов, вооруженных европейскими ружьями. Если иметь деньги, можно легко набрать и сипаев. К тому же есть и военачальники, которые предадут своих господ и, покидая их, уведут с собой часть армии.

Али Раджа сделал ошибку, взяв деньги с именитых особ своей касты, ибо все они — маленькие правители страны, в которой обитают. Это вызвало у них недовольство. Я знаю, что они скорее согласятся жить в республике, чем под властью человека, который, становясь могущественнее, будет еще больше их притеснять. Имею основание полагать, что маппелы согласны с тем, что Али занимает сейчас такое положение, но, если он захочет еще дальше распространить свою власть, они исподтишка будут препятствовать этому. Уверен также, что в случае смерти Набаба англичане будут искать способ, чтобы расчитаться с его союзником Али Раджой и отобрать снова Манголор; наиры же, очень недовольные маппелами, устроят страшную резню. Таких событий следует ожидать, в особенности если маппелов поддержит кто-нибудь из европейцев, что легко может произойти. Ведь в этом незащищенном краю маппелы очень опасны, и они захватили всю внутреннюю торговлю на Малабарском побережье.

Пока Али Раджа остается союзником Айдер-Али-Кама, на этом побережье англичане ничего не могут предпринять. Сверх того, они еще ежедневно создают себе новых врагов. Англичанам нужна целая армия. Форт Кананор можно взять только посредством регулярной осады. Для его обстрела потребуется эскадра. В форте же 50 пушек, мортиры, 800 солдат и необходимое продовольствие и снаряжение. Он отвлечет половину всех военных сил, имеющихся у англичан в этой части Индии, и не думаю, чтобы они были настолько неопытными, чтобы так ослабить себя: ведь они боятся Айдер-Али-Кама, который разбил их, европейцев, без всякой помощи. И это после того, как французские начальники допустили, чтобы англичане одержали над ними победу.

Состав военных во французской Компании таков, что офицер, который командовал фортом Сен-Жорж в Маэ,

продал из него пушки. В военной экспедиции офицеры должны подчиняться служащим Компании. Поэтому нечего особенно удивляться тому, что наши враги одерживают над нами победы. Я могу привести много фактов. Однако и без того вся Европа знает, что мы потеряли Индию, несмотря на благоприятные обстоятельства, на дружбу со стороны индийцев и доблесть, которую проявили бывшие там несколько честных людей.

ГЛАВА XI

О Маэ

Фактория, или торговое заведение, в Маэ, расположенном на Малабарском побережье, была основана г-ном ле Режаном. У нее всегда было много противников. И действительно, она приносила Компании так мало выгоды, что вызвала большое недовольство. Если бы Компания доверила защиту своих интересов способным людям, которые работали бы по-настоящему, и вместо г-на Луэ был бы тот, кто стоит во главе фактории сейчас (г-н Пико), Компания могла бы получать весьма значительные прибыли, поскольку, как известно, сюда ежегодно поставляют 5 тысяч канди перца (малабарское канди соответствует 560 фунтам, в очищенном виде остается всего 16 процентов), не говоря уже о кардамо-не. (Кардамон — зерно серого цвета, продолговатой формы. Оно служит во Франции объектом широкой торговли. Кардамон употребляют для ратафии¹, сиропов, ликеров, а также в разного рода аптекарских снадобьях.)

Известно также, что перец некогда стоил всего 50 рупий за канди, а теперь наиры продают его по 150 рупий. Однако снизить эту цену очень легко.

1. Маэ расположено на территории королевства Картената, и отведенная ему для торговли земля имеет границей реку, где можно было бы разместить сторожевые суда, которые препятствовали бы вывозу этого продукта, как это и делалось ранее. Тогда наирам придется продавать свой урожай перца нам и цены на него будут умеренными. Мы сможем снабжать Францию перцем лучшего качества, поскольку известно, что в этих краях, а также в королевстве Котиат (в 4 лье от Маэ в глубь страны) собирают лучшие сорта перца.

2. Совершенно естественно, что владелец извлекает пользу из своего имущества! Но у французов нет ни денег, ни твердого положения, ни кредита, ни кораблей

на этом побережье, и они не скупают урожай у населения. Англичане же, португальцы и голландцы купили его на два года вперед. Частные лица наперебой набавляют цену. Отсюда и рост цен.

Не требуется долгих раздумий, чтобы убедиться в том, что, когда мы хотим купить партию перца, мы всегда платим за нее дороже, чем чужестранцы, которым, неизвестно по какой причине, мы уступаем свои права, давая повод к насмешкам на наш счет.

Почему же мы платим за перец дороже, чем англичане в Телличерри? Потому что, не имея денег на оплату авансов под урожай и не рассчитывая на прибытие какого-нибудь корабля в Маэ, мы вынуждены покупать лишь тогда, когда судно уже стоит на рейде. А наиры, зная, что находящийся в Маэ корабль пришел специально за перцем, продают эту пряность по той цене, по какой захотят. Случается, что судно так и не может полностью загрузиться, потому что англичане заранее скупили весь урожай, и тогда вместо 700—800 канди, которые этот корабль мог бы принять на борт, нередко ему достается всего 200—300 канди, и ему приходится искать груз в других местах. Поэтому судовладельцы не заинтересованы в Маэ, и сейчас у этой фактории есть противники.

Надо, чтобы правительство авансировало факторию в Маэ, предоставив ей 100 тысяч экю, и чтобы судовладельцы за год предупреждали ее главу, сколько перца они возьмут на обратный путь. Тогда, я убежден, дела пойдут хорошо. 300 тысяч ливров послужат нерушимым фондом, принадлежащим государству, и эти деньги будут употреблены на авансирование урожая в том количестве, которое понадобится судовладельцам. Каждый корабль, пришедший за грузом, выплатит главе фактории сумму, взятую ею в долг из королевского фонда. Благодаря этому корабли, обеспеченные необходимыми грузами на обратный путь, с уверенностью будут приходить на Малабарское побережье, а торговля, начатая нами с Маскатом и Суратом, станет расширяться по мере того, как выяснится, какую выгоду мы сможем от этого получить. Таким образом, начнет развиваться торговля фактории в Суратте, Маэ и Каликуте; Маэ же приобретет большее значение.

Что бы там ни говорили, но политика, проводимая

на Малабарском побережье, вскоре будет оказывать влияние и на общую обстановку в Индии! Именно по этой причине необходимо сделать Маэ солидным и процветающим. Надо, чтобы эта политика, которая, повторяю, рано или поздно восторжествует, была поддержана кредитом, а если необходимо, то и силой.

В случае неожиданных событий упомянутые 100 тысяч экю послужат на пользу королю и будут израсходованы на военную кампанию, на строительство фортификаций или же на ремонт прежних укреплений, причем все это в зависимости от обстоятельств и сообразительности коменданта.

Выгода, которую можно извлечь из фактории в Маэ, явная. Канди перца стоит в этих краях 120 рупий, или 288 французских ливров (придет время, когда он будет стоить дешевле). Во Франции он продается не дешевле, чем по 26 су за фунт. Поскольку канди соответствует примерно 560 фунтам, то это дает чистую выручку в 728 ливров. За вычетом покупной цены в 288 ливров фактория получит доход в размере 440 ливров за канди перца, а на 5 тысяч канди прибыль составит 2200 тысяч ливров.

Могут возразить, что на содержание фактории необходимы затраты. Прикинем их по наивысшей расценке: для гарнизона фортов и крепости Маэ потребуется 460 белых пехотинцев, из них 100 пушкарей, плюс 1040 сипаев, топасов и прочих — всего 1500 человек, включая офицеров. Прибавим к этому человек 30 штаба, администрации и т. п. Тогда затраты на оплату всех этих лиц не превысят 500 тысяч ливров, и все равно прибыль будет составлять 700 тысяч ливров.

Деньги на снаряжение четырех судов, которые требуются в течение года, можно взять из прибылей, вырученных от продажи товаров, привезенных из Европы. Маэ является подходящим местом для выгодной продажи европейских товаров, а также для хранения и дальнейшего сбыта разнообразных грузов в таких местах, как Суратт, области Персидского залива, Маскат, Мока, Гоа и др. Поскольку в Маэ можно погрузить и другие товары на корабли, отправляющиеся в обратный путь, то привезенное на продажу можно выгрузить в находящиеся тут большие, хорошо построенные и надежные склады. Когда будут окончательно до-

строены новые склады, они станут украшением этой колонии. Расположены они на берегу реки и защищены фортами Маэ, Сен-Жорж и батареями, находящимися у устья реки.

Я говорю со знанием дела: фактория Маэ была обременительной лишь потому, что не были приняты меры для должного ее устройства, а также потому, что туда посылали всего один корабль в год, а порой и ни одного.

Поскольку расходы на колонию почти не увеличиваются при погрузке не одного, а четырех кораблей, то прибыль возрастет несравнимо. Непонимание этого было грубой ошибкой. В этом основная причина убытков Компании на этом побережье. Не менее важной причиной является и неспособность служащих защищать интересы Компании. (Когда в последней войне мы потеряли свои владения в Индии, Маэ был разрушен англичанами, которые не оставили там камня на камне. Они уничтожили все, что мы создали, и срезали все фруктовые деревья.)

Наш флаг был снова водружен лишь 19 октября 1765 г. Поскольку место это было почти заброшено, оно не внушает никакого доверия предприимчивым людям. Поэтому часто приходится терпеть унижения, которым нас подвергают наиры: они крадут жителей, когда те на четверть лье отдалаются отсюда, или же заставляют коменданта вернуться, если, прогуливаясь, он выйдет за границы колонии.

Составлена смета на восстановление укреплений, постройку цитадели и создание редутов и малых фортов на возвышенностях, окружающих Маэ. Расходы должны составить 50 тысяч экю, но, по моим расчетам, для того чтобы сделать это место надежным и удобным, требуется 300 тысяч ливров.

1. Надо построить церковь. Имеющаяся представляет собой разделенную перегородками ригу. Она слишком мала и не внушает того уважения, которое должно испытывать к месту, где собираются христиане на молитву Владыке Вселенной. На небольшие деньги можно воздвигнуть новые стены церкви там, где уже заложен фундамент.

2. Поскольку колония со всех сторон открыта, необходимо построить цитадель. В случае неожиданного на-

падения нет никакого убежища. Все ограждение состоит из бамбуковой изгороди. Недовольные наиры или злонамеренные маппелы могут поджечь колонию ночью и спокойно перерезать спящих жителей, оказавшихся в их власти.

3. Если невозможно создать вокруг Маэ укрепление в виде облицованного камнем рва, то надо хотя бы обнести факторию двойной бамбуковой изгородью. С северо-восточной стороны колония защищена рекой, но с юга и юго-востока она совершенно открыта. Именно с этой стороны проживают воинственные наиры, и нужны внушительные меры защиты.

4. Форт Сен-Жорж господствует над всей округой, защищая колонию. Однако на другом берегу реки, на очень высоком холме, стоит только земляной форт, находящийся в жалком состоянии. Его срочно надо перестроить, дабы он внушал уважение! Следует изменить его никуда не годную и со всех точек зрения неудобную конструкцию. Поблизости есть материалы для предлагаемого мною строительства.

5. Восстановить арсенал.

6. Отремонтировать телличеррский редут и содержать там не менее 24 солдат гарнизона под командой белого сержанта, а в случае необходимости и офицера.

7. Направлять время от времени в Маэ на поселение несколько французских семейств и особенно девушек. Нужно разрешать солдатам жениться, с тем чтобы увеличить население фактории. Ведь в момент, когда я пишу, в Маэ находится всего 140 французов, включая гарнизон и всех остальных, из них лишь 6 белых женщин.

Всего населения, как белого, так и черного, в этом владении 1800 человек, а раньше было более 6 тысяч. Это число можно увеличить и за счет предлагаемого мной переселения из Европы. Если Маэ станет надежным местом и там будет много канаратцев-христиан, то тивы² и люди других каст соберутся под наш флаг, чтобы оградить себя и свое имущество от притеснений деспотов.

Слесари, каретники, каменщики, столяры, плотники и другие найдут здесь средства существования. На несколько месяцев их надо снабдить пищей и жильем, а потом они сами будут зарабатывать. Женщины смогут

вязать и белить ткани и заниматься другими ремеслами. Цель всего этого — увеличение белого населения фактории. Для этого достаточно будет посылать сюда 4—5 семейств в год. В худшем случае, если мужчины не найдут себе хорошего места, они пойдут в солдаты. В этом нет ничего страшного.

8. Следует послать в Маэ более мощную, по сравнению с имеющейся, артиллерию, особенно для форта в Маэ, где рейд не защищен. Надо немного перестроить этот форт и оснастить его четырьмя пушками 48-го калибра, четырьмя — 36-го калибра и другими разных калибров. Всего следует послать сюда 24 пушки больших калибров с ядрами весом от 24 до 48 фунтов. Этого количества достаточно, чтобы расставить их на имеющихся укреплениях, пока будут построены новые. После семи месяцев моего пребывания в Маэ мне представляется, что сделать это необходимо.

Правительственное здание большое, удобное и хорошо построенное. Дом священника очень большой, и после правительственного здания это — самое красивое строение в Маэ. Он даже слишком велик для двух проживающих там священников, поэтому в случае необходимости его можно превратить в казарму.

Во все наши владения в Индии, и в частности в Маэ, надо назначить постоянных помощников глав факторий. Они должны иметь воинский чин и знать Индию. Когда военными комендантами в разных факториях становятся строевые офицеры, возникает много трудностей, связанных с изучением проводящейся политики. За тысячу луидоров в год, выделенных правительством на жалованье четырем специально отобранным помощникам, можно иметь людей, которые не только будут политическими деятелями и изучать языки страны, но и смогут послужить нашему государству как в военных делах, так и в управлении. Таким образом, правительство будет иметь во всех своих владениях людей, способных управлять в отсутствие главы фактории или в случае его смерти.

Для того чтобы мой проект принес пользу, необходимо иметь сейчас в Индии военную администрацию. Кто будет руководить Шандернагором³, если вдруг умрет г-н Шевалье⁴? Конечно, на его место поставят коменданта из дюжины имеющих там инвалидов. Но

разве это достойный руководитель для столь важного для нас пункта?!

Если бы в Маэ у главы фактории был помощник, ему не надо было бы уезжать, чтобы командовать военной операцией в Каликуте (порученной г-ну Де Меде, молодому офицеру пондишерийского полка, храброму человеку, отличающемуся примерным поведением, но не имеющему военного опыта). В таком случае руководить военными действиями можно было бы послать помощника губернатора, и тогда колония не оказалась бы без главного начальника. Существует правило, от которого никогда не следует отступать: нельзя покидать вверенный тебе пост. Глава Маэ может оставлять свой пост только по приказу вышестоящего руководителя или же вследствие капитуляции. Для похода в Каликут требовался умный и рассудительный военачальник. Если бы у графа Дюпра⁵ был верный помощник, он послал бы его в Каликут командовать военной операцией.

Я не стану приводить другие примеры, чтобы доказать, что в Маэ, Пондишери, Шандернагоре и Карикале⁶ необходимо иметь помощников руководителей факторий. Это совершенно ясно. Добавлю, что для Маэ этот вопрос требует срочного решения. У г-на Пико только одна нога, и ему тем более необходима еще одна правая рука.

ГЛАВА XII

О наирах

Наиры считают себя самыми знатными людьми в мире. Поэтому они очень горды, надменны и презируют всех других людей, когда в них не нуждаются.

Объяснить слово «каста» лучше всего, соотнеся его с понятием «дань», «должное». Люди объединены только внутри своей касты и обычно занимают одинаковое положение.

Наиры вообще, как правило, ничего не делают. Только женщины с помощью мужчин из более низкой касты возделывают землю, ухаживают за плодовыми деревьями, заботятся об урожае и скоте, занимаются домашним хозяйством. В это время мужчины, вооруженные ружьями, саблями, щитами и копьями, обходят округу.

Ходят они голые, если не считать куска доходящей до колен ткани вокруг бедер. Право носить два куса ткани имеют только короли, правители и вожди страны. Этот второй кусок ткани — свидетельство почета. На руках у них золотые запястья. Некоторые носят бороду. Почти все знатные люди страны отращивают длинные ногти на левой руке. Я видел таких, у которых длина ногтей достигала 18 линий¹. Они следят за их чистотой, и создается впечатление, будто бы на пальцы надет наконечник из слоновой кости. Это доказывает, что они свободны от работы.

Усов они не носят. Как и у европейцев, волосы у них густые, но они бреют их так, что на макушке остается лишь один клочок. Они завязывают его узлом, и он спадает на лоб. Кожа у них красновато-черная, равномерной окраски. Обычно это статные люди. Они хорошо стреляют из ружья и бывают прекрасными охотниками.

Когда наиры воюют, они всегда избегают сражений в открытом поле. Страна изобилует горами, реками, лесами. Наиры устраивают засаду и стреляют из ружья, спрятавшись за скалу, дерево или еще за что-нибудь.

На голове они носят сомбреро (вид зонтика из листьев), защищающее от солнца и дождя. Этот зонтик они носят как шляпу, закрепляя ее шнурком на полях, чтобы ветер не мог сорвать ее с головы.

Женщины носят такой же головной убор, как и мужчины, и ходят обнаженными до талии и с середины ляжки до ступни. Вокруг талии просто обмотан кусок ткани, и, так же как мужчины, они ходят босыми.

Дети обоих полов — совсем голые лет до 7—8, когда их женят или отдают замуж. Часто девушки перестают ими быть до того, как им исполнится 10 лет.

Правителей страны всегда сопровождают воины, число которых зависит от касты, престижа и могущества вождя. Почти всегда они передвигаются пешком.

Король Котиаты утверждает, что главным правителем его страны является бог, а он всего лишь его заместитель. Поэтому, когда он прибыл в Маэ, он ни на минуту не хотел расстаться с оружием, объясняя это тем, что должен саблей защищать врученное ему богом королевство и не может снять оружие из боязни несчастья.

Король Картенаты менее щепетилен. Когда он прибывает в Маэ, он остается там на несколько дней и снимает с себя оружие. Он очень любит европейские вина и ликеры, и каждый визит не оставляет ни малейшего сомнения в постоянстве его вкусов, так как обычно его приходится выносить. Этот правитель весьма талантлив, но очень распутен. Он искусен во многом: разбирается в зодчестве, неплохо точит и умеет ковать. Он не так могуществен, как его предшественники, которые выставили против г-на Лабурдонне 18 тысяч солдат, вооруженных ружьями. Я видел главного противника этого доблестного гражданина. По правде говоря, он вовсе не заслужил такой чести: сейчас он министр и повар короля.

В этой стране чаще, чем в других, правителям подсыпают отраву. Среди своих придворных они выбирают для приготовления пищи того, кому больше доверяют. Он должен есть вместе с правителем и пробовать до него все приготовленные кушанья. Впрочем, согласно их религии каждый должен готовить себе пищу сам. Язычник не станет есть блюдо, приготовленное человеком иной религии или касты. Однако недостойно монар-

ха ежедневно самому тушить овощи. Отсюда, я думаю, и произошел обычай, согласно которому правители наиров делают поваром своего военачальника.

Сейчас, когда я пишу эти строки, Картената с трудом может послать на войну 6 тысяч наиров, и то при условии, что все военачальники согласятся выставить свои отряды, так как в Картенате, как и в империи, имеются свои вассалы. Правда, земли вассалов Картенаты и самого королевства настолько малы, что, взятых вместе, их можно сравнить со Льежским княжеством.

Наиры — очень храбрые воины в пехотном бою, однако 100 всадников могут обратить в бегство их войско в 3 тысячи солдат. В этой стране лошадей нет вообще вследствие отсутствия фуража и самого расположения страны. Лошади там не нужны ни для защиты, ни для торговли. Именно поэтому, как мне кажется, наиры испытывают такой ужас перед всадниками. В 1766 г. Айдер-Али-Кам смог по этой причине покорить менее чем за шесть недель территорию 60 на 25 лье. Только благодаря расположению своей страны правитель Котиаты сумел избежать тирании Набаба.

Королевство его окружено водой. Непроступные горы и чрезвычайно густые леса с тропинками не шире 3 пье служат ему надежной защитой.

Наиры, несомненно, самые образованные люди в Индостане. Они хорошо знают астрономию, изучают затмения, наступление которых объявляют заранее с такой же точностью, как наши лучшие астрономы. Счет у них основан на верном принципе. В году у них 365 или 366 дней. Расчет ведется по солнечному циклу.

Если, к несчастью для наира, у его жены нежное сердце и будет доказано, что она изменила мужу, его исключат из касты, он утратит занимаемый пост и станет объектом всеобщего презрения^а. В таком же положении он окажется, если обнаружат, что он близок с женщиной или девушкой из более низкой касты, чем та, к которой он принадлежит. В обоих случаях неверность влечет за собой развод.

^а Хотя данное замечание расходится с тем, что утверждает автор «Назидательных писем», сборник 8, с. 188², тем не менее оно верно. Мое почти восьмимесячное пребывание в Маэ и собранные там сведения служат подтверждением этому³.

В этой стране трон наследуют по женской линии. Это означает, что если, например, у короля Картенаты есть сыновья и сестра, которая, скажем, замужем за королем Котиаты, то дети, родившиеся у нее, взойдут на трон Картенаты, отстранив от власти сыновей короля Картенаты. По этой причине супруга правителя должна явиться рожать в то государство, где ее дети станут наследниками. Там ее дети и остаются. Таким образом, наследуют всегда племянники по женской линии. И хотя один современный автор утверждает противное, тем не менее правильно то, что я утверждаю. Если бы этот автор побывал здесь, он увидел бы то же, что и я. Два десятка примеров подтверждают это. А то, что он это опровергает, так же неверно, как и описание готтентотов (Вольтер).

Когда король Картенаты прибывает в Маэ к французам, его всегда сопровождают человек 700—800. По дипломатическому обычаю, его встречают двумя залпами из 21 пушки, водружают знамя, а навстречу ему посылают отряд белых под командой офицера. Эти визиты всегда корыстны и очень разорительны для Франции, так как каждому из его свиты надо давать по 6 су в день на протяжении всего времени пребывания короля в колонии, не считая подарков деньгами или тканями, которые преподносятся ему и главным его сановникам. По этой причине под разными благовидными предложениями королю нередко отказывают в разрешении прибыть в Маэ.

С ним поддерживают повседневно переписку. В колонии установлена таможенная пошлина в его пользу. Прежняя Компания до сих пор не вернула ему одолженные им 80 тысяч рупий^а. Ему выплачивают за них 10 процентов. Будучи необычайно корыстолюбивым, король без смущения принимает от любого из своих подданных дар или подарок стоимостью 30—40 су.

Его доход не превышает 360 тысяч ливров в год. Однако у него есть довольно много сокровищ, которые ему сохранила Франция, когда Набаб завоевал Малабар.

Король Картенаты перевез их в Маэ, а сам удалился

^а Ко времени, когда эти записки были написаны, то есть в 1775 г., эта сумма была выплачена.

в горы, чтобы не попасть под иго тирана. Набаб послал в Маэ для их реквизиции конный отряд в 600 человек, но он потерпел поражение. После ухода войска Айдер-Али-Кама г-н Пико вступил с ним в переговоры о возвращении на трон короля Картенаты. Согласие было получено, а сокровища спасены.

В основе верований большинства религиозных сект страны лежит язычество, источником которого служит идолопоклонство. Своим идолам они придают разные образы и наделяют их разными именами. Большая часть представляется в виде быков, другие — в виде змей; бывает, что у идола человеческое тело с головой слона, а есть и в образе женщин. У иных же просто непонятный облик. У всех идолов есть триумфальные деревянные колесницы с большим или меньшим количеством украшений. На некоторых я видел прекрасно сделанные скульптуры с изображением сцен самого непристойного и грязного распутства. Там есть фанатики, которые бросаются под колесницу, чтобы быть раздавленными в день, когда вывозят идола, которому они поклоняются. Эти люди убеждены, что такая смерть объединит их с божеством и они разделят с ним его славу.

Разделение различных каст на Малабарском побережье

Касты перенумерованы согласно своему рангу. Они никогда не объединяются. Например, члены высшей касты шетрия⁴ не имеют никаких связей с кастой ламбури⁵; то же самое и в отношении других. Я уже рассказывал о том, что происходит при связях между мужчинами и женщинами разных каст; противоположные же примеры редки.

1. Шетрия. Это патриархи согласно языческим законам.

2. Ламбури — высшие священнослужители.

3. Брамины — священники и знатоки закона.

4. Наиры — военные. По их представлениям, они главные правители и самые знатные люди в мире.

5. Маппелы — торговцы, мавры-раскольники⁶.

6. Тивы. Они делятся на тех, кто носит оружие, и на невооруженных. Тивы отличаются верностью в службе.

7. Парравайи⁷. У этой касты вооружение состоит только из копья и сабли.

Все упомянутые выше касты носят огнестрельное оружие.

8. Бельтуа — лавочники и работники.

9. Макуа⁸ — рыбаки и матросы.

10. Малеассы⁹ — поденщики.

11. Пуйа¹⁰. Эти несчастные поистине являются рабами всех остальных каст. Они никогда не могут отказаться от того, что от них требуют. Их жилища закрыты только с одной стороны; когда они отправляются куда-нибудь, то должны громко извещать о своей касте. Если, по несчастью, они прикоснутся к наиру, их тотчас же убивают. Поэтому им всегда приходится избегать более людных дорог. Некогда это была самая могущественная каста в Индостане.

У каждой из каст свой вождь и управитель. Вожди окружены почетом, который соответствует их сану; последний человек первой касты имеет такую же власть над первым лицом из второй касты, какую над ним самим имеет король. Поэтому те касты, которые имеют право носить оружие, угнетают тех, кто этого права не имеет. Так, наиры живут главным образом за счет той дани, которую они взимают с частных лиц, принадлежащих к низшим кастам. А если те вздумают открыто сопротивляться, их сурово наказывают. Подобная тирания вызывает междоусобицы среди вождей разных каст. В этих случаях император или король всегда вмешивается, и тот, кто поднесет лучший подарок, превращает другого в неправого. Его Черное Величество посылает тогда против последнего своих слонов, которые разрушают дома, поедают финики и наносят много другого ущерба, а в это время наемники срубают кокосовые пальмы.

Наиры торгуют перцем, кардамоном, сандаловым, тиковым и другими сортами дерева, пригодными для столярных работ. Перец и сандаловое дерево являются основными товарами в этом краю. Китайцы — очень крупные потребители сандала: они употребляют его на похоронах родителей¹¹ и для разного рода поделок. Они закупают также много перца для своих торговых домов, вследствие чего сильно возрастает вывоз этого продукта.

Англичане и голландцы доверху загружают перцем трюмы своих кораблей, а мы услужливо покупаем его у них втридорога, в то время как именно нам следовало бы продавать его им, поскольку Маэ и Каликут — это те места, где самый лучший перец и где его много. Каликут расположен в 6 лье от Маэ и находится на 12° с. ш. У нас там фактория, во главе которой стоит один метис^а, но, с тех пор как был заключен мир, мы не ведем там никакой торговли. Там всего лишь удобные склады на всякий случай. Каликут был когда-то самым процветающим городом Индии. Именно в его порту высадились португальцы, когда впервые приплыли в Индию. Сейчас этот город разорен. Из него вывозят перец, кардамон, крупную корицу и малабарский шафран. Ввозят же сахар, селитру, опиум и рис из Бенгалии.

Саморин, вынужденный покинуть свои владения, происходит из касты шетрия. Он очень миролюбив, набожен и суеверен. Всем управляют его министры. Могущество Саморина весьма ослабло после 1766 г., и оно никогда не будет восстановлено из-за последнего удара, нанесенного ему Айдер-Али-Камом. Король Траванкура, к которому Саморин бежал, не в силах заставить Набаба вернуть ему владения, которые Саморин в прошлом году преподнес Франции¹².

^а В настоящее время (1775) — г-н Дондан, ранее капитан порта Маэ.

ГЛАВА XIII

Наше мнение об Айдер-Али-Каме и как оно влияет на наши дела в Индии

Только какой-нибудь необыкновенный подвиг может поправить наши дела в Индии и расстроить их у англичан. Мы должны подготовиться к этому, предусмотрев все. А пока что будем добиваться, чтобы нас уважали в тех местах Индии, где мы еще остаемся. Мы должны быть хозяевами на территории, которую нам уступили.

Не должно быть никаких препятствий для установления отношений с теми индийскими правителями, которые к нам благоволят. Такие есть на Малабаре, например император Шерикель, хотя в настоящий момент он ничего не может предпринимать самостоятельно. Унизительное положение короля вызовет симпатии у наиров к любой державе, которая захочет восстановить его власть.

Когда потребуется, маратты поддержат наши устремления, хотя бы для того, чтобы отомстить Махамет-Али-Каму за потерю Танжура¹. К нам присоединятся Сусаб-Доулаб^{а2} в Бенгалии, Набаб Камбея, Субаб Декана и Али Раджа со всеми маппелами, а наряду с ними и Айдер-Али-Кам, которым мы слишком пренебрегали, чего он вовсе не заслужил. Это отношение к нему мы заимствовали от кучки авантюристов или других людей, которые в большинстве случаев никогда его даже не видели, а если и встречались с ним, то только ради своих личных выгод, и эти суждения показывают их ограниченность.

Убежден, что Франции не за что на него жаловаться, и у меня много доказательств того, что, наоборот, у Айдера были основания иначе относиться к нам из-за низкого и гнусного поведения и недобросовестности некоторых французов по отношению к нему. Удивляюсь, что

^а Недавно он был убит женой побежденного им правителя³.

у него еще сохранилось доверие к нам! Один из французских авантюристов, выдав себя за посла губернатора Иль-де-Франса, обманывал Айдера несколько месяцев, а потом уехал, взяв у него много денег⁴.

Другой получил у Айдера деньги на покупку 500 ружей хорошего качества. Деньги он присвоил себе, а два года спустя он выдал ему из арсенала в Маэ негодные ружья, не стоящие и одного экю за штуку. Набаб же заплатил по 36 ливров за каждое. Когда я был в Маэ, Набаб поручил мне отобрать из них лучшие. Из большого количества я выбрал всего 200 штук, которые можно было отремонтировать.

Еще один авантюрист дезертировал в трудный для Набаба момент с отрядом из 275 белых⁵. Другой во время битвы перешел к англичанам с отрядом из 150 белых и стал сражаться против Набаба, хотя тот заплатил этому отряду жалованье за месяц вперед.

Недавно другой француз вступил в войну против него, но Айдер-Али-Кам не взял в отместку Маэ⁶. Напротив, он учтиво предложил командиру французского вспомогательного отряда в Каликуте отступить в Маэ. Набаб был настолько дипломатичен, что направил жалобу г-ну Ло на виновника этого нарушения. Г-н Ло в ответ на это отослал упомянутого командира в Европу и т. д.

Во время осады Пондишери Монктусейп, шурин Айдер-Али-Кама, во главе 1500 всадников сумел снабдить продовольствием город и предложил губернатору напасть на англичан. Однако губернатор предпочел устроить бал вместо того, чтобы принять предложение Монктусейпа, и т. д. А ведь разумные политики пренебрегают лишь тем, что заслуживает этого. Наблюдая все это, я утверждаю, что ни в коем случае не следует пренебрегать Айдер-Али-Камом. Из всех правителей Индии он больше всего заинтересован в союзе с нами. От него Франция может ожидать наибольшей помощи, если мы захотим попытаться восстановить свое влияние в этой части мира и доказать ему, что мы можем быть добросовестными союзниками.

Принимая такое решение, наше государство должно учесть все: положение страны Айдер-Али-Кама, его воинские силы, ресурсы, репутацию, которой он пользуется, его симпатию к нам, а также стремление быть в союзе с нами.

Набаб всегда останется врагом англичан, и я не устану повторять, что он заинтересован быть нашим добросовестным союзником! Он предлагает почти даром отдать нам порт Карвар, а это — главное условие для укрепления нашей торговли. Последнее соглашение по Индии⁷ не должно этому помешать, поскольку лишь обстоятельства принудили нас подчиниться более сильному.

Упомянутые выше правители являются противниками господства англичан. Поэтому они присоединятся к нашему знамени, а этого-то мудрое правительство должно сразу добиваться. Вообще сомневаюсь, чтобы англичане были сильны всюду, и, если мы нанесем им могучий удар, победа будет обеспечена.

Одно из двух: или сохранять те владения, которые у нас есть сейчас, или же отказаться от них. Если мы хотим сохранить репутацию, нам совершенно необходимо послать в Индию достаточно сил, чтобы обуздать наглость тех людей, которые окружают наши владения и оскорбляют нас чуть ли не у самого порога. Поэтому особенно необходимо, чтобы наша администрация в Индии была военной.

Если же, напротив, мы хотим ограничиться лишь небольшой торговлей, все равно надо, чтобы те, кому поручено составлять счета, были ограждены от намеренно причиняемого зла и чтобы какой-нибудь наглец не залил чернилами указанный счет, не подрезал фал или не подсек древко с нашим флагом, который означает, что Франция имеет право торговать, и т. п. А это, в свою очередь, случалось.

Все эти мелкие неприятности, которые нам причиняют и о которых местные жители знают больше, чем мы думаем, влияют на степень уважения к нам индийцев. В свою очередь, это оказывает влияние на размеры предоставляемого нам кредита и нашу торговлю внутри страны. Есть места, где жители так глубоко убеждены в нашей слабости, что я видел, как один из них оскорблял человек сорок белых и чернокожих и они не посмели ни наказать, ни тут же обуздать его, хотя это и следовало сделать, но дело в том, что он прицелился в нас из ружья, и мы вынуждены были тут же ретироваться. Этот человек из касты найров утверждал, что мы не имеем права гулять за пределами нашего владения.

Г-н Пико запретил мне насильственные действия против наира, у которого я уже отнял ружье. Если бы в нашем распоряжении было достаточно сил, мы не оказались бы в столь унижительном положении.

Крайне необходимо также подобрать и поставить во главе наших владений в Индии людей бескорыстных, не преследующих собственных выгод, способных добиваться общего, а не личного блага, талантливых и деятельных, знающих страну, в которой работают.

В Пондишери, как мне кажется, нужен решительный, знающий и внушающий к себе почтение человек, способный заставить уважать Францию. Для этого ему необходимы соответствующие средства, т. е. воинские силы и деньги.

В Бенгалию нужно послать человека тонкого, гибкого, ловкого, осмотрительного, некорыстолюбивого — словом, человека, способного своим дипломатичным поведением поколебать высокомерие англичан в этой части Индии, предупреждать события и использовать любые обстоятельства. Но ему тоже надо дать средства. Имеющаяся же дюжина инвалидов для этого не пригодна.

Для Малабара нужен мудрый, пользующийся уважением руководитель, который разбирался бы в политике правителей этого побережья. Он непременно должен быть военным, поскольку кругом народы, привычные носить оружие, предприимчивые, гордые и умные, которых следует остерегаться, а также иметь средства для решительной защиты от них.

Суратт и Карикаль — это пункты, куда должны быть назначены ставленники французов по выбору руководителей наших владений на этих побережьях. Суратт должен обязательно поддерживать торговлю с Маэ, а Карикаль — с Пондишери. Во главе фактории в Суратте стоит г-н Анкетиль де Брианкур, а во главе Карикаля — г-н де Буастель.

Лишь по имени я знаю руководителей разных пунктов, занимаемых нами в Индии. Я говорю только о том, о чем считаю нужным, и ни в какой степени не подвергаю критике тех лиц, которые находятся на этих постах. Поскольку я никогда не жил с ними и не был в факториях, которыми они управляют, я не могу судить об их способностях. Доверяя защиту своих интересов, государство само должно подбирать людей, которым это

поручено, и я могу только пожелать, чтобы этот выбор был правильным.

Исключение составляет г-н Пико, возглавляющий французские владения на Малабарском побережье. Хотя он и не военный, в Маэ он вполне на месте. Однако это исключение ничуть не противоречит моему мнению о том, кто должен будет при соответствующих обстоятельствах занять его место.

Г-н Пико живет в Маэ уже 25 лет. Он последовательно занимал все торговые должности. Он заслуженно пользуется доверием у местного населения! Он великолепно разбирается в политике всех правителей Малабарского побережья, и его опытность в сочетании с другими прекрасными качествами свидетельствует, что его надо оставить в Маэ на то время, пока в существующей административной системе нет надлежащего порядка, а когда он будет отозван, ему надо дать соответствующее его трудам вознаграждение.

Просто чудо, что он сумел сохранить факторию без какой-либо ощутимой помощи. Этому способствовали его влияние, репутация и деятельность. Я усомнился бы в возможности этого, если бы не видел своими глазами. Надо отдать ему должное: его честность, рассудительность и все, что он сделал в этой колонии, заслуживают моего признания и восхищения как патриота.

В настоящее время Айдер-Али-Кам и Великие маратты⁸ объединились. Брат Махамет-Али-Кама перешел в лагерь Набаба с 14 тысячами всадников. Маратты хотят отомстить за захват Танжурского королевства. Несколько других индийских правителей придерживаются тех же взглядов. Объединение мараттских сил с Айдер-Али-Камом является благоприятнейшим обстоятельством для улучшения наших дел в Индии. Уверен, что Франции будет сделан ряд предложений. Это доказывает поведение Айдер-Али-Кама в Каликуте. Дай бог, чтобы эти предложения были приняты. Это единственный остающийся у нас шанс. Ведь если индийцам удастся собственными силами и без нашей помощи нанести удар англичанам, то положение французов в Индии будет хуже, чем когда-либо.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Часть II

и последняя

Для нас не существует иной
заботы, кроме стремления при-
умножать славу нашего Оте-
чества, приносить ему счастье
и процветание

ГЛАВА I

*О других европейских владениях в Индии от
Персидского залива до мыса Коморин*

Португальские владения

Португальцы — первые европейцы, обосновавшиеся в Индии. Они издавна господствовали там и вели торговлю, приносившую значительные прибыли. Нередко голландцы перехватывали эту торговлю и зачастую вытесняли их. Сейчас португальцам остались лишь воспоминания об их былом могуществе да несколько владений, день ото дня становящихся все более обременительными.

В Бассоре, на севере Персидского залива, у них сосредоточена часть торговли. Участие португальцев там невелико по сравнению с другими нациями, но все же время от времени они посылают туда несколько торговых судов. Там у них есть фактория.

На пути от Бассоры к Гоа расположен мыс Диу, где есть португальское поселение и значительный гарнизон.

За Диу следует Даман, где, как и на мысе Сен-Жан¹, у португальцев есть фактория.

В глубине Камбейского залива, в провинции Гузарат², находится город Суратт. Он расположен на реке Тапти, в устье которой свободно заходят суда. Там они укрываются от всех ветров, кроме юго-восточного, из-за которого они покидают рейд. Торговля там очень ожив-

ленная, но из-за препятствий и неприятностей, чинимых мараттами, португальцы в ней почти не участвуют.

Гоа является центром португальских владений в Индии, и безусловно это — самое лучшее место, которым когда-либо владела европейская нация. К этому острову примыкает обширная легко охраняемая территория, весьма удобный порт и река, которая тоже служит стоянкой для фрегатов и судов среднего размера. Это поселение стоило португальцам огромных средств, так как они построили там форты и много зданий. Еще и поныне португальцы содержат там 2600 солдат европейских регулярных войск, включая кавалерию, пехоту, и более 4000 монахов, которых они оплачивают, как солдат. Монахи вооружены мушкетами и при появлении врага обязаны подняться на крепостную стену. Прежде Гоа было резиденцией вице-короля, но вот уже несколько лет, как там пребывает только генерал-губернатор.

Сейчас в Гоа торговля больше не ведется. Поэтому город кажется заброшенным. Гавань удобна для кораблей, поскольку там много весьма дешевого продовольствия. Но там следует остерегаться трех вещей: оказаться обманутым, заколотым кинжалом и заразиться кожными болезнями. Здесь удивительно красиво и недорого делают золотые и серебряные украшения.

Все укрепления разваливаются. Форт Агвада не выдержал бы и 4 часов под обстрелом 84-пушечного корабля.

Форт «Три Волхва», защищающий часть реки, — в несколько лучшем состоянии. Однако если падет форт Агвада, он долго не продержится. Этот порт легко захватить в сабельном бою с тыла при одновременном обстреле с моря. Справа от обоих фортов имеются еще три, но они грозны только с виду! Солдаты там плохие, способных офицеров нет. Все они плохо оплачиваются, задавлены нищетой и ослаблены болезнями. Таковы, в общем, препятствия, которые придется преодолевать тем, кто захочет стать хозяином Гоа. Город очень большой. Он расположен более чем в одном лье от фортов. Его защищает только река, омывающая плохо построенные стены, на которых находятся башни на определенном расстоянии друг от друга. На стенах расставлено несколько дюжин пушек.

В городе множество мужских и женских монастырей,

для обитателей которых свобода была бы столь же привлекательной приманкой, как само поселение — для любой европейской нации, желающей прочно укрепиться в Индии.

Население состоит из канаратцев-христиан, которым португальцы так же безразличны, как и все остальные.

Нужно немного денежных средств, немного доброты и решительности, и месяцев через пять на 1800 лье вдоль побережья португальцам уже негде будет водрузить свой флаг.

В 7 лье от Гоа португальцам принадлежит мыс Рамас, который они снова отобрали у Айдер-Али-Кама. Там у них есть довольно скверный форт и гарнизон.

На пути от Манголора в Канегоне находится португальский опорный пункт с гарнизоном, насчитывающим около 50 солдат. Далее идут Ангедивские острова, тоже принадлежащие португальцам. Их жители едва могут прокормить себя, и единственным их занятием является вязание хлопчатобумажных чулок³, которые они привозят в Гоа для продажи матросам заходящих туда судов.

В Манголоре, во владениях Айдер-Али-Кама, у португальцев есть фактория, во главе которой стоит фактор. Здесь они приобретают рис и другие продукты для пополнения запасов продовольствия. Фактор является судьей всей христианской общины. Это — самое важное право на всем Индийском полуострове, остающееся за португальцами.

Примерно в 46 лье от Манголора расположен Каликут. У португальцев там резидент. А от Каликута до мыса Коморин более чем на 100 лье вдоль побережья у них не осталось ничего, кроме воспоминаний о былых владениях, которые ныне занимают голландцы.

Видимо, все помыслы португальцы отдают теперь своим американским владениям. Вопреки прежнему положению они делают область Рио Женере⁴ постепенно все более неприступной. Они даже не хотят, чтобы к берегу приставали корабли других наций, и в 1770—1771 гг. обстреляли наши корабли, зашедшие туда.

Владения в Мозамбике приносят португальцам значительную выгоду: отсюда они вывозят негров в свои американские колонии и в Индию, и это приносит большой доход. Хотя португальцы не очень любят, чтобы

заходили в их порты, все же под благовидным предложением кораблям удастся там пришвартоваться и вывезти на Иль-де-Франс кафров, ценящихся гораздо выше негров, которых нам приходится вывозить с Мадагаскара.

Голландские владения

В Индии у голландцев лишь несколько небольших владений, расположенных в основном в известной нам части страны — от Бассоры до мыса Коморин.

Голландцы ведут весьма оживленную торговлю в Бассоре, где у них фактория, так же как в Бендер-Абаси и в Суратте.

От Камбейского пролива до Кочина⁵ на протяжении почти 200 лье вдоль побережья голландских владений нет, если не считать небольшой фактории в Кранганоре⁶. Однако Кочин, видимо, окупает ранее принадлежавшие им владения, которые они вынужденно или добровольно оставили.

Они владеют рекой Кочин⁷, по которой более чем на 200 лье в любое время года ходят суда измещением 200—250 тонн.

Город Кочин построен со свойственной голландцам опрятностью. Форт воздвигнут неудачно, но он достаточно прочен, чтобы оказать сопротивление чернокожим (я имею в виду короля Траванкора, находящегося по соседству). Поблизости есть тиковые леса, пригодные для строительства. Сюда приходят корабли, оставляя голландцам немалые деньги. Кроме того, голландцы здесь приобретают перец, сандаловое дерево и раки. Кочин является также довольно крупным рынком для индийских товаров. По реке сюда привозят из глубинных районов всевозможные хлопчатобумажные ткани, которые голландцы продают на чужие суда. В Кочине много евреев; они создают удобства находящимся здесь иностранцам. Жаль, что при наличии такой прекрасной реки в Кочине нет порта.

В устье реки скалистая отмель, из-за чего даже при морском приливе 60-тонные корабли с грузом не могут в нее войти. На реке строят небольшие суда, которые ходят в глубь страны. Стоянка на рейде так далека от

берега, что, когда на море буря, связь кораблей с берегом становится весьма затруднительной.

В Кочине есть губернатор, Совет и гарнизон человек в триста, которым положено квартировать в городе. Губернатор Кочина не является военным (как это принято во всех европейских владениях в Индии). Но тем не менее губернатор Монс (десять раз он повторил мне в течение получасовой беседы, что раньше был мелким писарем в Негапатаме⁸ и Мазулипатнаме⁹) вызывает к себе тех военных или гражданских лиц, которыми недоволен, и тогда наказывает их, угощая палкой, сколько считает нужным.

В Индии у этой нации все подчинено правилам этикета. Военный высшего ранга полностью подчинен гражданскому лицу. Степень допустимой роскоши регулируется в зависимости от положения; приказчик, например, не имеет права носить зонт, как это делает купец. Генерал¹⁰ в Батавии ест всегда один. Все повозки должны останавливаться, чтобы пропустить карету еддлера¹¹ (или советника, который, возможно, десять лет назад сам ездил на запятках).

Губернатор Цейлона получает все только через третьих лиц, и люди разного положения могут к нему приблизиться лишь на определенное расстояние. Несмотря на всю эту кичливую пышность, которой они наслаждаются в течение своей жизни, а также на богатства, которые они накапливают, редко бывает, чтобы они умирали не от отравления.

У голландцев много больших кораблей, предназначенных для торговли индийскими товарами. Плавают они в основном в Бенгалию, на Коромандельское побережье, на Цейлон, в Китай, Японию, Пеку¹² и т. д. Их торговля значительно оживленнее, чем у любой другой нации. В мореплавании они очень медлительны и в своих владениях ведут себя весьма осторожно. Для моряков существуют правила, отступать от которых они не могут. Например, установлены маршруты следования для определенных широт, стоянки судов, их парусность при некоторых переходах. Если капитан не будет следовать этим предписаниям, он получит внушение, а иногда за это его могут уволить. Если же по его вине корабль затонет, его подвергают, как правило, казни. Генеральные штаты¹³ предоставляют губернатору Ба-

тавии всю полноту власти. Ему подчинены все заморские голландские владения. Он может объявлять войну, заключать мир и т. п. Не удивительно поэтому, что человек, обладающий такой властью, погибает от яда.

Далее за Кочином, в Каликулане¹⁴, имеется фактория, охраняемая несколькими солдатами.

Еще дальше — Коислан¹⁵, который содержат в хорошем состоянии. Там великолепная фактория, а также форт, который внушает уважение калерам, в стране которых эта фактория расположена. (Калеры — это разбойники Индии. Все, что попадает в их страну без специального разрешения, бывает дочиста разграблено, а затем выставлено на побережье.) Коислан — последнее голландское владение на западном побережье.

Английские владения

Самым отдаленным английским торговым пунктом в той части страны, которую я посетил, является Бассора, где есть фактория. Там, как и в других местах, дела у англичан идут хорошо.

От Бассоры по побережью Персидского залива в Гоммероне, или Бендер-Абасси, у них есть еще одна фактория. Англичане ежегодно ее расширяют. Расположена она на том же месте, где находилась другая, которую разрушил граф д'Эстен. Англичане держат там гарнизон из белых и чернокожих солдат.

Они — хозяева Суратта. Местный Набаб весьма им предан. В главном форте у них есть гарнизон. Торговля там целиком в их руках. Шведы и французы имеют несомненные доказательства этого. Весь северный берег Камбейского залива — под английским флагом. Однако у них бывают стычки то с Набабом Камбея, то с кастами мараттов и патаннов¹⁶, что приводит к потерям белых солдат. Но англичане об этом умалчивают. Когда я возвращался на корабле на мыс Доброй Надежды, я увидел человек десять сильно изувеченных солдат, которые направлялись в Лондон, чтобы обосноваться там как инвалиды. Этой милостью наградила их Беллона¹⁷ в 1771 г. в сражении с камбейскими войсками. А сотня их товарищей, не считая чернокожих, которых она тоже не обошла этой милостью, уже больше не нуждались в

мусокуме¹⁸. В ноябре того же года из-за военных столкновений с Танжуром англичане были вынуждены пойти на уступки Набабу Камбея. Однако мне доподлинно известно, что они собираются возместить себе это, как только на юге окончится война с Танжуром.

Кроме фактории в Камбейском заливе, следуя вдоль Конканского побережья, мы видим принадлежащий англичанам остров Бомбей, куда они вкладывают большие средства на строительство укреплений. Там я не был и поэтому сообщаю лишь о том, что слышал. (В 1770 г. корабль французского флота «Эндьен» стоял в этом порту, и его начальник, наверное, доложил двору о Бомбее.) На основании того, что мне рассказывали англичане, могу сообщить, что в 1771 г. Бомбей совсем не был защищен и они очень боялись нападения с Иль-де-Франса. В январе 1772 г. на острове Бомбей насчитывалось 900 белых солдат и 6000 сипаев. Там находились также военно-морская часть, 3 командира в чине бригадиров и 12 полковников. Мне доподлинно известно и то, что между гражданскими и военными было много недоразумений. Я понял это при встрече с главным инженером, полковником Киттином, полковником Кеем и несколькими советниками; не обращая на меня внимания, они устраивали друг другу яростные сцены, отстаивая каждый свои интересы.

Фактически остров совсем не защищен от неожиданного нападения. Если сговориться с мараттами, можно сыграть с англичанами злую шутку. Площадь острова — 3 лье, и там произрастают только овощи. Жителям его приходится привозить все продовольствие из Бакайма¹⁹, который находится неподалеку на материке. Если в Бакайме будут умные люди, они легко смогут заставить бомбейцев поголодать. Иногда в порту стоят два-три сенó²⁰, снаряженных по-военному.

Остров является центром всей английской торговли, хотя с некоторых пор владения на Ганге, видимо, всё больше привлекают внимание Англии. В Бомбее есть Высший совет, другой Совет в Мадрасе и третий — в Каликоте²¹. Все три совета независимы друг от друга, сами решают свои дела, приказы получают непосредственно из Англии и отчитываются перед директорами в Лондоне. Каждый Совет в Индии имеет свое войско и свои средства. Однако Бомбей сам себя не содержит и

существует за счет средств, изымаемых из Бенгалии. Все английские фактории от Моки до мыса Коморин и вдоль Персидского залива подчиняются Бомбею. А те, которые находятся в глубине страны и на Коромандельском побережье, подчиняются Мадрасу. Бенгальские же владения подчиняются Совету в Каликоте.

От Бомбея до Онора английских владений нет. Онор находится на побережье Канары и принадлежит Айдер-Али-Каму. По мирному договору 1769 г. англичане содержат там факторию. Она обнесена стеной с несколькими контрфорсами. Там 50 сипаев или топасов под командой белого сержанта и 6 пушек. Хотя эта фактория с виду и невелика, она имеет основное значение для англичан по следующим причинам:

1. Через нее англичане получают непосредственную информацию о том, что происходит у Айдер-Али-Кама.

2. Эта фактория служит складом для их товаров и местом хранения свинца и пушек, которые англичане продают Набабу.

3. Отсюда англичане вывозят в Китай некоторое количество сандалового дерева и перца.

4. Наконец, нахождение в этом месте дает англичанам возможность воспользоваться первым же переворотом в стране Канара, овладеть которой они страстно желают, поскольку они в 1767 г. уже владели Канарой и знают эту страну. Манголор же является главным объектом их вожделений.

Онор находится примерно в 18 лье от Карвара и в 40 от Манголора. Два форта защищают рейд. Еще один, значительно больший форт защищает устье великолепной реки, оттуда также ведется разведка на суше. В этих фортах имеются пушки и отряды сипаев. Английская фактория расположена в центре, у рейда. По берегам реки у англичан прекрасные арсеналы.

Айдер-Али-Кам никогда не полюбит англичан, хотя он и заключил с ними торговые соглашения. Если мы будем вести себя и впредь так, как сейчас, он, быть может, установит с ними и дипломатические отношения. Однако я имею основания утверждать, что Айдер сильно ненавидит англичан и совсем их не боится! Стоит только нам захотеть, и англичане перестанут быть в нем так заинтересованы. Для этого надо совсем немного. *Optimum aliena insania frui*²².

Во время последней войны англичане отобрали у нас Монт-Делли и сохранили его за собой. Там у них довольно скверный форт с 8 пушками, который охраняет один сержант с 12 солдатами. Рядом с фортом находится алдея под названием Рамтелли. Английские маклеры ведут там оживленную торговлю. В Монт-Делли английские суда запасаются дровами и водой и отсюда сообщают в Телличерри о судах, идущих от северной части побережья. Для этого комендант форта отправляет чернокожего на тонне к губернатору Телличерри.

Примерно в 6 лье от Монт-Делли протекает река Дермапатам, на южном берегу которой у англичан два небольших форта. На острове Дермапатам, подчиняющемся Телличерри, у них есть форт с 4 бастионами, возле которого нет ни одной возвышенности. Его артиллерию, кажется, составляют 48 пушек с ядрами от 8 до 12 фунтов. Большая часть их стоит на брустверах. Этот форт в хорошем состоянии. Когда я проезжал мимо, там не было и сотни белых или чернокожих гарнизонных солдат, а обычно их там человек триста. Командует ими капитан из гарнизона Телличерри. Его сменяют каждые три месяца. В форт входят по винтовой каменной лестнице, через маленькую дверцу у самой земли, и он хорошо защищен куртиной и флангами бастионов. Высота вала, как мне показалось, 40 пье.

Между Дермапатамом и Телличерри есть еще три форта и укрепление, мимо которого надо пройти. Однако, как только будет взят форт Дермапатама, все остальные форты спустят флаг. Они не выдержат и четырех пушечных выстрелов, поскольку все они с дефектами, а на расстоянии мушкетного выстрела от них есть господствующие над ними возвышенности.

Телличерри — довольно крупная алдея, населенная черными и белыми. Торговля там оживленная, судя по количеству стоящих там английских кораблей, а также арабских и мараттских судов, совершающих каботажное плавание. Рейд там большой протяженности. Он привлекает к рейду Маэ.

В восточной части Телличерри имеется плохой форт с 10 пушками. Охраняют его один офицер и несколько белых солдат и сипаев.

Форт, где размещаются местные власти, находится в северной части этой алдеи. Вокруг форта на протяжении

$\frac{1}{8}$ лье построены стены в 7—8 пье высотой. На этой территории между фортом и его стенами живут самые именитые люди этой колонии.

Форт с правительственными зданиями образует прямоугольник и, хотя он хорошо оснащен пушками, никакой угрозы не представляет. Внутри, вокруг укрепления, сделана насыпь, а снаружи, только в южной стороне,— сухой ров шириной 12 пье. Высота стены на этой стороне—18 пье, но там нет ни бруствера, ни скала, а вдоль нее только небольшой подземный ход. Вся площадь форта застроена арсеналами, казармами, жилыми и правительственными зданиями. Исключение составляет небольшой плац, на котором также размещены ядра и бомбы.

Со стороны моря, т. е. с запада, ступенчатая терраса с бруствером, где стоят 12 небольших пушек. Северная часть форта состоит из огромного сводчатого каменного бастиона, служащего пороховым складом. На этом бастионе—шест для флага. Правительственное здание такой же высоты, как бастион и круговая галерея с платформами, построенная из хорошего тесаного камня; на ней можно установить 20 пушек 12-го калибра. На бастионе стоят 16 пушек 24-го калибра.

Там есть довольно хороший арсенал с оружием и боевыми припасами. Все это ранее принадлежало нам, а теперь, к сожалению, нет. Я прожил в этой колонии два месяца и прекрасно знаю, что там внутри и снаружи. Знаю и все, что принадлежит англичанам в этой части страны. Правительственный зал украшен трофеями и ружьями в козлах, с большим вкусом расставленными вдоль стен. Англичанам пришлось всего лишь перевезти их из Маэ в Телличерри! Между тем запалы не заткнуты, кремни и огниво в прекрасном состоянии, и вот уже 11 лет, как на складах у англичан в Телличерри наши пули и наши ядра.

Если бы мне было дозволено отобрать обратно все эти печальные трофеи!

Справа от этого бастиона, с северной стороны, есть насыпь, через которую проведена коммуникация с упомянутой выше группой укреплений. На насыпи стоят 20 пушек разного калибра, которые предназначены для салютов по случаю прибытия и отбытия судов.

У этого форта подъемного моста нет. Туда можно

проникнуть в трех местах: с главного входа в восточной части по обычной каменной лестнице, с юга — вход для повозок и животных, который ведет к плацу и к католической церкви, построенной на берегу моря и окруженной пристройками форта; третий вход — с запада, через губернаторский сад. На первый этаж губернаторского дома ведут восемьдесят три ступени. Разрушение такого здания огнем из пушек даст большое преимущество.

К западу от насыпи, о которой я упомянул, примерно в пол-лье от моря, есть островок, на котором водружен английский флаг. Охраняет его один солдат, и нужен этот остров англичанам только потому, что он находится на фланге их владений. Но они его удерживают (хотя и без артиллерии), так как стремятся захватить все.

У англичан несколько кордегардий по краям насыпи. На дороге, ведущей в Маэ, у них есть форт Моеллан²³, который постепенно разрушается. Местным жителям этот форт еще представляется внушительным, поскольку он оснащен пушками и там находится гарнизон из 50 солдат с одним офицером. Однако та сторона, которая обращена к морю, обветшала настолько, что артиллерию невозможно ввести в действие даже для салютов. С северной и восточной сторон перед фортом — возвышенности.

Таковы укрепления Телличерри, расположенного в 2 лье от Маэ. Именно здесь все английские суда запа�аются продовольствием. Несмотря на то что это место весьма дорого обходится англичанам, они стремятся его сохранить, а для этого приходится содержать там войска. Телличерри окружен наирами, маппелами и канаратцами, которые по первому сигналу могут перерезать англичан. В январе 1772 г. в Телличерри было 1500 солдат, в том числе 300 европейцев.

Высадка десанта там была бы затруднена, поскольку защита его огнем с кораблей из-за удаленности их стоянки была бы слабой. Однако было бы легко высадиться между Маэ и фортом Моелан и в течение двух часов штурмом захватить этот форт.

Содержание Совета и военных в Телличерри обходится в 200 тысяч рупий в месяц, а колония приносит в год не более 90 тысяч рупий. Следовательно, каждый

год приходится затрачивать дополнительно на содержание Телличерри 360 тысяч ливров на наши деньги.

Далее, в 8 лье от Телличерри, у англичан есть фактория в Каликуте во главе с какером²⁴, в распоряжении которого несколько сипаев. Англичане используют ее для закупки перца и сандалового дерева, а также чтобы быть в курсе событий при дворе Саморина, а теперь и при дворе Айдер-Али-Кама.

После Каликута англичане имеют фактории только в Ангинге²⁵. Оттуда отходят с Малабарского побережья в Европу все их корабли. Там стоит гарнизон из 600 белых и чернокожих солдат. Расположение этой колонии почти такое же, как в Телличерри.

Чтобы добраться сухопутным путем до Коромандельского побережья, не подвергаясь опасности, надо следовать через Ангингу. Если запастись подорожной от главы фактории, то калеры, в чьей стране она находится, пропустят вас и не ограбят.

Стоянка судов на рейде Ангинги находится в пол-лье от форта, который очень красив, в хорошем состоянии и имеет четыре бастиона правильной формы. В центре форта возвышается хороший дом, который, так же как и форт, заново белят раз в два года. Если приближаться с северной стороны, то форт этот виден за 3 лье, так как берег очень пологий. Можно различить подступы из краснотерра и горы в глубине. На западной куртине форта на брустверах стоят 9 больших новых пушек, защищающих рейд и охраняющих от десантов.

Владельцы этой фактории вывозят много сандалового дерева. Кроме того, через Мадуре²⁶ и Триченаполи²⁷ есть сообщение с Мадрасом и всем Коромандельским побережьем, отстоящим от Ангинги на 5—6 дней пешего пути. Это имеет довольно важное значение, когда навигация прерывается из-за муссонов.

Во всех английских владениях в Индии гражданские лица почитаются больше, чем военные и моряки. Мне, имевшему возможность трезво судить обо всем непосредственно на месте, показалось, что такое предпочтение существует как в обществе, так и в военных операциях. Это так же, как у нас в Европе к простым кавалеристам относятся с большим уважением, чем к младшим пехотным офицерам. Говоря по правде, военные в Индии — люди не утонченные; старший возчик или мастер-плот-

ник становится там капитаном и т. п. Впрочем, если они полезные и способные люди, а к тому же патриоты, то почему же не отдать им должное, т. е. не оказать им уважение и честь по заслугам? Высокопоставленные англичане мне говорили, что эти люди проявляют храбрость на войне, но, находясь на гарнизонной службе, предаются самому грязному разврату. Отчего же это? Оттого ли, что гражданские не принимают их в свое общество? Думаю, такое поведение объясняется тем, что, будучи отстраненными от общества, они возмещают себе это негритянскими женщинами, бутылкой, шумными спорами и азартной игрой. К тому же им хорошо платят и их хорошо одевают, причем прапорщик получает здесь больше, чем капитан во Франции.

С некоторого времени создается впечатление, что правительство хочет обратить внимание на состав военных в Индии. На всех кораблях, прибывающих из Европы, бывает по 3—4 молодых человека благородного происхождения, которых по приезде направляют в разные полки в качестве волонтеров. Они привыкают к месту, а потом, когда освобождаются посты, им эти должности предоставляют. Основаны также школы, где их бесплатно обучают восточным языкам. Те же возможности открываются и перед гражданскими служащими. Школы эти у них общие. Однако мне кажется, что англичане, стремясь улучшить состав военных, подрывают стимул к продвижению по службе. Солдат, ставший офицером, приобрел практические знания на месте, добившись этого чина за 12—20 лет. Он привык воевать с индийцами, привык к климату и к образу жизни в Индии. Его добросовестная служба, за которую он получил повышение, является примером для ближайших товарищей, рождает у них стремление верно служить и подражать ему. Если же у них не будет надежды стать офицерами, будут ли они столь преданно служить? Нет! В Маэ я встретил 10 англичан-дезертиров! И поведут ли тогда юноши солдат в бой? Вот что последует, если у солдат не будет перспективы и они падут духом, что так свойственно этим людям!

Почти все высшие офицеры набираются из королевских войск, посланных в Индию. Они составляют себе за короткое время значительные состояния. Так же как гражданские служащие, они не способствуют процвета-

нию Компании. Мне известно, какие методы они применяют, но умолчу об этом. Я — француз, а не инспектор английских финансов! Могу сказать, и это истинная правда, что когда какому-нибудь офицеру или служащему надоедает жить с негритянкой, метиской и т. п., он обращается к своему доверенному лицу в Англии с просьбой прислать ему женщину. Тот, кто выбирает, бывает не слишком разборчив. Но нареченная садится на корабль и прибывает. Играют свадьбу. И нередко на жене второразрядного служащего можно видеть бриллианты и жемчуга на 100 тысяч франков, а то и больше. А восемь лет назад у такого служащего не было и 100 гиней. Это кажется невероятным, но все это истинная правда. Бывает и так, что супруга губернатора Бомбея, Мадраса или Каликоты до свадьбы имела возможность услаждать своих соотечественников. Но разве это имеет значение теперь, когда ей оказывают такие огромные почести! Причем бóльшие, чем суверенным особам в других частях света. Если положение такой дамы меняется (это происходит в случае смерти ее мужа), она не становится объектом насмешек: иначе, согласно английским свободам, ей должны возместить ущерб. Так сами военные создают условия, из-за которых их не принимают в обществе.

Не следует, однако, думать, будто бы все дамы в Индии таковы. Там есть женщины, которые с полным основанием заслуживают всяческого уважения.

Обычно член Совета получает пост губернатора по старшинству, но на Коромандельском побережье и в Бенгалии бывают исключения из этого правила. Несколько англичан говорили мне, что это объясняется нынешним состоянием дел здесь.

Что касается английских моряков, то я не склонен считать их самыми искусными из всех европейцев на море. Напротив, я полагаю, что они самые неблагоприятные. Их команды более многочисленны, чем наши. С самого детства они привыкают к морской среде, которая гораздо привлекательнее для них, чем для французов, поскольку каждый имеет право заниматься торговлей в свою пользу, в зависимости от чина. Эта нация, рожденная посреди океана, особо заинтересована в том, чтобы соединить свою жизнь с ним. И не следует удивляться той легкости, с которой они предпринимают да-

лекие путешествия. Однако я не согласен с тем, что английские моряки храбрее и искуснее наших. Их просто больше, вот и все. Меня невозможно убедить в обратном, поскольку все это я видел своими глазами.

Англичане вознаграждают за любые заслуги вне зависимости от чина. Тот, кто нанес вред Англии, платит за это собственной кровью. Состояния создаются быстро, так как правительство позволяет частным лицам пускать в оборот их капитал. Пусть Франция последует этому примеру, и тогда посмотрим!

ГЛАВА II

Особые замечания о Карваре — порте на побережье Канара, который принадлежит Айдер-Али-Каму и мог бы нам пригодиться

Рейд в Карваре безопасен. Горы защищают его от всех ветров, кроме западного муссона. При необходимости можно держать на рейде, неподалеку от берега, даже 64-пушечные корабли, если ставить их на два якоря, спустить верхние паруса и обеспечить огневую защиту с фортов.

Горы близко подступают к рейду. На них, в самой северной точке рейда, нужно построить хороший форт, кроме уже имеющихся. Тогда, как я уже говорил выше, порт станет безопасным и прекрасным местом, способным свободно принимать по сорок кораблей разного размера, которые будут защищены там от любого нападения.

Вход в рейд удобен и безопасен, и сам рейд тоже. Однако имеющаяся там отмель проходима только в июне, июле и августе. Я добрался до суши без всяких затруднений на маленькой местной пироге.

Отмель тянется вдоль берега на расстоянии пистолетного выстрела от него. Она не мешает кораблям входить в рейд, который имеет более $\frac{1}{2}$ лье в длину и $\frac{1}{4}$ лье в ширину.

На южной стороне рейда есть каменный причал, весьма удобный для швартовки небольших судов. В восточной части за рейдом — песчаная равнина, ведущая к Биррской крепости. Там есть скалистая возвышенность, где можно установить батарею. Тогда можно будет вести перекрестный огонь с батареи и с форта, который следует построить на северной стороне. В то же время этот форт защищал бы стоящие у причала суда и вход в порт (поскольку батарея вела бы настильный огонь), а также равнину Бирра, которая сейчас никак не защищена.

На рейде глубина воды не меньше 20 пье, а в самых глубоких местах — 45 пье. К югу от рейда на расстоянии мушкетного выстрела от форта протекает великолепная река. У самого ее устья находится отмель, где глубина при приливе достигает 12 пье, а в широком и безопасном русле — добрых 20—22 пье.

Ширина реки в некоторых местах достигает пол-лье. Ее восточный берег покрыт лесом. Неподалеку от Карвара на реке есть несколько лесистых островков, на которых можно построить железоделательные мастерские и склады оружия.

У подножия основного форта есть все необходимое для сооружения хорошей верфи. Она могла бы служить как для постройки новых кораблей, так и для ремонта подводной и надводной частей судов. Строительный лес под рукой, недалеко и все необходимые материалы, а рабочие руки здесь очень дешевы.

Почти все жители этой страны — христиане. Исключение составляют солдаты гарнизона и военные и гражданские начальники.

Бирр расположен в одном лье от Карвара. Это резиденция католического епископа, носящего титул епископа Бомбейского. Родом этот прелат из Пьемонта и принадлежит к ордену кармелитов. Он очень любит французов и пользуется большим уважением среди всех сект¹ этой страны. В 1772 г., когда я его видел, ему было 60 лет.

В Карваре командует Каприбек. Он мавр² по происхождению, необычайно корыстолюбив, но храбр и очень предан Набабу. Дважды он принуждал корабли мараттов отступить и разбивал все португальские войска, объединившиеся для осады Карвара, отобрав у них 6 пушек. Они стоят, прославляя его, в виде трофеев в форте, где он начальником. Там я их и видел.

Утверждение французов в Карваре внушило бы почтение многим, и особенно пиратам — мараттам и бонсело, малуди и каули, которые сильно мешают любой торговле, кроме английской, с ноября по апрель каждого года.

Однако следует помнить о том, что:

1) поскольку Карвар прежде принадлежал англичанам, они воспользуются любым предлогом, чтобы помешать нашему водворению там;

2) у португальцев тоже есть вполне обоснованные притязания на это место;

3) наконец, король Сонде, которому этот край законно принадлежал, время от времени будет пытаться вернуть его себе.

Для того чтобы обосноваться в Карваре, нам следует:

1. Сделать это быстро и разумно и иметь в распоряжении все необходимые для этого средства.

2. В обмен за Карвар дать Айдер-Али-Каму все то, что он хотел бы иметь и о чем он мне говорил.

3. Заставить англичан, которые будут стараться изо всех сил помешать нам здесь укрепиться, считаться с нами.

4. Обеспечить все необходимые средства, чтобы с оружием в руках преодолеть все препятствия, которые англичане не преминут поставить согласно договору, продиктованному сильнейшим³.

5. Вступить в соглашение с португальцами и с Великими мараттами, а индийским правителям пообещать и дать какие-нибудь подарки и заключить с ними союзы.

В Карваре можно найти всякое продовольствие и прохладительные напитки. Расположен Карвар всего в двенадцати лье от Гоа. Из глубины этой страны можно получать рис, овощи, рогатый скот, птицу, фрукты и т. п.

Почва в Карваре прекрасная. Население настроено благожелательно, и со всех точек зрения Карвар был бы лучшим французским владением в этой части Индии. На это потребуется не так уж много средств, но необходимо иметь уверенность, что они будут предоставлены!

Тогда наша торговля стала бы процветать, а надежная защита Карвара принудила бы англичан увеличить свои расходы в Бомбее и перераспределить силы, которые, по-видимому, закрепились на Коромандельском побережье и в Бенгалии. Из Карвара мы легко можем расширить торговлю и на побережье Персидского залива, куда мы мало проникаем, хотя сейчас это и было бы весьма выгодно.

Из Карвара можно вывозить такие продукты, как рис, перец, сандаловое дерево, кардамон, крупную ко-

рицу, кассию⁴, хлопок, кокосовые орехи, раки, соль, рыбий жир, кокосовое масло и т. п.

Следовало бы также помнить, что в 1682—1683 гг. у нас была фактория в Раджапуре, более безопасном и удобном порту, чем Карвар, и что мы еще не отплатили пиратам, нынешним владельцам Раджапура, ограбившим королевский корабль «Эндьен», за нанесенное нам оскорбление.

ГЛАВА III

Краткое описание моего путешествия и некоторые сведения о внутренних районах Индии

Франция намеревалась выступить в Индии, чтобы отвлечь внимание англичан от Испании, у которой те отняли Факлендские¹ острова. В мае 1769 г. я получил письмо от герцога де Шуазёля с приказанием явиться в Версаль.

Мне было предложено отправиться в Индию в распоряжение подполковника кавалерии г-на Хюгеля.

10 августа 1769 г.² мне пожаловали чин капитана кавалерии и назначили жалованье 2700 ливров с обещанием выплатить половину его при моем возвращении (но обещание это не сдержали).

В ноябре того же года я отплыл из Бордо на корабле «Дюк де Праслин» вместе с г-ном Хюгелем, двумя топографами, одним лейтенантом артиллерии, одним гусарским лейтенантом и двумя сержантами кавалерии. Все они — участники нашей экспедиции.

Я наделал долгов на 4800 ливров для своего снаряжения, обмундирования и приобретения оружия.

Мы пережили ужасную погоду у мыса Финистер. В шести днях пути до мыса Доброй Надежды на борту нашего корабля возник пожар. У нас было вполне достаточно воды, чтобы его потушить, но не было питьевой воды. Мы принудили капитана причалить к берегу. Так случай заставил нас в марте 1770 г., через четыре месяца после нашего отплытия, встать на рейд у мыса Доброй Надежды.

Там мы узнали, что Набаб Айдер-Али-Кам добился больших успехов в борьбе с англичанами. Тогда наш командир и сообщил мне, что цель нашего путешествия — присоединиться к этому правителю.

2 апреля мы снова вышли в море. Корабль чуть не перевернулся, натолкнувшись на огромный косяк пескоро³. Судно трепали ветры, сломалась перекаладина у

руля. Море в этих местах чрезвычайно бурное, и из-за этого мы шатались, как пьяные, не вызывая смеха у других; вода врывалась повсюду.

Когда мы проходили через Мозамбикский пролив, нас чуть не убило молнией. Испугавшись, мы ушли из пролива.

С мая по октябрь мы оставались на Иль-де-Франсе.

Когда мы туда прибыли, к властям этого острова обратились десять офицеров, пожелавших присоединиться к нашему отряду. Во время пребывания там по просьбе командира нам были присланы еще 2 офицера, а упомянутые 10 человек были отправлены в Пондишери на различных кораблях с тем, чтобы ожидать там новых приказаний. (Никто из них так и не соединился с армией, кроме капитана, г-на Делашера, который прибыл уже после гибели г-на Хюгеля, но оставался там недолго.) Один из наших 10 офицеров был оставлен на Иль-де-Франсе: из-за протестов остальных девяти его товарищей наш командир решил не отправлять его в Пондишери.

Один из двух новых, присоединившихся к нам офицеров, капитан кавалерии г-н Рюссель был отправлен в Пондишери^а. Он прибыл в армию только после смерти г-на Хюгеля, т. е. в 1772 г.

Наш отряд пополнился за счет лейтенанта кавалерии Бутено и креола Шевалье де ла Роша. Таким образом, когда мы покинули Иль-де-Франс, нас было 10 человек.

Мы отплыли на хорошо вооруженном и легко управляемом королевском судне «Маскарен». Интендант г-н Пуар снабжал нашу группу, не допуская никаких злоупотреблений. Этот честный патриот проявил большую проницательность во время нашей экспедиции, предска-

^а Господин Ло послал его впоследствии из Пондишери командовать европейским отрядом в армии Айдер-Али-Кама, где с ним хорошо обращались, поскольку у него был чин майора кавалерии и Крест св. Людовика, а в 1768 г. он был подпоручиком в королевском полку в Дё-Поне⁴. Для участия в нашей экспедиции г-н Хюгель истребовал ему чин капитана кавалерии в тот же день, что и для меня. Ранее он только слышал о нем от брата этого офицера, который был доверенным лицом г-на Хюгеля в Пондишери. Мне сообщили 3 декабря 1774 г., что помимо жалованья, которое Рюссель имеет как французский офицер, он получает еще 300 рупий в месяц от Айдер-Али-Кама. В его отряде около 100 европейцев.

зав все наши несчастья. Я видел, как он вел себя в течение тех четырех месяцев, что мы провели на Иль-де-Франсе, и не могу не воздать ему должное.

На корабле у нас было четыре четырехдюймовые пушки на лафетах и порох. Из Европы мы захватили 500 ружей, сабли и т. п.

Мы побывали в Маскате, в Аравии, и обошли архипелаг Сейшельских островов, остров Святой Анны и другие.

В Маскате, где мы пробыли 17 дней, владельцы судна заключили весьма выгодные сделки. Оттуда мы направились в Гоа и стали на якорь на реке у побережья Панжи⁵. Там мы выдавали себя, так же как в Бордо и в Маскате, за врачей, аптекарей, писцов и т. д.

В Маскате мы встретили одного провансальца по фамилии Мэстр⁶, который утверждал, будто бы он — полковник французской службы, посланный к одному из индийских правителей. Он прибыл с караваном, состоящим примерно из сорока животных, как четвероногих, так и двуногих. Этот человек захотел повидать нашего главного врача. Я сопровождал его в качестве аптекаря из любопытства, желая видеть, что там произойдет. К счастью, больной не нуждался в нашей помощи; когда мы навели о нем справки, мы узнали, что он лечил людей от венерических болезней. Его пациентом стал первый помощник капитана нашего корабля.

В Маскате Мэстр объявил себя банкротом и спасся бегством по морю. Арабы преследовали его и в Манголоре предъявили ему иск. Он стал умолять Набаба о покровительстве, и тот сообразовал помянуть его. По ходатайству г-на Хюгеля Набаб дал ему немного денег... Ему было приказано покинуть страну в 24 часа. Кредиторы продали его верблюдов, коней и т. п.

В Гоа мы узнали, что Айдер-Али-Кам недавно заключил мир с англичанами и что они согласились выплатить ему 9 лакков рупий в три срока. Мы узнали также, что Айдер-Али-Кам захватил Малабар, низложил императора Шерикеля, разрешил англичанам обосноваться в Оноре и что он готовится к войне с мараттами. Эти новости расстроили все наши планы! Мы оставались в Гоа 22 дня и отбыли оттуда 1 января 1771 г. на небольшом груженном солью местном судне с высокими борта-

ми из плетеного бамбука, через которые вода проникала по 12 пусов⁷ в час. На единственной мачте этого хрупкого сооружения висел треугольный дырявый парус. Обслуживали это суденышко 12 чернокожих.

Хотя при отъезде португальцы предупреждали нас о пиратах, наш командир ничего не хотел слушать.

Мы сделали остановку в принадлежащем португальцам заливе Канегон и запаслись там продовольствием и питьем.

2 января мы зашли в порт Карвар, где нам следовало ожидать распоряжений Набаба. Там нас снова предупредили о том, что мы можем попасть в руки пиратов, но наш командир все равно приказал сниматься с якоря.

Чернокожие матросы боялись, что нас захватят корабли Айдер-Али-Кама, так как считали, что мы — англичане. Они имели основания так думать, поскольку мы сторговались о доставке нас в Телличерри — порт, принадлежащий Англии.

Пятого вечером мы были внезапно разбужены семью или восемью пушечными выстрелами; стреляли по нас с трех гальветт. Пираты громко кричали хозяину нашего судна, требуя, чтобы он салютовал в честь Набаба. Это было сделано. Охваченный страхом хозяин спустил парус и сказал нам, что гальветты принадлежат Набабу и нас захватят в плен вместе со всем имуществом, если узнают, что мы — англичане, а пропуска от Набаба у него нет. Г-н Хюгель успокаивал его, как только мог. В это время к нам подошла одна гальветта и оттуда потребовали, чтобы хозяин нашего судна перешел к ним на борт для проверки пропусков, что и было выполнено. Мы же на палубе не показывались. Вечером мы спокойно улеглись спать; ведь наш начальник уверял нас, что пиратов вблизи портов Набаба бояться нечего.

При свете заходящего солнца мы ясно увидели между нами и сушей, на расстоянии примерно 2½ лье, три гальветты, державшие курс на север. Мы видели также, как они повернулись к нам бортами, но это не вызвало у нас беспокойства: наш командир уверил нас, что мы в безопасности.

Пока хозяин нашего судна был на борту гальветты, мы совещались, что же нам делать. Было решено, что мы выдадим себя за английских купцов, и для этого

каждый выбрал себе имя, соответствующее новому званию и новому отечеству.

Наш хозяин возвратился на борт и сообщил, что от него потребовали 50 рупий в качестве сбора с иностранцев. Он полагал, что нас отпустят, как только он отдаст их вожаку пиратов, которые, по его словам, бонсело. При этом он приправил свою речь всем, что подсказывали ему страх и алчность.

Мы отдали 50 рупий (позднее мы узнали, что он оставил их себе). При ясном лунном свете мы видели сквозь плетеные борта нашего судна все три окружавшие нас гальветты. Сговорившись с пройдохой-хозяином, пираты принудили нас выйти в открытое море в направлении к северу. Мы спросили одного из наших матросов, который был христианином, зачем это делают, и он ответил нам, что пираты не хотят терять нас из виду до наступления дня.

На следующее утро, после восьми часов, одна из этих гальветт подошла к нашему судну и от нас потребовали, чтобы самый влиятельный из белых перешел к ним на палубу. Г-н Хюгель в сопровождении одного из двух топографов отправился туда. На трех гальветтах было 5 пушек. Каждая гальветта имела по 32 весла, 2 паруса и команду в сто — сто двадцать человек. Все три были палубными судами и маневрировали на большой скорости.

Уходя, г-н Хюгель передал мне командование на судне, но лишь только он поднялся на палубу главного пиратского судна, как к нам подошла другая гальветта, полная вооруженных людей. Через мгновение на нашем борту оказалось больше 60 человек, которые набросились на нас и отобрали у нас все, что мы имели. Подобный метод я счел бесчестным и, нанеся в бешенстве кулаком удар между глаз тому, кто хотел отнять у меня часы, выбросил его за борт. Это происшествие могло окончиться для меня трагически, так как меня сразу же схватили, привязали к мачте, с тем чтобы отрубить мне руку, которой я посмел нанести удар. К счастью, мой сержант, говоривший по-мавритански⁸ (он уже воевал в Индии), вступил с ними в переговоры, что и сохранило мне руку. Негодяи же возместили нанесенный им ущерб, отобрав у меня имущество и деньги⁹.

Они без разбора хватали все, что попадалось под

руку, непрестанно повторяя при этом, что они братья англичан и вовсе не желают причинять нам зло.

В два часа пополудни наши два товарища вернулись с главной гальветты; пиратский вожак поднялся на борт вместе со своими головорезами, которых хорошо угостили спиртом, табаком, хлебом, вином и т. п. Все это им понравилось. Пиратский вожак велел вернуть нам часы и оружие, но кое-что из этого пришлось ему преподнести в подарок, а кроме того, ткани, тесьму, носовые платки и т. д. Чтобы отделаться от них, пришлось также дать деньги пиратской команде в виде возмещения за те вещи, которые они вынуждены были вернуть. Все это обошлось нам более чем в 3600 ливров (и то лишь по дружбе, которую эти мошенники, по их словам, питали к англичанам).

В конце концов вечером в половине пятого пираты нас покинули и отправились в погоню за другим судном. Их вожак снабдил нас пропуском, с которым, как он нам заявил, мы можем ничего не бояться. К счастью, мы этому не поверили. На пропуске г-на Хюгеля стояла подпись Джордж Престон.

Покидали нас пираты под барабанный бой и военную музыку, на что мы отвечали криками: «Виват!» С наступлением ночи их суда скрылись наконец из виду.

Когда они отчалили, мы обнаружили, что исчез наш цирюльник (я его взял в Бордо). Мы не знали, что и думать. Потом мы вспомнили: когда раздался первый пушечный выстрел, он встал с места, где мы все лежали вповалку на плетеных матах, и ушел. С тех пор мы его не видели. Все боялись, что он упал в море, и каждый жалел о нем.

Только мы сели ужинать, вдруг увидели, как наш герой, мокрый с ног до головы, вылезает из трюма, где он скрывался целые сутки. Он чистосердечно признался, что не привык слышать грохот пушек и поэтому прятался, зарывшись в соль. Мы проверили его слова и действительно нашли ямку, в которой он прятался. Мы похвалили его за изобретение такого метода спасения¹⁰.

Мы продолжали путь, держась как можно ближе к берегу. Но как только мы засыпали, чернокожие выходили в открытое море.

7-го, около часу пополудни, мы увидели, как из-за острова Голубей вышло несколько судов, держа курс к нам. Мы догадались, что это пираты. Тогда мы повернули судно к берегу, твердо решив скорее дать себя взорвать, чем попасть в плен. Мы удвоили число гребцов, г-н Хюгель стал к рулю, а я заряжал ружья и передавал их товарищам, сидевшим на веслах. Пираты так и не смогли нас догнать, хотя охотились за нами почти 4½ часа. Когда они отстали, мы были впереди не более чем на ½ лье, но уже находились под защитой фортов Онора и на виду у стоявшего на рейде английского корабля. Мы падали от усталости и умирали с голоду; море было бурное и не давало нам подойти к берегу. Все были в плохом настроении. Мы посоветовали нашему командиру дожидаться в Оноре распоряжений Набаба. Он как будто согласился, но на следующий день переменил решение. Это вызвало волну упреков из-за пиратов. Поскольку я больше всех говорил об этом, начальник предложил мне отправиться сушей в Манголор и там выяснить, что мы должны делать. Он дал мне письмо к наместнику Манголора. Наместник Онора снабдил меня необходимыми пропусками, и я отправился в путь с моим сержантом и матросом-христианином, который нес провиант.

Я проделал этот путь в 40 лье пешком, по-индийски, т. е. проводя ночи под открытым небом, на земле; сам готовил себе пищу, так как там нет ни гостиниц, ни хлеба, ни вина. Питаются в той стране фруктами, рыбой и рисом, пальцы заменяют вилку, руки — стакан, а листья — блюда и тарелки.

На пятый день я добрался до Манголора и встретил там своих товарищей, которые прибыли на судне под эскортом английского корабля «Нортамберленд» (того самого, который стоял на рейде в Оноре, когда мы туда прибыли), причем капитан потребовал 10 пиастров за сопровождение. Почтенный англичанин не знал, кого он эскортировал.

Прибыл приказ Набаба о том, чтобы мы отправились к нему, и нам были предоставлены лошади и носильщики. 17 января мы выехали из Манголора в направлении Айдер-Нагара.

В тот день мы прошли всего 3 лье, так как наши носильщики еще не привыкли носить французские грузы.

18-го мы выступили ранним утром, так как предстоял долгий путь. Поскольку на моего коня невозможно было надеть ни седла, ни тем более уздечки, пришлось отправить его обратно в Манголор, а мне — идти пешком. Я захватил ружье, чтобы охотиться по дороге. Несколько горлиц и вяхирей поплатились жизнью за упрямство моей лошади. Я прибыл на место одновременно со своими товарищами.

Нас поселили в огромной пагоде, вокруг которой росли очень красивые деревья. Здесь легко могли бы поместиться 10 тысяч человек. Мы расположились в самой высокой башне, чтобы легче было дышать. Там мы провели два дня в ожидании, пока наберут носильщиков, которые нам требовались. (Их сгоняют на принудительные работы в каждом дистрикте. У нас их было 700 человек.) Мы стали осматривать пагоду, где нас поселили. Все скульптуры, лепка и барельефы здесь изображали сцены сладострастия. Нет такой непристойности, которой там не было бы. Подобное можно встретить у всех канаратских язычников, которые поклоняются идолам.

Когда мы покидали Манголор, мы захватили с собой повара, но, видимо испугавшись мараттов, он решил вернуться и ушел от нас без предупреждения. На следующий день нам пришлось самим готовить себе еду. Поскольку мои товарищи оказались весьма неважными поварами и большинство из них не знали правил приготовления пищи, я взялся за это дело сам. Иными словами, я стал главным поваром, а мои товарищи — помощниками. Работа у них была нетрудная: наш стол не был роскошным. Вареный рис и немного соли, три-четыре разрезанные на куски птицы, варенные в отдельной кастрюле с мантеком¹¹, стручковым и красным перцем, зеленым анисом и небольшим количеством шафрана, чеснока и лука, — все это составляет то, что называют карри¹². Такое рагу очень острое, и поэтому его едят понемногу с рисом и по желанию запивают водой, без хлеба и вина. Вот и вся наша пища. Нередко бывало, что мы ели лишь раз в день. Иногда по пути нам встречалась деревня, и тогда мы располагались там на отдых. Там мы покупали немного фруктов с толченым или поджаренным на чугунной доске рисом и этим завтракали. Я платил за все из своих денег¹³: по правде

говоря, у моих товарищей денег не было, но, даже если бы у меня их было вдоволь, все равно невозможно было бы улучшить питание. Иногда вместо птицы мы покупали одичалую собаку (бесшерстного барана)¹⁴. Но из нее опять же готовили неизменное рагу! Иногда за неимением птицы и мяса нам приходилось питаться только рисом и бананами. Из-за этого мои товарищи чувствовали себя неважно.

20-го носильщики были собраны; мы выступили в поход и прошли 15 лье за день. Сержант отдал мне своего коня. Мы изнемогали от жары и усталости, но переносили все это терпеливо, понимая, где находимся.

21-го в 4 часа утра мы снова пустились в путь и к полудню прибыли в алдею у подножия Гатт. Мы распаковали часть своих вещей, чтобы поприличнее одеться перед появлением в Айдер-Нагаре. Деревня называется Оссангери. Здесь я впервые увидел верблюдов. Там есть форт, но, насколько я могу судить, не имеющий большого значения. Мы вышли из деревни в 2 часа пополудни и к трем часам добрались до подножия Гатт. Нас опередил г-н Хюгель вместе с моим сержантом, который взял коня цирюльника.

Гатты — самые высокие горы, которые я видел. Они простираются на большое расстояние. Склон на $\frac{3}{4}$ лье пологий. Перед входом в ущелье по правую руку находится источник, вода которого прозрачна, чиста и очень приятна на вкус. Она нужна и тем, кто поднимается на Гатты, и тем, кто спускается с них. Справа, напротив источника, стоит шандери¹⁵, нечто вроде пагоды, где живут брамы. Шандери служит складом для караванов, везущих рис из Айдер-Нагара, и одновременно убежищем для путников ночью или в дневную жару, когда взбираться на гору невозможно.

Из источника вода подается к шандери по деревянным трубам, пересекающим дорогу на высоте 15 или 18 пье. Источник берет начало в недрах горы и дает достаточно воды, чтобы утолить жажду путников и вьючных животных. Нам повстречался конвой с рисом, навьюченным на 500 волов. Мы видели, как с волов сгружали вьюки по 200 фунтов риса и как потом волы шли утолять жажду из каменных или деревянных поилок, сооруженных для этой цели. Выпили они лишь $\frac{2}{3}$ поступившей из источника воды. Таким образом, воды

здесь всегда достаточно. Мы напоили коней и напились сами.

Горы настолько заросли лесом, что два человека не смогут идти рядом. Есть места, где вообще не пробраться. По-моему, нет такой изгороди, которая могла бы состязаться с множеством лиан, густо и плотно обвивающих деревья, большая часть которых — фруктовые. Ветви многих деревьев, дотягиваясь до земли, пускают корни и постепенно превращаются в новые стволы. Они перебиваются между собой, образуя непроходимую чащу.

На горах обитают лесные племена; там водятся тигры, обезьяны, горные козлы и множество всякой дичи; есть слоны и самые разнообразные птицы. Там масса насекомых и много змей. Все это мешает людям селиться, по крайней мере в этой части гор.

Немного передохнув, мы последовали за своим проводником и с каждыми 20—40 шагами всё яснее сознавали, какие трудности нам предстоят. Кое-где нам приходилось подниматься пешком, ведя лошадей в поводу. Здесь хорошо было бы иметь четыре ноги. В двух шагах справа от скалы мы увидели страшную пропасть. Извилистая тропинка не позволяла перевести дух, так как справа и слева, спереди и сзади — отовсюду грозила опасность. Если путник ослабеет или оступится, то во многих местах (я не говорю о всей горе) он безусловно погибнет, а пока будет катиться на 200—300 туазов вниз по скалам, побитый о стволы деревьев, исцарапанный терновником и алоэ, от него уже ничего не останется. Почти каждый месяц кто-нибудь погибает здесь, особенно во время дождей или туманов. Почва тогда становится скользкой, и несчастные путники срываются вниз и гибнут.

Наконец в пять часов вечера мы добрались до вершины. Там мы встретили г-на Хюгеля с сержантом: они нас дожидались, так как пройти им не разрешили, хотя наш обоз, который шел впереди, пропустили. Не буду умалчивать и о том, что вышеупомянутый Гримбах¹⁶, гусарский сержант, напившись rakka, не пожелал спешиться, поднимаясь на Гатты. У него был вороной, довольно худой конь, и он сидел боком в седле. Тем не менее он добрался невредимым до вершины, хотя лошадь его дважды спотыкалась. Ни я, ни мои товарищи не смогли заставить его сойти с коня. Он немец, уже

воевал в Индии и имел много ранений. Признаюсь, что у меня не раз замирало сердце, видя, как он как бы повисал в воздухе. Однако не менее опасно было бы заставить его слезть с лошади: немец был страшно упрям, и, видимо, надо было бы применить к нему крайние меры.

Через два дня после нашего прибытия в Манготор-г-н Хюгель написал Монктусейпу, шурина Набаба, находящемуся в изгнании в Айдер-Нагаре, известив его о нашем прибытии. Он не захотел писать Ужинапе, наместнику этого города. Ужинапа, наверное обидевшись, не разрешил пропустить нас в форт на вершине Гатт с той стороны, откуда мы поднимались. Тогда мы решили послать к нему альгара и сами оставались в форте до 11 часов вечера, пока не пришло распоряжение нас пропустить.

Ни один человек не может войти в этот форт без письменного разрешения наместника Айдер-Нагара или начальника, который командует войсками в месте его проживания или там, откуда он прибыл. Здесь обыскивают тщательнее, чем на заставах во Франции. Ищут не контрабанду, а письма или бумаги, которые тут же хватают вместе с их владельцами. Последних задерживают, а бумаги отсылают наместнику Айдер-Нагара. Тот прочитывает их и дает соответствующие распоряжения. Из-за подобных строгостей почти невозможно поддерживать связь с населением в этом краю. Мне сказали, что все это меры предосторожности против интриг и заговоров. То же самое делается у всех горных проходов и ворот главных городов. Я сам видел, как обыскивают на дороге на расстоянии в пол-лье от города. Чтобы избежать подобных осложнений, надо перечислить в своем пропуске все имеющиеся с собой бумаги и письма.

Этот форт представляет собой окруженное стенами здание на вершине Гатт, господствующее над плато на 200 туазов в окружности. Плато обнесено стеной в 1½ пье толщиной и 8 пье высотой. На расстоянии 3 пье друг от друга бойницы с пушками, огонь которых не подпустит врага близко. Впрочем, у оврагов и пропастей следовало бы поставить по 12—15 солдат с амюзеттами¹⁷, и тогда всего 300 человек смогут задержать 10-тысячную армию. Этот форт никак нельзя захватить с тыла, так как невозможно пробраться сквозь леса. Сомне-

ваюсь, чтобы даже по самой удобной дороге в горах смог бы пройти отряд по 6 человек в ряд и по 12 — в глубину, причем с флангов он оставался бы без прикрытия, а если защитники проявят прозорливость, то и с западной стороны крепость можно считать неприступной.

В форте 6 пушек и 50 человек гарнизона.

Чтобы выйти из форта в Айдер-Нагар, нужно пройти через трое ворот на восточной стороне. На расстоянии 200 туазов там идет довольно крутой спуск. Дорога каменная и очень извилистая, хотя и довольно широкая. Она сильно отклоняется влево, т. е. к северу и северо-западу. Этот путь защищен длинной зубчатой стеной с множеством бойниц. Посреди стены стоит четырехугольная башня, на которой видны амбразуры. Эта стена примыкает к форту, как мне показалось, весьма крупному, фланкируемому башнями. Я мог судить о нем только по внешнему виду. Форт построен на склоне холма и потому, кажется, господствует над местностью с западной и восточной сторон. Мне сказали, что его охраняют 400 пиеда, 50 сипаев гарнизона и пушкарей.

Спустившись с гор, мы оказались на тяжелой дороге в овраге. Луна скрылась за тучи, оставив нас беззащитными перед всеми ужасами ночи. В форте нам сказали, что мы доберемся до ночлега через $1\frac{1}{2}$ лье. Наш проводник ушел слишком далеко вперед, и мы оказались в затруднении, не зная пути. Нас уверили, что другой дороги нет, но, несмотря на это, ночью в лесу можно было заблудиться.

Мы с г-ном Хюгелем дали своим спутникам вести коней, а сами пошли вперед, чтобы голосом дать им знать, куда следует идти. Мы сильно проголодались. Было очень холодно. По другую сторону Гатт была невыносимая жара, но, по мере того как мы поднимались на вершину, становилось все прохладнее, а после захода солнца стало так холодно, что мы начали уже дрожать. Чтобы согреться, мы пошли очень быстро. Время от времени мы кричали, и наши товарищи откликались в ответ. Идя впереди г-на Хюгеля, я сказал ему, что заметил, как что-то блеснуло, но он не увидел ничего. Пройдя еще шагов пятнадцать, я снова увидел то же самое и указал на это моему спутнику. Тут же мы услышали звук, похожий на плач маленького ребенка.

Г-н Хюгель воскликнул: «Мы погибли, это тигр!» Выхватив сабли, мы стали пятиться назад, звеня клинками и громко окликая наших товарищей, чтобы вместе прогнать тигра. Прислонившись спиной к дереву, мы кричали: «На тигра! На тигра!» Наши товарищи несколько раз выстрелили из пистолетов в воздух, а мы отвечали им диким воем, который, вероятно, испугал тигра, ибо больше мы его не видели. Мы соединились с товарищами и дальше шли вместе, время от времени стреляя из пистолетов и крича во все горло. Найти какой-нибудь ночлег мы уже отчаялись. Наконец слева от нас мы слышали ответные крики. Мы двинулись в их направлении и нашли своих носильщиков. Они сбросили грузы и разожгли яркие костры вокруг стоянки, чтобы отгонять диких зверей, которыми полны эти леса. Один из них провел нас к хижине, где мы должны были ночевать. Она находилась еще за $1\frac{1}{2}$ лье от этого места, и мы прибыли туда к часу ночи.

Первым делом мы развели огонь, набрав дров, соломы и всего, что нам было нужно. Что же касается еды, то мы расплатились за нее лишь после того, как отдохнули и согрелись. Спать мы легли только в 3 часа ночи. Потом надо было подготовиться, чтобы идти в Айдер-Нагар, который был в 2 лье от нашего ночлега и в 4 лье от Гатт.

Мы выступили 22-го в 8 часов утра и прошли через деревню, где находилось 100 слонов. Они были привязаны цепями за заднюю ногу к врытому в землю столбу. Все они стояли в ряд. Должен признаться, что они произвели на меня сильное впечатление. Я видел слонов впервые, и некоторые из них были чудовищного размера. Они все время переминались с ноги на ногу. Лошади испугались, а всадники благоразумно спешили. Я заставил своего коня повиноваться, и тогда он, фыркая, прошел вдоль ряда слонов.

В 10 часов мы достигли стен Айдер-Нагара. Они тянутся на 7 лье в окружности, построены из местного камня и в зависимости от рельефа местности достигают 8—10 пье в высоту. Стены укреплены 12 редутами, причем некоторые из них можно считать фортами, поскольку по бокам находятся башни каменной кладки с хорошими амбразурами и с большим количеством пушек. Все эти редуты, или форты, расположенные с внутрен-

ней стороны этих стен, установлены на более или менее значительных высотах.

Нас остановили у первых же ворот и потом пропустили внутрь. Мы прошли расстояние двух ружейных выстрелов по неровному, немощеному месту и оказались у ворот, охраняемых отрядом сипаев. За воротами стояли низкие, одинаково построенные хижины. Там было много народа, особенно детей. Всем нам показалось странным, что жители не проявили ни малейшего любопытства, когда мы проходили. Нас было 11 человек, из них 10 верхом, все хорошо, а некоторые даже богато одетые, все в разных, незнакомых в этих местах мундирах. Несмотря на это, жители смотрели на нас без всякого удивления. Если бы 11 индийцев вот так же вошли в один из наших городов, мы побросали бы все и сбегались посмотреть на них. А ведь они такие же люди!

Мы остановились на плацу для маневров, напротив дольбара. Перед дворцом стоят 32 заряженные пушки, несколько мортир, не установленных на лафеты. Главный корпус здания выходит на площадь, где множество сипаев. Нас провели в шандери^а на краю города, где мы должны были расположиться.

Как только мы устроились, наш командир, вместо того чтобы нанести визит наместнику, как это надлежало сделать, повел представить нас Монктусейпу. Этот владетель встал нам навстречу, обнял нас, потом усадил по-нашему (т. е. не скрещивая ног). Он очень дружен с г-ном Хюгелем и долго беседовал с ним на мавританском языке, что является свидетельством самой большой дружбы. Он справился о наших именах, чинах, а также о том, есть ли среди нас женатые, спросил о некоторых знакомых ему французских офицерах, одних хвалил, других ругал, причем весьма справедливо. Нет такой похвалы, которой он не сказал бы о французах, и нет таких проклятий, которые он не произнес бы в адрес англичан, а также предпоследнего губернатора Пондичери¹⁸. Монктусейп сказал, кстати, что если бы король Франции захотел исполнить желание честных индийцев, по-настоящему любящих французов, а также и его личное желание, то королю надо было бы прислать этого

^а Крытая площадка для ночлега путешественников.

губернатора в Индию для того, чтобы его здесь казнили. Тут Монктусейп положил руку на эфес сабли и сказал (г-н Хюгель переводил нам весь разговор): «Я бы разрубил его на такие мелкие кусочки, что их легко смогли бы съесть муравьи». Потом рассказал об одной красивой женщине с Иль-де-Франса, которую он знал в Пондишери. Она научила его песенке, которую он до сих пор не забыл: «Отлупим, отлупим кумушку» и т. п. Он был весьма внимателен и приказал в его присутствии приготовить лимонад и угостить нас. После этого он с нами распрощался, так как наступил час отдыха, и весьма настаивал, чтобы мы пришли к нему ужинать. Г-н Хюгель пообещал.

Мы покинули этого почтенного правителя, обвороченные его любезностью и полные симпатии к нему. Ужинапа знал о визите, который мы нанесли Монктусейпу, и трижды предлагал нашему начальнику отвести нас к нему на прием, но г-н Хюгель отказался.

Мы ужинали у Монктусейпа. Он нас принял в присутствии своей свиты. Нам накрыли напротив него; перед каждым из нас стояло по шести блюд: большая миска плова (т. е. риса с птичьим мясом), чертовски острое карри, еще одно карри из птицы, блюдо рассыпчатого риса, пирожки и варенье. Мы принесли с собой свои столовые приборы, так как нас предупредили, что пользоваться ими можно, иначе же нам придется есть руками.

В 11 часов вечера Монктусейп послал двух масалги¹⁹ проводить нас, взяв предварительно обещание ужинать у него каждый вечер. Однако по дипломатическим соображениям мы сделали это только три раза.

23-го и 24-го мы отдыхали, а потом занялись багажом; надо было сократить число вьюков и выложить те вещи, которые могли понадобиться по дороге на Ширингапатнам. До этого города было еще 74 лье, и нам надлежало двигаться осторожно, так как маратты наступали, а Набаб был в походе. Во время нашего пребывания в Айдер-Нагаре каждый день нас посещали баядерки, предлагая свои услуги, но никто из нас этим не воспользовался.

Айдер-Нагар — крупный город, густо населенный людьми разных сект. Там довольно большие здания, много пагод, есть также католическая церковь. Солид-

ная крепость возвышается над городом. Однако есть еще пять-шесть более высоких мест, господствующих над ней. Улицы прямые, проложены хорошо, имеются прекрасные базары, а также публичные дома, предназначенные для наслаждений. Юноши в женской одежде зарабатывают себе там на жизнь тем, что предаются отвратительному разврату с другими мужчинами. В городе много португальцев, которые живут с женами и детьми в собственных домах и владеют землей. Они служат Набабу: одни — в артиллерии, другие — в расселах сипаев.

В крепости видны остатки бывшего дворца королевы Бидделуру; там много зданий, где размещаются Набаб со всей своей свитой, насчитывающей более 10 тысяч военных, и много также всякого рода складов. Сейчас там строятся два отдельных укрепления из тесаного камня, которые будут защищать вход в крепость со стороны города. На востоке основой укреплений форта служит скала, на которой он и построен, а по ее склонам возвышаются высокие стены с башнями по бокам и кавальерами²⁰. Все это составляет укрепления крепости. С севера имеется глубокий и широкий ров, подступы к которому простреливаются настильным огнем. Сделан он по плану одного европейца.

На всех хребтах гор, окружающих город с востока, созданы укрепления, башни и редуты. Каждое из этих сооружений защищает определенный объект: одни охраняют дороги, другие поддерживают связь, третьи — оборону друг друга; остальные являются сигнальными. Подобного рода укрепления есть на всех дорогах до выходов из леса. Лесистая местность простирается здесь на 36 лье, что сильно затрудняет ведение войны в этой стране.

Потребовалось бы очень много солдат для обороны этого места и примыкающих к нему укреплений. Если бы враг решил овладеть Айдер-Нагаром, для его защиты нужно было бы 50-тысячное войско. Нападающим пришлось бы штурмовать от 7 до 16 укреплений поочередно при условии, что посты будут хорошо защищены. К тому же осаждающие не смогут создать линию окружения из-за большой протяженности оборонительных рубежей, а также из-за Гатт, через которые у Айдер-Нагара всегда будет связь, если только противник не за-

владеет побережьем. В таком случае сразу же начнется голод. Теперь, когда Набаб владеет Карваром, Онором, Баколором, Манголором и Декалем — этими пятью пунктами, связанными с Гаттами, на площади в 200 лье на 80 лье, ему уже нечего бояться за свои владения. Однако все эти пункты находятся на первой линии обороны и расположены на морском побережье. Если один из них будет взят, то, поскольку нет второй линии обороны, враг сможет проникнуть в глубь страны лье на тридцать и подвергнуть ее разграблению. Учитывая, что местность эта является житницей части побережья и всех владений Набаба, это имеет большое значение. Несколько разбросанных в разных местах фортов, поддерживающих между собой коммуникации, не смогли бы защитить внутренние области страны. Правда, расположенные лагерем войска Айдера причинили бы большие затруднения неприятелю, поскольку враг смог бы проникнуть только со стороны моря и силы его были бы разъединены. Поэтому решительное наступление на войска противника могло бы, как я полагаю, заставить его быстро отступить к морю.

Мне сообщили, что англичане во времена своего господства в Манголоре взымали с населения огромные налоги. Я видел границы их владений. Это остатки старого укрепленного лагеря, рубежи которого они восстановили. Они простираются не более чем на 2 малых лье²¹ от Манголора. Англичане боялись слишком расширить границы лагеря, так как им трудно было бы охранять коммуникации. К тому же фланги их войск не были бы прикрыты, а англичан не любили в этой стране! По этим причинам они решили сосредоточить свои силы в Манголоре. Однако при приближении армии Набаба они с позором отступили.

Я сравнил бы Айдер-Нагар с таким городом в Европе, где бывает особенно много религиозных церемоний. Днем и ночью ходят процессии. Повод для них — свадьбы, достижение брачного возраста дочерью какого-нибудь важного лица (это называют праздником «прокола ушей», и действительно, их прокалывают как раз в этот день), исполнение какого-нибудь обета, похороны, жертвоприношение и т. п. В таких процессиях участвует множество людей, и меня уверяли, что при этом совершается много непристойностей, особенно по ночам. У всех

женщин, за исключением мавританок²², лица открыты. Браминок здесь очень много, все они богато одеты и, как мне показалось, очень красивы. Однако обычай натираться отваром шафрана, красить ногти в красный цвет и ресницы в синий, на мой взгляд, несколько умаляет их красоту. Браммы тоже красятся в желтый цвет, и к тому же у них мания наносить белую краску на лоб, живот и руки, чтобы все видели, что они поели²³. Мне показалось, что их мужчины и женщины лучше одеты, чем в других местностях, простолюдины же ходят почти голые. Однако брамы, канаратцы и баньяны, как мужчины, так и женщины, обычно завертываются в кусок ткани от пояса до ног. Мавры²⁴ одеваются иначе: они носят широкие шаровары и род стихаря из муслина, прилегающий на талии и стянутый кушаком. Браммы, как и баньяны, часто носят шапочки из красного бархата. Женщины завязывают волосы в узел и закрепляют его головной булавкой из какого-либо материала. Канаратцы отличаются от других каст своим тюрбаном: он меньше и иначе уложен.

Денежные операции здесь весьма оживленные. Именно в Айдер-Нагаре ведется бурная торговля ценными бумагами; там сильно развито маклерство и ростовщичество. Этот город является местом, куда съезжаются купцы и где заключаются все сделки с торговцами из других княжеств. Поскольку Айдер-Нагар расположен почти в центре владений Набаба и защищен от вторжения, здесь полное изобилие всего. Говорят, что в крепости хранятся несметные сокровища. Во всяком случае, там есть склады всякого рода оружия и боевых припасов.

Гарнизон насчитывает 6 тысяч солдат, из них примерно 300 всадников; кроме того, отряд европейцев человек в 30, из них 4 француза, 1 голландец, 2 англичанина и остальные — португальцы. Большинство из них служат в артиллерии. Все они по меньшей мере дезертиры, чтобы не сказать — бродяги и отщепенцы.

Каждый день наместник Ужинапа присутствует на учениях части гарнизона и раз в неделю ведет гарнизон в полном вооружении за полтора лье на маневры, изображающие войну. Когда он выходит из своего дворца, солдаты гарнизона хватаются за оружие, берут на караул, поднимают знамена, приветствуют его и барабаны

бьют поход. По манере нести службу можно подумать, что находишься в европейском гарнизоне. Ночью ходят патрули, разбиваются бивуаки, так как опасаются восстания каждый раз, когда маратты воюют с Айдер-Али-Камом.

На базаре можно найти все необходимые продукты и одежду. Португальцы, обосновавшиеся в этом городе, держат там магазины для европейцев! К счастью, мы не нуждались в их помощи.

Г-н Хюгель и один из моих спутников купили себе по волю. Я последовал их примеру и тоже приобрел вола, который с полной упряжкой обошелся мне в 40 ливров на наши деньги. Я нанял также слугу за 9 ливров в месяц, так что теперь у меня есть скотина и слуга! Однако, по сведениям, которые я здесь получил, дела наши, видимо, пойдут плохо.

29-го утром нам привели свежих коней, дали проводников и 500 носильщиков для нашего багажа. Мы попрощались с Монктусейпом и сели на коней у его дома. По приказу нашего начальника двое из нас поочередно шли с обозом, который следовал то впереди, то в центре, то сзади. Двое других были замыкающими, а остальные семь держались вместе. Этот приказ неуклонно исполнялся.

За 19 дней пути в Ширингапатнам у нас были четыре продолжительные остановки. Места ночевки были определены заранее, и менять их было нельзя. Получалось так, что в один день мы проходили 5 лье, а в другой — 10. Всюду, где мы ночевали (это было всегда в шандери, но никогда в закрытом помещении), нам предоставляли горшки и топливо, необходимые для приготовления пищи, а также воду. Иногда даже птицу или одичалую собаку.

Через каждые 3 лье нам попадались форты, в большинстве случаев плохие. Впрочем, некоторые из них содержатся в приличном состоянии, хорошо оснащены и имеют гарнизоны. Там мы видели одну или две пушки. Пять или шесть фортов были крупными для этой страны. Среди них Аталикера²⁵ и Азелле²⁶, а также крепости в Нарчипуре²⁷, Шакрипатнаме²⁸ и в Сатарапатнаме²⁹. Самой большой и содержащейся в лучшем состоянии является крепость Шакрипатнам. Там есть бруствер, ров, заполненный водой, крытый проход и

гласис. Вся крепость окружена непроходимыми болотами. В некоторых местах я видел до пяти пушек.

По дороге я обратил внимание на то, что за границей лесов, т. е. за Таликерой, растет много фруктовых деревьев, земля хорошо обработана, обильно орошается и весьма плодородна.

Все деревни окружены плодовыми деревьями: финиковыми, кокосовыми, арековыми, банановыми пальмами, а также гуавами, лимонными деревьями, хлебными и другими в зависимости от почвы. У каждого жителя растет по несколько таких деревьев. Он продает на рынке излишки плодов и вырученными за них деньгами уплачивает налоги правителю, а остальное прячет. Если ему повезет и об этих деньгах не узнают, он зароет их в землю. Если же его заподозрят в наличии денег, то его подвергнут пыткам, чтобы заставить их отдать. Поэтому здесь нет воров. Все путешественники ночуют среди деревни, в построенных для этой цели шандери, богатые попеременно с бедными. Не бывало случаев, чтобы при этом у кого-нибудь что-либо украли. Объясняется это, по-моему, тем, что у индийцев мало потребностей, а также тем, что, исходя из государственных интересов, им не разрешают иметь что-либо сверх самого необходимого.

Только баньяны, брамы и главы каст необычайно богаты. Накоплению богатств способствует их деловая деятельность, торговля и политика. Однако нередко и они испытывают на себе всю тяжесть деспотизма и оказываются вынужденными отдавать правителям крупные суммы денег. В Индии эти люди занимают такое же положение, как во Франции откупщики. Я видел одного человека, которого заподозрили в том, что он богат, и хотели заставить его отдать накопленное. Он все время отказывался, и тогда его отдали в руки четверем абиссинцам, которые бросили его в какое-то железное сооружение, изобретенное для вершения омерзительных дел. И... как только громом не поразит подобных людей, равно как и тех, кто приказывает совершать столь ужасные действия! Потом уже я узнал, что несчастный погиб от страшных пыток, которые над ним чинили, но не выдал своих сокровищ.

Урожай обещал быть хорошим, стада были тучные, население многочисленное, и народ выглядел счастли-

вым, насколько вообще можно быть счастливым в деспотическом государстве. Однако по мере приближения к Ширингапатнаму мы заметили, что число жителей в деревнях постепенно уменьшалось. Мы спросили, отчего это, и нам ответили, что Набаб забирает всех мужчин на принудительные работы.

По дороге нам встречались многочисленные стада диких быков и буйволов, огромные караваны с грузами, навьюченными на волов, артиллерийские орудия, которые тянули волы³⁰. Видели мы также посла, которого несли в паланкине, и его многочисленную свиту и т. п.

Мы очень страдали от жары, плохой пищи и усталости. Пятеро моих товарищей заболели дизентерией, а у меня все лицо покрылось какими-то чешуйками, хотя в общем я чувствовал себя хорошо.

16 февраля мы достигли предместий Ширингапатнама, и нас там заставили ночевать. Исмаэль Сейп, шурин Монктусейпа, является градоначальником Ширингапатнама и подчинен одному из вельмож Набаба.

8 февраля Набаб выступил в поход налегке, так как ему сообщили, что часть мараттских войск двинулась на соединение с основной мараттской армией, находившейся в Сираме³¹ (в 30 косах от Ширингапатнама). Желая помешать их соединению, 10 февраля Набаб атаковал эту часть и разгромил ее. Враг оставил много убитых; большое количество знамен и оружия попало в руки победителя. Потом Набаб осадил форт под названием Мартик³², находящийся около Биднура, но был принужден снять осаду. После этого он разбил лагерь в ущелье Мелькотта. Большие обозы выступили из лагеря, находящегося под Ширингапатнамом, на соединение с Айдер-Али-Камом.

В день, когда мы добрались до Ширингапатнама, нас поставили на ночлег в пагоде, стоящей на берегу реки Кольрам³³. Между матрасом г-на Хюгеля и моим стоял бронзовый бык, которому поклоняются индусы.

20-го нас расквартировали в самом Ширингапатнаме. Мы вошли в город с оружием и обозом. По приказу Набаба нам было отведено помещение, куда мы сложили вещи, которые не возьмем с собой в армию.

Наместник Ширингапатнама Исмаэль Сейп принял нас с восточной вежливостью; но ему многого недостает,

чтобы вызвать во мне те же чувства, которые внушил мне Монктусейп.

22-го нам дал аудиенцию младший сын Набаба³⁴. Он хорошо принял нас и проявил большую любознательность, особенно ко всему, что имело отношение к Европе. Он был очень огорчен тем, что Набаб не позволил ему отправиться в армию, и мы видели, как он заплакал обильными слезами. После этого визита наш начальник получил также аудиенцию у матери правителя.

Мы видели лишь часть дворца. Вопреки обыкновению он очень высок и лучше освещен, чем все другие здания, которые нам встречались. Там большие залы, стены которых оштукатурены смесью сахара, белка и молока, отчего они блестят, как лед. Мне сказали, что такой метод применяется для того, чтобы в помещения не проникали муравьи и другие насекомые. Зал, где Айдер-Али-Кам дает аудиенции, отделан в индийском стиле, т. е. грубо покрашен и позолочен. Там стоит балдахин и висят занавеси из пурпурного шелка с золотыми кистями. Больше всего меня поразил железный карниз пяди в три в окружности, и в сто с лишним пье длиной, сделанный из цельного куска железа. Карниз держится всего на двух винтах с обоих концов. На нем висят два шелковых занавеса в 15 локтей³⁵ шириной и 6 высотой.

За этим залом находится комната, где стоит кровать. Там Набаб отдыхает, когда не хочет идти в сераль. Меблировка очень проста. Там висят картины, написанные на стекле, на которых изображены члены английской королевской семьи.

Пройдя по антресолям дворца, где мы могли посмотреть только три или четыре зала (в остальные помещения нас не пустили), мы подошли к огромной, как ворота, двери, которая вела в сераль. Она из эбенового дерева и удивительно красиво инкрустирована медными и серебряными пластинками, а также 600 барельефами из резной слоновой кости. Такая невероятно дорогая работа имела целью запечатлеть все, что только может себе представить самое непристойное сладострастие. Видно, у художника было богатое воображение, так как ни один сюжет на 600 квадратных пластинках не повторялся.

Над главным входом во дворец находится большая галерея с деревянными пилястрами, которые, в свою очередь, опираются на высокие каменные пилястры. Отсюда Набаб наблюдает маневры своих войск на площади перед дворцом. Под ней расположены помещения дворцового караула.

Вокруг учебного плаца — арсеналы и казармы для пехоты, что придает площади правильную форму. На одном из углов этого плаца помещается старинный дворец правителей Майсура, где содержится сейчас последний потомок несчастной династии. Рядом с дворцом великолепная пагода с очень высокой и тщательно отделанной колокольней³⁶.

В общем, город построен хорошо. Там есть прекрасные здания, как, например, казармы для кавалерии. Улицы широки и правильно проложены; имеются красивые фонтаны. Здесь много мавров и брамов, и это способствует процветанию города. Расположен он на острове, на реке Кольрам, и вход в него по великолепному мосту. Предмостное укрепление построено в форме пятиугольника, и на нем установлено 16 пушек. Стены города очень высоки. Между первой и второй стеной — земляная насыпь с башнями, на которых кое-где расставлены пушки. Первую стену прикрывает вторая и батареи. Однако в окрестностях города имеются возвышенности, господствующие над разными его участками, а именно над учебным плацем и дворцом, поскольку местность, на которой стоит город, неровная. Старая часть города отделена от новой ровом, заполненным водой. Ворота в крепость прочные. Вход защищен пушками и подъемными мостами. В общем, в городе полный порядок. Военная служба налажена четко, на французский лад: каждый день в одно и то же время бьют в барабаны сигналы подъема, возвращения в казармы и смен караулов; по ночам ходят патрули, проводится проверка стражи на крепостных стенах и т. п. Ведь этот город — резиденция правителя, и он уделяет ему огромное внимание. Перед городом, с северо-восточной стороны, разбит лагерь, укрепленный естественными и искусственными рубежами, где в мирное время располагается армия. В старой части города находятся базары и все продовольственные склады. Мы хотели выйти за черту города, чтобы посетить укрепленный лагерь, но нас задержали

у ворот, и мы так и не смогли выйти. Есть еще одни ворота — на дорогу в Пондишери, выход через которые тоже нам запрещен. В Ширингапатнаме все время очень шумно. Днем и ночью передвигаются войска, везут орудия, гонят слонов. По-видимому, Набаб намерен продолжать войну: вопреки заверениям, что он собирается вернуться в Ширингапатнам, мы получили приказ присоединиться к нему в лагере под Мелькоттой, расположенном примерно в 7 лье отсюда.

Мы отправляемся на войну, не имея солдат. Нашего начальника ничто не останавливает, и он не желает ни о чем заботиться. Мы идем, полные сомнений относительно нашей дальнейшей судьбы. Мы скорее похожи на отряд конной полиции³⁷! Но только у них больше уверенности в своих силах, чем у нас.

23-го в 3 часа пополудни мы выступили со свежими конями и в полном вооружении по направлению к лагерю. Каждый из нас рассуждал по-своему обо всем, что видел. Казалось, что г-н Хюгель никогда не прибудет вовремя. Наконец ночью мы оказались у подножия горы, на которой стоят форт и пагода Мелькотты. Нам потребовалось два часа, чтобы добраться до вершины, так как у нашего проводника, видимо, были свои соображения, чтобы повести нас по пешеходной тропе, где нам пришлось спешиться. Гора покрыта довольно густым лесом, и мы пробирались по нему, не видя дороги, так как было совсем темно. Добрые четверть часа мы поднимались по лестнице. Через каждые 8 ступеней вырублена площадка в 24 пье глубины и 30 пье ширины. Лошади шли легко, и, когда без четверти десять взошла луна, мы смогли увидеть, какой трудный путь мы проделали. Лестница сделана из белого, тщательно отесанного, прочного и хорошо пригнанного камня, и, несмотря на то что была построена более 80 лет назад, она не пострадала ни от дождей, ни от ветров.

Форт весьма неважный, кирпичные стены очень низкие. Хорошо построенная пагода стоит на возвышении. Обслуживающие ее брамы происходят из высших каст и очень богаты. Говорят, что в Мелькотте самые красивые браминки Майсура.

Всюду мы видели великолепные пруды, выложенные камнем. Почти везде, где мы проходили, не было людей из-за близости армии.

Добравшись до вершины горы, четверть лье мы шли вдоль форта. Оставалось только спуститься в лагерь, огни которого указывали нам направление.

Мы ехали верхом цепочкой, на расстоянии примерно 10 туазов один от другого. Это делалось для того, чтобы наш отряд казался более многочисленным. Впервые заговорили о маневре, но я не высказывал своих соображений. К тому же среди ночи мы легко проникли в лагерь и приблизились к палатке Набаба, причем никто нас не остановил. Все это не создавало у меня хорошего мнения о моих начальниках и все больше убеждало меня в том, что наша миссия окончится плохо.

Четверть часа мы ожидали, пока Набаб отдаст распоряжения в отношении нас. Потом пришел адъютант и проводил нас на отведенное нам место. Еще через полчаса принесли и разбили большую палатку, в которой мы и заночевали, не раздеваясь, поскольку наши вещи еще не прибыли. Я не мог заснуть, так как сильно проголодался, а есть было нечего.

Наконец наступил день, прибыл наш багаж, и, после того как мы позавтракали, нас посетили несколько офицеров, а потом мы, в свою очередь, поехали верхом нанести им визит.

Армия расположилась лагерем в ущелье, причем каждое ее крыло выходило к пруду. Противник занял оба выхода из ущелья, отрезал все наши коммуникации и тем самым лишил нас снабжения.

В центре войска примыкают к форту Мелькотта. Но перед нашим лагерем находится господствующее над ним плато, и, хотя оно отделено от переднего края большим и глубоким оврагом, оно может стать для нас гибельным, если враг захватит его и получит благодаря этому возможность видеть и обстреливать наши позиции. К тому же наш правый фланг лишь с трудом может поддерживать связь с левым флангом. В линии фронта имеются разрывы, так как местность неровная. В лагере нет порядка: пехота перемешана с кавалерией; на правом фланге у артиллерии нет сторожевых застав и очень мало аванпостов. В этой армии, которую считали столь многочисленной, всего 1500 неплохо вооруженных пехотинцев и 8000 скверных всадников. Кроме нас есть еще 40 европейцев: одни служат в артиллерии (ею командует один португалец; в артиллерии — 45 пу-

шек разного калибра с ядрами от 4 до 11 фунтов; почти все эти пушки были захвачены у англичан); остальные (20 человек) под командой одного эльзасского ренегата составляют так называемую гусарскую роту. В действительности же они напоминают карнавальную кавалькаду. На всех — разные мундиры; одни без сапог, другие без пистолетов, а некоторые и без сабель. Этой армии не хватает 400 европейцев, которых, как нам сказали, там ждут, с тем чтобы иметь офицеров, способных командовать.

В лагере 60 слонов, 300 дромадеров, больше 10 тысяч волов и около 100 тысяч ослов.

Сегодня утром наш начальник получил письма из Пондишери, посланные в октябре прошлого года. Ему сообщают, что г-н Корт, назначенный лондонским Советом³⁸ и посланный в Индию в качестве чрезвычайного уполномоченного, поссорился с мадрасским Советом и уехал в Сент-Осме, отослав свою охрану, и теперь не желает ни во что вмешиваться; что двое других уполномоченных, его помощники, утонули в Мозамбикском проливе в январе 1770 г.; что приготовления англичан имеют целью начать войну с правителем Танжура, а раздоры среди мадрасских властей могут лишь задержать, но не отменить осуществление их плана.

В настоящее время у англичан в Мадрасе 3000 белых солдат и 2000 хорошо обученных сипаев, а сейчас, когда я пишу, там набирают 4000 патанских всадников, которые будут обучены, снаряжены и обмундированы на европейский лад и поставлены под командование английских офицеров^а.

Враги, т. е. маратты, наступают на нас. Ими командует храбрый и очень опытный вождь по имени Мамух³⁹. Один из наших отрядов столкнулся вчера с его авангардом в 25 лье отсюда и отбил у неприятеля несколько коней и верблюдов.

С 8 февраля Набаб имел преимущество над мараттами, но их вождь Мамух, раздосадованный тем, что наша кавалерия все время одерживала победы над его авангардом, находящимся уже в 11 лье от нашего лагеря, собрал 80 тысяч всадников и 2 марта обрушился на нас. Прежде чем описать этот бой, я расскажу о

^а Этот план еще не был осуществлен в апреле 1775 г

военной хитрости, примененной мараттским полководцем, а также об ошибке нашего Набаба, совершенной вследствие переоценки своих сил.

Айдер-Али-Кам, победитель англичан и неров, внушал уважение своими быстрыми победами над мараттами. Мамух решил пожертвовать несколькими тысячами своих воинов, чтобы выманить Набаба из его укрепленного лагеря под Ширингапатнамом в такое место, где его можно было бы атаковать. И это ему удалось. Укрывшись в Шира⁴⁰ со своим войском, Мамух имел время разведать о силах Набаба. И после снятия осады Мартиша⁴¹, видя, что Набаб занял позицию у Мелькотты, он решил идти в наступление.

Любовь и гордыня Набаба помогли мараттскому вождю: Набаб избрал это место для своего лагеря из-за одной браминки из Мелькотты, а удача, сопутствовавшая его армии, побуждала его слишком сильно презирать своего противника. Набаб не соизволил собрать больше 25 тысяч войска. Он говорил, что под его началом этого достаточно для того, чтобы натянуть нос всем мараттам.

26-го несколько отрядов нашей кавалерии под началом молодого командира по имени Лаламия вернулись в лагерь с 200 волами, 40 верблюдами и 100 конями, захваченными у мараттов.

27-го около 4 тысяч всадников под началом того же Лаламия выступили из лагеря на поиски мараттов. Они вернулись 1 марта с добычей, захватив 100 коней, 60 верблюдов и примерно столько же волов.

27-го г-н Хюгель отправил меня в Ширингапатнам, чтобы привезти оттуда селла, оружие, одежду и другие вещи. Я возвратился в лагерь со своим конвоем 28-го и нашел в нашем пикете 8 всадников, которых послал Набаб. Он предложил дать г-ну Хюгелю тысячу всадников. Набаб долго заплатил бы за то, чтобы иметь 600 кавалеристов-французов. При таком беспорядке все усилия становятся тщетными. Много людей здесь решают дела, в которых не разбираются, и множество других тоже желают делать то, в чем они ничего не смыслят, и всё меняют по своему усмотрению.

Хотя маратты находятся всего в шести часах пути от нашего лагеря, его не стали лучше охранять: Набаб же тем временем безмятежно предается забавам. Одна-

ко 2-го марта в два часа пополудни Мамух пробудил его от дремоты: это было нетрудно, так как лагерь плохо охранялся. В одно мгновение 10 тысяч голов выючного скота стали добычей врага и 200 солдат, застигнутых врасплох, заплатились жизнью. Несколько пушечных залпов уняли дерзость мараттов: к счастью для нас, они ворвались с той стороны, где стояла наша артиллерия. Это позволило нам провести рекогносцировку, стянуть войска и выступить против врага. Оправившись от изумления, Набаб отдал довольно разумные распоряжения, и тогда ружейным и пушечным огнем мы отбросили мараттов почти на 2 лье. Наступила ночь, и нам пришлось прекратить бой. Однако Набаб не воспользовался своими преимуществами: мы владели высотами, у противника совсем не было артиллерии, и он еще не успел подтянуть свои силы и, вероятно, был поражен полученным отпором. Все вражеские войска стояли в боевом порядке на дороге в Ширингапатнам, и наступление правым флангом обезопасило бы нас.

Весьма разумно было бы дать приказ об отступлении к Ширингапатнаму, поскольку мы занимали невыгодную позицию. Вдобавок у противника было в четыре раза больше воинов, чем у нас. К тому же, если у противника будет время провести рекогносцировку и подтянуть войска, трудно себе представить, чтобы мы смогли без потерь отступить по равнине на 4 лье на виду у него. Это надо было заранее предвидеть, но Набаб отдал приказ возвратиться в лагерь.

3-го марта мы увидели, что маратты занимают выгодные позиции: они расположились тремя корпусами параллельно дороге на Ширингапатнам. Один из корпусов, построенный в виде буквы Т, перерезал все наши коммуникации с городом, протянувшись вдоль нашего правого фланга, но на большом расстоянии от него. В этот день мы занимались только тем, что наблюдали в подзорную трубу за перемещениями вражеских войск, не обещавшими нам ничего хорошего.

4-го противник пытался овладеть плато, возвышающимся над нашим лагерем, но спешно поднятые в ночи солдаты на нескольких редутах, вооруженных одной пушкой каждый, помешали ему приблизиться. Он построился в боевом порядке, держась ближе к лесу на указанном плато. Под бой нагара⁴² мы пошли в наступ-

ление, но враг решил отступить. Мы вернулись в лагерь через 4 часа.

На сей раз противник захватил одну возвышенность и установил там 8 пушек 16-го калибра, которые причиняли много неприятностей нашему лагерю и заставили нас вдвое усилить оборонительные рубежи за счет левого фланга. Ночью наши втащили 8-калибровую пушку на ту сторону горы, где находилась мелькоттская пагода, и построили два редута у входа в ущелье, откуда маратты собирались застигнуть нас врасплох. Но пушка принесла нам мало пользы.

5-го вечером Набаб решил захватить вражескую батарею. Для этого вся армия вышла в поход; всадникам было приказано спешиться. Я никак не мог понять, зачем Набаб заставил тащить 24 пушки для этого неожиданного нападения. Перевозка всей этой массы орудий производила ужаснейший шум, и маратты тотчас же догадались о нашем передвижении. Они забросали нас горшками с горячей смесью и при их свете навели пушки на наш фланг, нанеся значительные потери. Нам пришлось вернуться в лагерь, потеряв несколько человек.

6-го рис продавался по 4 ф[анама] за унцию⁴³, начались ропот и массовое дезертирство. Кони два дня оставались без корма. Тогда Набаб принял решение отступить. Приказ был передан устно шупедарами, и в половине восьмого⁴⁴ мы снялись с лагеря. Г-н Хюгель проявил скромность и не потребовал необходимого числа носильщиков для переноски наших вещей. Поэтому нам пришлось сломать и сжечь больше трети нашего имущества. Вторую треть захватили маратты, а от третьей части того, что мы привезли с собой, которая лежала на складе в Ширингапатнаме, вследствие разных событий, по существу, ничего не осталось⁴⁵.

Армии был дан приказ уходить из лагеря по левой стороне ущелья тремя колоннами в разное время. Впереди следовал основной обоз вместе с кавалерией, потом пехота и, наконец, мелкие повозки под защитой пикетов всех родов войск. Мы же выступили лишь после того, как был спущен флаг Набаба. Мы выстроились в боевом порядке перед его палаткой. Итак, в половине десятого Набаб сел на коня и приветствовал нас. Вместо того чтобы сопровождать его, как сделал бы я, имей я

честь быть командиром, г-н Хюгель приказал нам выступить лишь после того, как гвардия Набаба сняла пикет. Он заверил нас, что при выходе из ущелья армия построится в каре по батальонам и тогда мы займем удобную позицию для парирования ударов, которые могут нанести Набабу.

Наконец мы достигли горловины ущелья, откуда должна была выйти армия. Там была такая путаница, что и не передать словами. Солдаты всех родов войск вперемешку с тягловыми животными были в беспорядочном непрерывном движении, и вскоре мы оказались в этой массе людей, усиливая хаос.

В этой суматохе мы с г-ном Хюгелем оказались отделенными от наших товарищей. Их молодые кони пугались слонов и верблюдов, а из-за непривычки большинства ездить верхом они не могли уверенно держаться в этой толпе. Мой командир, за которым я следовал, сидел на плохо объезженной лошади, которая вставала на дыбы и брыкалась, и видно было, что она пугается своих соседей. Всаднику было не по себе, и он мечтал лишь о том, как бы выбраться из ущелья. Слоны помогли в этом: прорезав толпу, они стали во главе колонны. Г-н Хюгель приказал мне ехать впереди, чтобы следовать за мной. Я исполнил его приказание, и некоторое время мы сходили вместе с теми из наших товарищей, которые к нам присоединились. Шагов через двести мы оказались у выхода из ущелья. Из-за отсутствия командования там происходила страшная сумятица: животные, обозы, артиллерия, слоны — все стремительно бросались вперед. Толпы людей кричали, что враги сейчас нас отрежут, а это было неверно. Продолжая следовать за слоном, я оказался в горловине ущелья и стал продвигаться дальше, хотя и видел, что моего командира за мной не было. Однако я не мог поступить иначе, так как меня уносил общий поток. Я продолжал двигаться вперед, так как командир сказал нам, что вся армия построится в каре с конницей и обозом в центре.

Выйдя из ущелья, я увидел рожицу. При первой возможности я выбрался из толпы и свернул влево от дороги, решив дожидаться командира и товарищей.

Я оставался там с четверть часа. Подобно тому как утопающий стремится добраться до скалы, чтобы спастись, но нахлынувшая волна уносит его далеко с собой,

я был подхвачен толпами людей, которые, вырвавшись из ущелья, казалось, стремились возместить себе за испытанные стеснения. Тогда, не имея иного выбора, я присоединился к одному чернокожему военачальнику. Он, видимо, разведаль путь и вел колонну вперед. Я был уверен, что днем мы снова соберемся вместе.

Я был вооружен саблей и двумя хорошими пистолетами с небольшим патронташем, наполненным, как и оба кармана, порохом и пулями. Конь у меня был сильный, хотя и невысокий.

Следуя за чернокожим командиром, который не понимал меня, как и я его, впереди слева я услышал ружейный выстрел. Было примерно половина четвертого утра. Я решил, что это был самопроизвольный выстрел, как это нередко случается. Мы продолжали путь, а за нами двигалась масса вьючных животных и тысяч 15—18 людей, кто верхом, кто пешком, с самым разнообразным оружием. Я принял всю эту вереницу за армейский обоз, а людей — за конвой. Но мои предположения оказались неверными: это была та самая третья колонна, о которой я говорил, но двигалась она в другом направлении, чем остальная армия.

В этом я убедился часа в четыре утра, когда услышал ружейную и пушечную пальбу и увидел разрывы множества фугетт в $\frac{3}{4}$ лье слева от меня. Тогда я покинул военачальника, который жестами показывал мне, что недоволен моим уходом. Я направился туда, откуда слышались выстрелы. Но, к моему несчастью, время от времени они затихали, и то, что я слышал, было всего лишь стрельбой по небольшому мараттскому лагерю, расположенному в виде буквы Т по дороге на Ширингапатнам. Стрелявшие хотели вынудить мараттов выйти из лагеря в поле. Наступил день. Я увидел отряд всадников. Вначале я принял их за своих, поскольку они находились между мной и нашей армией, которую я узнал по огню пехоты и по построению в каре. Как только эти господа меня заметили, от них отделилось человек тридцать, и по их манере приближаться с копьем наперевес, я понял, что это отнюдь не друзья. Я вынул пистолет и, положившись на быстроту ног коня, помчался обратно к отряду, который только что покинул, о чем теперь уже сожалел. Пять-шесть мараттов, у которых кони были лучше моего, уже перерезали мне дорогу, но

выстрелом из пистолета наугад я освободил себе путь. Я кинулся к своему конвою, но те, завидев врагов, бросились врассыпную, удирая во все лопатки и мешая друг другу.

Я не хотел бежать с этими несчастными, хотя на несколько шагов они и увлекли меня за собой. Спасение свое я видел только в соединении с армией, огонь которой по-прежнему указывал мне направление ее движения. Однако, чтобы добраться до нее, надо было проскакать целое лье, и только случай мог помочь мне избежать плена. Я немного передохнул, поскольку мои преследователи помчались за своими товарищами, которые не преминули появиться, чтобы убивать и грабить всех, кто не смог достичь леса.

Решив добраться до армии любой ценой, я полагал, что это можно сделать, несколько ее опередив, и что между нею и укрепленным лагерем около Ширингапатнама мараттов не будет. Однако я заблуждался. Высмотрев, где поменьше леса, я поехал туда с саблей в руке. Ехал я спокойно примерно пол-лье. Я уже поздравлял себя со спасением и, взобравшись на довольно высокую возвышенность, стал смотреть на отступающие войска. Поддерживая непрерывный огонь, наша армия отступала в порядке⁴⁶ перед 60 тысячами всадников, которые, на мой взгляд, лишь слабо атаковали арьергард. Я вдвойне радовался тому, что спасся сам и что спасена армия. Вдруг я увидел целую тучу мараттов, во весь опор с диким воем мчавшихся ко мне. Признаюсь, я подумал, что погиб. Но я твердо решил живым не сдаваться и, приняв это решение, пустился в противоположном от них направлении, держа путь, как я полагал, на Ширингапатнам, т. е. несколько правее прежней своей дороги. Я несясь через овраги и кустарники, оборачиваясь время от времени, чтобы увидеть, скоро ли от меня отстанут. Однако мои преследователи нагоняли меня, и чем быстрее я летел, тем сильнее ощущал, что конь мой выбивается из сил. Четверо мараттов, вооруженных очень длинными копьями, гнались за мной и в конце концов так приблизились ко мне, что я решил, что пропал. Справа, но довольно далеко от меня был лес, а слева, поблизости, я увидел овраг. Я решил, что единственное спасение — броситься вместе с конем в овраг, если только я успею до него добраться. Я рискнул сделать

это. К счастью, и конь и я сравнительно легко отделались: конь сломал несколько зубов, а я получил контузию головы, из-за чего у меня пошла кровь из ушей и из носа. Увидев меня лежащим на земле, враги, по-видимому, решили, что я и лошадь убиты, и не соизволили спуститься в овраг, чтобы убедиться в этом. Кроме того, увидев, что армия рассеялась и огонь прекратился, они, видимо, предпочли верную добычу и оставили меня.

Первое, что я предпринял после своего прыжка, это — вылез из-под коня и побежал, но шагов через двадцать, сообразив, что у меня нет никакого оружия, я остановился и стал очень внимательно прислушиваться. Я не увидел и не услышал ничего, кроме стука копыт моего коня, который поднялся и подошел ко мне. Я вернулся и поднял с земли свою саблю, выпавшую при прыжке. Вместе с конем мы стали выбираться из оврага, глубина которого, если верить моим глазам после такой встряски, была 20—25 пье. Возможно, правда, что глаза обманывали меня. Во всяком случае, овраг явно был глубоким, и маратты не захотели туда прыгать.

Через добрых четверть часа я нашел выход из оврага и снова сел на коня. Вскоре я увидел двух скакавших во весь опор раненых всадников, которых я признал за своих. Знаками они дали мне понять, что все потеряно. Поскольку они не останавливались, я поехал им вдогонку, и мы вместе отправились к небольшому форту. Едва мы успели пройти через калитку в воротах, бросив коней, как с другой стороны, в четверти лье от нас, мы увидели мараттов. Когда они проехали, мы ввели внутрь уставших до изнеможения коней. Мой конь, с тех пор как в 9 часов вечера я сел на него, без отдыха проскакал 16—17 лье, а сейчас уже было около двух часов пополудни. Форт, в котором мы оказались, был в 12 лье от Ширингапатнама, а наш лагерь — в 7 лье от этого города. У моего коня рот был в крови, две раны на крупе, и он, как и я, изнемогал от усталости.

Поскольку я и мои товарищи по несчастью были все в крови, бедным сипаям и нескольким брамам, находившимся в этом форте, пришлось нас раздеть, чтобы обмыть и перевязать раны. У одного из двух чернокожих всадников ударом сабли было снесено все плечо, а другой был ранен копьем в бедро. Их лечили по обычаю страны соком трав. Что касается меня, то я обтерся го-

рячим раком и перевязал голову своим носовым платком, смоченным в этой жидкости. За это время наших коней помыли, дали им корм, принесли поесть и нам. Я нуждался в отдыхе, испытывал голод и жажду, поэтому съел все, что принесли, т. е. рис и финики. После этого я собрался лечь отдохнуть, но судьба решила иначе. Форт, в котором мы находились, был обнесен лишь простой глинобитной стеной, там не было ни пушек, ни огнестрельного оружия. Гарнизон состоял человек из 30—40. Нам сообщили, что комендант решил отступить этой же ночью в более важный форт под названием Сатарапатнам, находящийся в 2 лье отсюда. Было принято решение тотчас же отправить туда и нас троих с проводником, которого нам выделяют. Хотя мы ссылались как на свою усталость, так и на изнеможение наших коней, все равно пришлось выступить, и в два часа ночи мы туда прибыли. Однако нам пришлось ждать до полудня, пока нам дали разрешение войти. Наконец, мы его получили и с удовольствием им воспользовались. По уплате за лекарство, пищу и проводнику, который нас сюда привел, у меня оставалось всего 12 экю.

Я сильно беспокоился за судьбу своих товарищей и о том, что станет со мной. Ведь я был единственным белым среди массы людей, речь которых совсем не понимал.

Начальник этого форта, видимо, отдал особые распоряжения относительно меня. Отвели место для моего коня (впоследствии я сам ухаживал за ним и лечил его) и угол в конюшне для меня. Затем принесли три глиняные миски разных размеров и указали мне место, где разжигать огонь: видимо, считали, что я стану сам готовить себе еду. Я поднес руку ко рту, желая показать этим жестом, что голоден, и вложил одному из сипаев в руку несколько монет. Тот решил, что мне нужен бетель, и пошел его купить. Из вежливости я немного пожевал его, а остальное отдал ему, за что он был весьма признателен. До закрытия ворот крепости меня посетило более тысячи человек, привлеченных любопытством. Однако я не мог отвечать на их расспросы.

Наконец вечером за мной прислал наместник города. Меня ввели в зал, где он находился, а с ним — местное начальство. Мне предложили сесть на пол, и он обратился ко мне на языке, которого я не понимал. Он

узнал меня, так как 20 дней назад мы проезжали через этот форт по дороге в Ширингапатнам. Тогда, однако, я был совсем в ином положении.

Я увидел браму — писца. Знаками я дал понять, что тоже хочу писать. Тогда он швырнул мне клочок бумаги, и я на всякий случай написал своему начальнику в Ширингапатнаме, поведав о всех событиях, которые со мной приключились. Затем, сняв кольцо, надетое на цепочку моих часов, я преподнес его наместнику, передав вместе с письмом и несколько раз повторив слово «Набаб». Тот решил, что письмо к Набабу и что я прошу его доставить. Тут же он отдал приказание одному браме, вручив ему мое письмо, и тот сразу исчез. Поклоном я выразил свое удовлетворение. Мое письмо дошло до адресата. Таким образом мое желание было исполнено.

Попрощавшись с наместником, я пошел на конюшню. Однако когда я выходил, у дверей я увидел старуху-дуэнью. Она взяла меня за руку, отвела в угол, где за занавеской стояло блюдо с рисом и какими-то приправами. Жестами она предложила поесть, и, приняв предложение, я дал ей за это несколько местных монеток. Я поступил неправильно, так как из-за этого наместник решил, что у меня много денег.

Вернувшись в свою конуру, я немного поспал. На следующий день я обнаружил, что спал не один: одежда моя вся кишела... Я не решался выйти, и в полдень мне принесли ту же пищу, что и накануне. В 11 вечера мне опять дали тот же паек.

В тот день прибыло 400 человек, спасшихся от врага, но среди них никого из моих товарищей не было. На третий день моего пребывания, а именно 10 марта, сипай, которому я отдал купленный для меня бетель, навел меня со своим товарищем. Как обычно, они мне что-то говорили, но я ничего не понимал. Один из них дал мне закурить, другой приказал что-то мальчишке, и тот принес мне воды. С тех пор каждый день он приносил мне ее, а мои сипаи посещали меня.

Весь этот день и следующий до полудня я не ел, поскольку господин наместник больше не присылал мне пищи. Я не жаловался, а дал денег моему маленькому водоносу, жестами показав, что голоден, и он мне принес поесть. Затем жестами же я объяснил, что мне нужна

еда и на завтра. Наконец, 12-го у меня кончились деньги. Я был в полном отчаянии из-за этого, а также из-за того, что никак не мог объясниться, чтобы меня поняли.

Два моих сипая, как я потом узнал, оказались братьями и оба служили под французским флагом в Маэ. Поняв по моим жестам, что у меня больше нет денег, они решили из милосердия кормить меня остатками своей пищи. Это означало, что, поев, оба они собирали на тарелках из банановых листьев то, что не доели, и приносили мне. Только стремление не умереть с голоду могло заставить меня есть эти объедки: ели они рис руками, а то, что не попадало в рот, падало обратно на тарелку. Потом они уминали рис грязными руками и снова клали в рот и т. д.

Вот до чего я дошел за те 11 дней, что провел в форте! Надо еще добавить, что, когда эти бедные люди стояли на посту, а это происходило два дня в неделю, мне приходилось выходить из конюшни и идти к воротам, которые они сторожили, чтобы получить там свою милостыню. Они не могли отлучиться с поста и не желали, чтобы кто-либо дотрагивался до их еды. У мавров принято не касаться пищи другого и даже не проходить близко, когда ее готовят. Поэтому они даже прячутся, когда едят.

Не имея больше сил бороться с «компаньонами», которые поселились на моем теле, и не зная, как от них избавиться, я стал заготавливать воду в мисках. Когда все засыпали, я раздевался донага и стирал чулки, рубашку и штаны. И хотя я проделывал это как можно чаще, подобные стирки все же не избавляли меня от моих «компаньонов». Впрочем, привыкаешь ко всему, и до 10 апреля эти насекомые, воспользовавшись моими невзгодами, невероятно расплодились.

Такова страшная картина моего существования за эти 11 дней, что я оставался в Сатарапатнаме. Я был так уступчив из боязни потерять единственную возможность существования, что исполнял все, что от меня требовали, и не решался отказываться идти к тем, кто прислал за мной. Дошло до того, что меня стали показывать любопытным как какого-нибудь редкого зверя. Поскольку в конюшне было темно, мне обязательно надо было выходить, и я удовлетворял любопытство пуб-

лики. Я все время надеялся, что судьба моя изменится благодаря письму, которое я написал, и чем больше проходило дней, тем больше появлялось у меня надежды. На 11-й день вечером мне показали жеста́ми, что надо сесть на коня. Однако прежде чем мы расстанемся с Сатарапатнамом, я должен объяснить, почему наместник так вел себя по отношению ко мне:

1. Когда мы впервые проезжали это место, мой начальник проявил высокомерие. Хотя с маврами и следует обращаться твердо, они чувствительны к дерзостям и к проявлению пренебрежения. Но мой начальник допустил крайность в обоих отношениях, и, как мне кажется, это отразилось и на обращении со мной.

2. В крупных поселениях, принадлежащих Айдер-Али-Каму, всегда есть брама, который является откупщиком, взимает налоги и распределяет собранную сумму. Это очень влиятельный человек. Кроме того, имеется военачальник, который как по религии, так и по положению всегда бывает противником откупщика, хотя с виду порой они и живут в добром согласии. В Сатарапатнаме, где я проживал, откупщик был обижен тем, что я не пришел к нему (а я не знал их обычаев), и потому он не пожелал определить мне средства к существованию. Впоследствии я узнал, что оба эти важных лица сильно поссорились из-за меня, причем откупщик утверждал, будто я нахожусь в его распоряжении.

Я поступил бы умнее, если бы не отдавал кольца, а пошел бы в серкар⁴⁷ требовать пропитания. Ведь откупщик только и ждал этого. Мне это сказали, когда нужда заставила меня выучиться по-мавритански, т. е. через два месяца после случившегося.

Наконец, 19 марта в 10 часов вечера я вышел из форта вместе с остатками армии, которая там спасалась. К уздечке моего коня привязали веревку, и, сев на коня, я обнаружил, что нахожусь под надзором четырех человек, один из которых держал веревку моего коня, а я — поводья. Вначале я решил, что эти люди были выделены для того, чтобы заботиться обо мне, но потом понял, что им было приказано не покидать меня из опасения, как бы я не дезертировал.

Всю ночь мы шли полями, среди вражеских отрядов, рыскавших в окрестностях Сатарапатнама. Сипаи несли зажженные фитили, и мы продвигались с большой осто-

рожностью. Однако дорога была настолько плохой, а ночь такой темной, что часто мне приходилось спешиваться. Я так тревожился о своем положении и так ослаб от плохого питания, что еле шел. Наконец в 6 часов утра мы прибыли в Шакрипатнам, где и остановились. В Шакрипатнаме хороший, удачно расположенный форт, находящийся в 8 лье от того, который мы покинули. Здесь я узнал, что мы направляемся в Айдер-Нагар (я имею в виду кавалерию, потому что пехота осталась в гарнизоне Шакрипатнама). Был отдан приказ платить мне, как и другим всадникам, едущим со мной, по 12 су⁴⁸ в день. На эти деньги я должен был готовить себе пищу, ходить за покупками на базар, лечить коня и т. д.

Из-за невыносимой жары в Индии я не мог долго ехать верхом и часто шел пешком, ведя коня в поводу. Но в первый же день сапогами мне сильно натерло ноги, и, не выдержав боли, я пошел босиком. Процесс привыкания был очень суров! Ногти на ногах были сбиты, а кожа сильно загрибела. К тому же пребывание на солнцепеке в течение всего пути вовсе не сделало меня красивее. Все индийские всадники (11 человек), выехавшие со мной, покинули меня, и я остался один. Судите сами о моем положении! Не умея ничего попросить, измученный невзгодами и усталостью, без денег, без белья и почти без одежды (я был вынужден бросить все, что носил, чтобы избавиться от терзавших меня паразитов)! Куртка для верховой езды, которую я надевал на голое тело, да синие полотняные штаны, подаренные мне одним сипаем,— вот и весь мой нелепый наряд. Мне пришлось однажды провести в лесу две ночи и три дня. Конь мой питался листьями и травой, а я состязался за банановые меню с павианами (вид обезьян почти с меня ростом) с саблей и пистолетом в руке. У меня уже не было сил ни идти, ни ехать верхом, и я с трудом преодолевал 4 лье в день. К концу дня я набрел на деревню, где несколько чернокожих жителей не испугались моего вида (до этого при виде меня десятки раз толпы людей разбегались во все стороны). Я остановился в этой деревне в месте, куда меня проводил один из местных жителей. Поскольку на моем коне было клеймо Набаба, ему дали корм. После того как меня провели по деревне, ко мне пришли все жители, а потом они стали давать мне немного риса, фруктов, а время от времени и

по несколько местных монеток. Потом меня провели на дорогу к Айдер-Нагару: я сумел им объяснить, что мне надо идти туда. Я пошел, ориентируясь на запад, зная, что Айдер-Нагар лежит в этом направлении. Когда по пути мне встречалось развесистое дерево, я привязывал к нему коня, а сам ложился в тень отдохнуть. Однако резкие крики обезьян, огромные змеи, жалобный вой тигра, а зачастую и появление его заставляли меня подниматься и продолжать путь. Я проходил $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ лье и уже чувствовал полное изнеможение и истощение. На следующий день мои страдания начинались снова. Так, за 25 дней я испытал все превратности судьбы. Но хотя в лесу и среди скал было полно хищников, я себя все же чувствовал там лучше, чем на равнинах: в лесу я находил фрукты, листья и воду. На открытых же местах не было ни фруктов, ни воды и невозможно было найти укрытие от зноя.

Теперь я убедился, что смерть глуха к стенаниям несчастных, ибо раз двадцать или больше я призывал ее, но тщетно. Мне кажется, что я встретил бы ее приход с удовольствием, до того я настрадался и отчаялся.

Наконец на 25-й день я прибыл в Айдер-Нагар, где уже побывал и где мой начальник так плохо вел себя по отношению к наместнику этого города. Он отказался явиться к нему в дольбар, несмотря на три приглашения, которые ему были посланы. Наместник, о котором я уже говорил, отдал приказание, чтобы меня поместили в конюшню вместе с моим конем. Впрочем, это уже не имело значения; в тех условиях, в которых я находился, я был так подавлен бременем всех невзгод, что мне уже было не до чванства и рассуждений о том, достойно ли меня подобное жилище. Я уже привык выпрашивать средства существования во всех населенных местах и хотел проделать то же самое и в Айдер-Нагаре, но мне сурово отказали в моей просьбе.

В Айдер-Нагаре живут, как я уже говорил, несколько европейцев. Они обосновались там и служат Набабу. Один француз, дезертировавший из полка Лалли, предложил мне свои услуги, поскольку хорошо объяснялся на местном языке. Я рассказал ему о своих тревогах по поводу средств к существованию, и тогда он предложил выступить на дольбаре моим переводчиком. Мы пришли

в дольбар, и мне было предложено там стать стражником при наместнике за 30 рупий в месяц. Я ответил на это предложение так, как оно того заслуживало. Моему переводчику было приказано передать мне, что даром кормить меня не будут. Когда я начал протестовать против столь дурного обхождения, то в ответ было прямо сказано, что и этого с меня достаточно и что, если бы у нас с товарищами было на что жить у себя на родине, мы не поехали бы так далеко искать лучшей доли.

Я ушел с дольбара, и тогда мой бедный переводчик, который, как мне показалось, был потрясен жестокостью этого решения, предложил жить и столоваться у него, пока я не получу известий от своего начальника. Я принял предложение этого порядочного человека^а и в течение всего времени моего пребывания в Айдер-Нагаре кормился у него и за неимением другого жилья спал вместе с его волами. Другой французский дезертир^б дал мне смену белья. Один португалец^в продал мне в кредит ботинки и чулки. Впоследствии я расплатился со своим гостеприимным хозяином и со всеми, кому был должен.

Не упоминаю о тех невзгодах, которые пережил в этом новом для меня обществе. Я был так счастлив, что попал в него. Помню, какую радость мне доставляло то, что я мог говорить по-французски. О милая родина!

Тем временем Айдер-Али-Кам узнал, где я нахожусь, но, видимо, не имея представления о моем положении, отдал приказ наместнику Айдер-Нагара дать мне проводников, охрану и денег с тем, чтобы я предпринял попытку присоединиться к нему в Ширингапатнаме^г. Мне предстояло пересечь территорию в 74 лье, занятую мараттами, идти только ночью, причем с людьми, которые меня не понимали. Я принял это предложение, и на следующий же день мы отправились в путь: 4 индийца и я на коне. Это было свидетельством моего горячего желания служить Набабу. Надеюсь, что никто не обвинит меня в том, что ради этого я не шел на любые жертвы,

^а Его звали Льевен.

^б Нормандец.

^в Мишель Гомес.

^г Эти деньги, в размере 20 пагод, или 192 ливров, с меня потом удержал г-н Рюссель, преемник г-на Хюгеля.

которые только можно было принести. Меня не останавливали ни усталость, ни лишения, ни новые трудности, которые мне предстояли, ни тем более неприятности, которых я не мог избежать.

Я отправился в путь и на пятый день прибыл в Талликеру. Проводники посоветовали мне здесь остановиться, чтобы отдохнуть самому и дать отдых моей свите и коню. Половина пути была пройдена, и меня уверяли, что через четыре ночи пути я уже буду в безопасности в Ширингапатнаме. Однако судьба решила иначе. Уже на следующий день на рассвете в 1/4 лье от города появились маратты. Жители бросились в форт, пытаясь спасти самое ценное из имущества, и стали угонять туда скот. Я же решил оседлать коня и следовать за проводниками. Мы углубились в лес, а затем добрались до довольно хорошего форта в 3 лье отсюда, где маратты ничего не могли предпринять. Форт и город Талликера были разграблены, дома сожжены. Я отделался потерей кухонной утвари, которую пришлось бросить. К счастью, она стоила недорого.

Когда мы прибыли в форт, его комендант дал понять, что мне следует вернуться в Айдер-Нагар: он получил об этом приказ Ужинапы. Действительно, так и было: Ужинапа отправил мне вслед срочное послание. Он знал о передвижениях мараттов, а письмо Набаба заставило его подумать обо мне.

Однако и я и те, кто хорошо знал Ужинапу, считали, что, посылая меня на воссоединение с армией Набаба, он хотел погубить меня: передвижение мараттов началось 19 апреля, а он отправил меня намного позже, после получения приказа, в котором Набаб велел отослать меня к нему, если это возможно. Ужинапа же боялся, и не без основания, что я сообщу его господину, как постыдно он со мной обращался.

Пришлось решиться вернуться в Айдер-Нагар, и я прибыл туда на двенадцатый день после отъезда отсюда. Мой гостеприимный хозяин отбыл из этого города со своими рассела, и мне пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы избежать плохого обращения, которое, вероятно, меня ожидало.

Я попросил у Ужинапы разрешения отправиться в Манголор, чтобы приобрести там одежду, в которой нуждался. Чтобы ускорить получение разрешения, я сде-

лал подарок коменданту серкара, от которого зависело исполнение этого дела. Я отправился в путь с двумя сипаями, которых мне дали в качестве проводников. Им было приказано привести меня обратно живым или мертвым. Весь путь в 40 лье я прошел пешком без всяких происшествий. На четвертый день я прибыл в Манголор и остановился у г-на Дево^а, адмирала Айдер-Али-Кама, который принял меня так тепло, как только можно было в этих условиях при его положении. Через неделю я опасно заболел: после падения 7 марта в голове у меня образовался нарыв. К счастью, гной вышел через ухо. Мой организм преодолел тяжелую болезнь, я набрался новых сил и через две недели уже был в состоянии продолжать путь. Из Манголора я написал своему начальнику письмо с просьбой добиться у Набаба для меня разрешения переехать в Маэ. Вместе с его ответом я получил это разрешение и воспользовался им, поскольку все равно никак не мог присоединиться к Набабу и испытывал нужду решительно во всем.

Я занял 100 рупий у г-на Дево на оплату расходов по поездке. Однако, несмотря на разрешение Набаба, мне пришлось действовать вопреки приказу наместника Айдер-Нагара и дать денег наместнику Манголора за разрешение покинуть его владения.

Таким образом, мне предстояло опять столкнуться с новыми трудностями, оставив место, где я столько испытал. Нужно было пройти 40 лье до Маэ в сезон дождей. На этом побережье они бывают так обильны в течение пяти месяцев в году, что часто меньше чем за два часа затопляют большое пространство. Мне пришлось переправляться через два десятка рек, что было не менее опасно, чем встречи с восставшими жителями этого края, которые беспощадно убивали и жгли все и всех, кто попадался на пути.

Пустился я в путь 8 июля 1771 г.

Я заказал себе своего рода носилки из четырех деревянных досок в форме вытянутого прямоугольника, на который натянули ремни и полотняный амакк⁵¹. Все это прикрепили веревками к бамбуковым жердям в

^а Он происходит из Сен-Мало⁴⁹, служил в торговом флоте и во время последней войны⁵⁰ провел несколько удачных операций у Бретонского побережья. Не знаю, по каким причинам он решил покинуть родину.

11 пье длиной. Я надеялся, что меня смогут нести в этом сооружении, но тщетно, так как из-за дождей и плохих дорог носилки оказались бесполезными.

Для этого я нанял 10 индийцев-носильщиков: восемь из них должны были меня нести, сменяясь по четыре человека, и помогать переправляться через реки, девятый — нести корзину, в которой лежали 4 бутылки вина, рис и несколько кусков жареного мяса, а десятый — нести другую корзину со всем моим имуществом.

Кроме того, у меня был доверенный слуга кафр, которого мне одолжил адмирал. Он нес ружье, с которым умел обращаться. У меня было еще одно двухствольное ружье, которое я занял, сабля, пистолет, порох и пули — вот и все мое вооружение.

Вид у меня был чрезвычайно странным.

1. У меня были мавританского вида усы: начинались они под носом и извилистой линией доходили до ушей. Это было неудобно. От жгучего солнца и изнурительной жары кожа у меня на лице не только стала цвета эбенового дерева, но и потрескалась в нескольких местах, а усы, которые обязательно надо носить, когда едешь по этой стране, растревляли эти ранки. Из-за мошкар, дождей и всех других невзгод я так исхудал, что вся моя фигура приобрела уродливые формы и могла вызывать жалость даже у самых жестокосердных.

2. Голову я закутал платком, а сверху надел плохую белую шляпу.

3. Одет я был, по обычаю этой страны, в камзол из хлопчатобумажной ткани, широкие мавританские шаровары, скорее походившие на юбку, чем на что-либо иное, и в плохие сапоги на босу ногу (у меня была всего одна пара чулок, которые я берег для Маэ). Кусок шелка служил мне поясом, и, когда я затягивал его потуже, я мог обходиться без пищи.

Представьте себе, что среди леса вам повстречается подобное существо с двухстволкой на плече, пистолетом за поясом и большой саблей на перевязи, и я уверен, что вы постараетесь поскорее избавиться от его общества.

Из Манголора я отправился в Мангескрей, находящийся, как мне сказали, в 4 лье по суше после переправы через реку, а вернее, через пролив, где некогда находился порт Манголор.

Из Мангескрея я отправился в Комелей, расположенный в 4 лье от него. В этом месте водится масса летучих мышей размером с наших цыплят. Их обдирают и с большим удовольствием едят в виде рагу. Мой кафр убил двух из ружья. Достались они ему с большим трудом, так как когтями, которые у них на крыльях, мыши цепляются за деревья, где он их и настиг.

Из Комелея я направился в Кассеркот, находящийся в 4 лье от него. Чтобы добраться до него, надо было переправиться через две реки. Я разделся и одну из них переплыл при поддержке двух моих индийцев; через другую реку я переправился в корзине, которую я сейчас опишу.

Такие корзины делают из бамбуковых палок и индийского тростника. Они овальной формы и бывают разных размеров. Внутри они обтянуты буйволово́й кожей или кожей какого-нибудь другого животного, которую крепко сшивают. В такую корзину — в зависимости от ее размера — могут сесть один, два, три, а иногда и четыре человека. Сидят они там скрестив ноги или на пятках. Вода в корзину не проникает. Нантуньс⁵² толкает в реку это хрупкое сооружение. Потом вместе с помощником он бросается в воду, и, плывя, то тот, то другой подталкивает руками корзину, и так она, непрерывно крутясь, достигает другого берега реки.

Вот так устроена понтонная переправа в этой стране, служащая порой для переброски 10—12 тысяч пехотинцев (конница же всегда переплывает реку сама). Такие корзины движутся быстрее, чем двухвесельная лодка. Я несколько раз переправлялся таким способом через реку, правда не без опасений, но без всяких происшествий.

Из Кассеркота я отправился в Декаль, в 4 лье отсюда. Чернокожие, проживающие в 7—8 лье вокруг, взбунтовались, убивали и поджигали все и всех почти под жерлами пушек форта Декаль, который является довольно большой крепостью, способной обстреливать и море и сушу.

Из Декаля в Осдронг, находящийся от него на расстоянии 3 лье, надо пройти через лес, полный этих убийц. Комендант Декаля дал мне двух сипаев в качестве эскорта. Через полтора лье я увидел небольшой форт на другом берегу реки. Мне пришлось переправ-

ляться через реку одному, в маленькой пироге. Ветка кокосовой пальмы служила мне веслом. Там мне дали четырех сипаев, которые провели меня к Осдронгу, последнему и довольно крупному форту во владениях Айдер-Али-Кама. Переночевать здесь было невозможно, и я нанял еще четырех сипаев (я все время оплачивал их услуги), чтобы провести меня в Ниллессеру, первый форт, принадлежащий Али Радже. Некогда этот форт был владением французской Компании. От Осдронга до Ниллессеры 3 лье. Погода была ужасная, а мне предстояло еще переправиться через три речки. Через две из них я перебрался в маленьких пирогах, а через третью, которая разлилась на пол-лье в ширину, пришлось переправляться с помощью чернокожих частично вплавь. Глубина этой реки достигала 4—5 пье.

Этот день был для меня особенно опасным: здесь было полно разбойников, и мои сипаи чувствовали себя настолько неуверенно, что всю дорогу шли с зажженными фитилями для ружей. Нам встречались отряды по 20—30 человек, вооруженные топорами, копьями и кайе-токами. Однако они нас не тронули; впрочем, мы были вполне готовы к такой встрече. Наконец я благополучно прибыл в Ниллессеру, где, по сравнению с тем, что было по пути, я хорошо устроился. До сих пор мне приходилось проводить ночи под открытым небом, а тут меня все же поместили в конюшне.

Из Ниллессеры я отправился водой в Маттелей, расположенный в 3 лье отсюда, и в тот же день — в Кавайе, находящийся на таком же расстоянии от Маттелея. Во время этого перехода я очень устал, да и погода была скверной. Чтобы добраться до Кавайе, надо было переправиться через реку, на берегу которой он расположен. Я потратил более двух часов, пока добился, чтобы мне дали пирогу, несмотря на то что со мной были два человека, которые должны были довести меня до Кананора и за плату обеспечивать меня всем, в чем я нуждался. Наконец часам к 5 пополудни я переправился через реку. Промок я до нитки, а сухой смены одежды у меня не было, и поэтому пришлось провести весьма неприятную ночь прямо на земле у ворот (иными словами, у рынка, или базара. Все они построены по одному образцу. Перед лавками находится крытая площадка, где и ночуют путники. Поскольку она всегда

открыта, нередко случается, что по почам туда забирается тигр и уносит какого-нибудь несчастного, спящего глубоким сном).

Из Кавайе мне предстояло пройти 5 лье и переправиться через три реки, чтобы попасть в Беллипатам. Последняя из этих рек тоже носит название Беллипатам, и в нее заходят суда по 300—400 тонн водоизмещением. Она очень широкая и глубокая. В ней водится много кайманов (гигантские амфибии, которые пожирают людей как на суше, так и в воде).

Во время этого перехода я видел знаменитую Монт-Формоз⁵³, на которой стоит весьма почитаемая индусами пагода. Гора эта очень высокая, покрыта прекрасным лесом, годным для мачт и постройки судов. Немного подальше от ее подножия к востоку и ближе к побережью находится Монт-Эли, на вершине которой стоит английский форт, некогда принадлежавший нам. Каждый год в него ударяет молния.

Из Беллипатама я прибыл в Кананор, столицу империи Колестри, а ныне являющийся владением Али Раджи, которому Айдер-Али-Кам на правах завоевателя отдал это вместе со всей подчиненной территорией от Ниллессеры до реки Дермапатам. Али Раджа пользуется там правом взимания дорожных пошлин, хотя у англичан на южном берегу есть форты.

Кананор — очень большой город с многочисленным населением, принадлежащим к разным сектам. Это резиденция правителя. Я не видел там красивых зданий. Дворец Али Раджи очень большой, но безвкусно построенный, как и почти все другие здания здесь. Они приземисты и так закрыты, что лучи солнца едва туда проникают. При их постройке архитекторами руководили азиатское сладострастие и ревность.

В этом городе полно маппелов и людей других каст Малабарского побережья. Тут есть католическая церковь и много католиков: португальцы, французы (все они служат в артиллерии правителя) и, наконец, брамы, поскольку их везде много.

Когда я был в Кананоре, я видел Али Раджу и разговаривал с ним, так как к нему приводят всех проезжих иностранцев. Одет он был весьма просто и отличался от других маппелов лишь тюрбаном, который был у него белее и из лучшей материи. Он довольно хорош

собой и выглядит лет на сорок. Кожа у него цвета пробкового дерева, он очень полный и с виду похож на мелкого правителя; у него острый взгляд, лицо умное. Он невысок, но сложен пропорционально и, видимо, человек нервный.

Когда меня ввели к нему, он стоял на тронном возвышении. Он спустился с него, опираясь на плечо одного из своих министров. Я приветствовал его, и он спросил меня, откуда я пришел, кто я и куда направляюсь. Отвечая на первые два вопроса, я солгал. Он поинтересовался королевской семьей, силами Франции и восстановлением владений Компании⁵⁴. Вся беседа шла на португальском языке. Потом через дивана, на плечо которого он все время опирался, он передал мне, что так же любит французов, как ненавидит англичан. Под конец он просил меня по-португальски передать привет губернатору г-ну Пико, пожелал мне доброго пути и предложил охрану, за что я его поблагодарил. Когда я уходил, он попрощался со мной. Он говорит по-мавритански, на языке каннара, на малабарском⁵⁵ и португальском, немного понимает по-английски и по-французски.

Я провел в Кананоре лишь один день, а на следующий день ранним-рано уехал, чтобы скорее прибыть в Маэ, находящийся в 6 лье отсюда. Дорога чрезвычайно трудная, и перевозить по суше 4-дюймовые пушки и ядра здесь можно только летом, когда дороги несколько лучше. Во всяком случае, те, по которым я пробирался, были так обрывисты, что в некоторых местах приходилось карабкаться на четвереньках. Наконец я достиг северного берега реки Дермапатам и вскоре в большой корзине добрался до места с моими спутниками.

Меня провели к коменданту английского форта, который меня подробно расспрашивал, вынудив, из опасений ареста, многое ему налгать. Он отпустил меня и дал в сопровождение одного топаса, чтобы помочь мне переправиться на другой берег, так как форт Дермапатам, деревня и католическая церковь находятся на острове, носящем то же название.

Пройдя мимо пяти или шести фортов, я прибыл в Телличерри, центр английских владений на Малабарском побережье, зависимый, однако, от бомбейского Совета. Меня провели в форт для встречи с губернатором. Однако увидев, как плохо я одет и как ужасно выгляжу,

он не пожелал со мной говорить и приказал, чтобы меня провели к военному коменданту. Последний оказался вполне порядочным человеком: когда я ему сказал, что я — служащий французской Компании и, заболев, задержался в Гоа, откуда теперь направляюсь в Маэ, он тут же дал мне разрешение продолжать путь.

14 июля 1771 г., в воскресенье, в два часа пополудни, я прибыл в Маэ. Я хотел остановиться в гостинице, но хозяйка, несмотря на то что я хорошо говорил по-французски, сделала все, чтобы убедить меня найти другое место жительства. Однако я стоял на своем, много раз упомянув притом г-на Пико. В конце концов она смягчилась, хотя мой вид и пугал ее.

Я поел и попил, так как очнь нуждался в этом. Потом приоделся, как мог, учитывая скудость моего гардероба, и к пяти часам пошел к губернатору. Г-н Пико, которого известили о моем прибытии, любезно избавил меня от необходимости заново пережить все невзгоды, рассказывая о них.

Я многим обязан и за то внимание и учтивость, которые проявили ко мне г.г. офицеры гарнизона^а. Одни снабдили меня бельем, другие дали займы денег, а один из них даже поселил меня в своем доме. Потом они пригласили меня столоваться вместе с ними, и я согласился, хотя г-н Пико предложил делать это у него.

В Маэ я прибыл больным. Однако оказанная мне помощь, радость, которую я испытал оттого, что вновь оказался среди своих соотечественников, вскоре восстановили мое здоровье.

Дела Набаба приняли худой оборот, цель, ради которой я был послан сюда, не осуществилась; кроме того, в министерстве произошли перемены⁵⁶, а судя по письмам, которые я получил от г.г. Ло и Хюгеля, у меня не было никакой возможности достойным образом жить, оставаясь в Индии, поскольку с самого дня отъезда из Европы я не получал ни одного су жалованья и не имел никаких средств к существованию. Поэтому я решил, с согласия г-на Ло и с разрешения г-на Хюгеля, возвратиться в Европу. Вот уж два года, как ни один французский корабль не приходил к Малабарскому побережью, кроме флейты «Маскарен», но и та давно отбы-

^а Г.г. де Вузин, де Мезоннес и Марэн.

ла. Поэтому мне следовало бы отправиться в Пондишери и там дожидаться случая уехать. Но в Маэ у меня были долги, а денег на то, чтобы поехать на Коромандельское побережье, у меня не было, и мое положение с каждым днем становилось все хуже.

Тем временем, к моему счастью, случилось так, что английский губернатор Телличерри захотел познакомиться со мной. Он отнесся ко мне с уважением. У него была сестра, которую тронул мой рассказ о пережитых страданиях. Оба они прониклись истинным сочувствием ко мне. Когда я им сообщил, в чем нуждаюсь, они помогли мне во всем! Мне было предложено белье, одежда и деньги, а также обеспечен проезд на английском корабле «Даттон» водоизмещением 2000 тонн. Все это было сделано с согласия г-на Пико.

Я пробыл два месяца в Телличерри, живя с этими двумя честными людьми так, словно был их братом. Когда 13 января 1772 г. я уезжал в Европу, они обливались слезами. Я оставил сэру Боддаму переводной вексель на 314 ф. ст. К ним обоим — к нему и его сестре, миссис Пимбл, я испытываю признательность, любовь и восхищение, ибо они этого вполне заслуживают.

Как только я прибыл в Европу, я погасил свои денежные обязательства по отношению к сэру Боддаму. Я испытываю сильнейшее желание выразить ему или кому-либо из его родных свою благодарность за те исключительные услуги, которые он мне оказал.

Несмотря на все имевшиеся у меня рекомендации на имя капитана Рикса, он плохо обращался со мной на борту своего корабля. Я бы, наверно, погиб, если бы не встретил на мысе Доброй Надежды кавалера де Монтея, командовавшего королевской флотилией. Он увозил во Францию войска, предназначавшиеся для войны в Индии. Де Монтей охотно согласился принять меня на борт «Аксонера», которым командовал. Мне показалось, что началась новая жизнь. Я прибыл в Брест 14 июля 1772 г. полный чувств уважения и благодарности к г-ну де Монтею, которому отдаю должное за его талант водить корабли, а также и за доброту его характера. Такие же чувства я испытываю и ко всему старшему офицерскому составу корабля^а.

^а Г.г. Дюма, де Форестье, де ла Ривьер, дю Борран, дю Кампер и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть I

Глава I

¹ Гюго здесь обращается к некоему вымышленному лицу.

² Правильно: Хайдар Али-хан.

³ Правильно: *наваб*, т. е. князь. Так автор называет Хайдара Али.

⁴ Это неверно: имеются данные о деде Хайдара Али, мусульманине Вали Мухаммаде, прибывшем в Декан из Дели. Гюго пользуется здесь слухами, ходившими среди населения.

⁵ Т. е. секту шиитов.

⁶ Правильно: *джагир*. Так называлось крупное земельное пожалование. Перевод термина «джагир» как графство неточен.

⁷ Правильно: Бенгалуру.

⁸ Правильно: Хайдар-наик (*наик* — предводитель). Европейцы в Индии обычно называли Хайдара Али Андернеком.

⁹ Правильно: Шрирангапаттанам (на европейских языках — Серингапаттам) — столица Хайдара Али.

¹⁰ Правильно: Каннара.

¹¹ Правильно: Бидуруру («Бамбуковый город») (у европейцев — Беднур). Бидуруру, столица княжества Икери, был завоеван Хайдаром Али в 1763 г. В Бидуруру Хайдар Али нашел несметные сокровища, собранные несколькими поколениями правителей Икери. Крепость Бидуруру была очень сильной, и Хайдар еще укрепил ее. Поскольку княжество Икери было сюзереном ряда небольших княжеств на Малабарском берегу, то Хайдар Али, завладев Бидуруру, считал себя господином побережья Южной Каннары и более южных районов, т. е. того, что тогда называлось Малабаром, и завоевал его.

¹² Правильно: маратхи.

¹³ Правильно: Хайдарнагар («Город Хайдара»).

¹⁴ *Серай*, или *сераль*, — имеется в виду помещение для гарема. Это слово (от «сарай», перс. — здание, дворец) никогда в таком значении не употреблялось в Индии.

¹⁵ *Лье* — старинная французская мера длины, равная 4,4 км.

¹⁶ *Брами* автор называет индусов.

¹⁷ Словом «пагода», заимствованным из Китая, европейцы в XVIII в. обычно называли индуcский храм.

¹⁸ Правильно: *веттиан*, или *велутедан*, — низкая малайяльская каста, уборщики.

¹⁹ *Туаз* — старинная французская мера длины, равная 1,95 м.

²⁰ Правильно: Мангалуру — порт на побережье Каннары.

²¹ Имеются в виду Западные Гхаты, цепь гор вдоль западного побережья Индии.

²² Правильно: д а р б а р — двор правителя или наместника, место аудиенции.

²³ Ныне Гоа возвращено его древнее название — Панаджи. Был завоеван португальцами в 1510 г., став центром их владений на Востоке. В XVIII в. уже находился в упадке.

²⁴ Сонда — в XVIII в. небольшое, но богатое княжество с сильно укрепленной столицей, носящей то же название. При нападении Хайдара Али правитель Сонды бежал в Гоа к португальцам.

²⁵ Имеется в виду Лалли-Толландаль, губернатор Пондишери (Путтуччери), столицы французских владений в Индии.

²⁶ Правильно: Тарангампади («Деревня у волн») (у европейцев — Транквебар) — небольшой город-порт на восточном побережье Индии, откупленный у раджи Танджавура и принадлежавший в 1616—1801 и в 1814—1845 гг. датской Ост-Индской компании.

²⁷ Католический епископ Бомбея. В рукописи «Путешествие в Азию» Гюго объясняет, что он жил в крепости, находящейся в деревне Бирр, в полутора лье от Карвара. В книге Мэстр де ла Тура «История Хайдара Али-хана» это место называется Опир. На картах оно мною не найдено.

²⁸ Правильно: харкара, или хиркара.

²⁹ Карвар в XVIII в. был крупным портом на западном побережье Индии; в 1752—1801 гг. принадлежал португальцам.

³⁰ В 1771 г. Хайдару Али было 50 лет.

³¹ Так европейцы называли в XVIII в. набивной ситец.

³² От итальянского *tocco*. В Индии это слово не употреблялось, а во Франции известно с XVI в. Вероятно, автор слышал его от одного из французских офицеров и решил, что оно индийское.

³³ Правильно: ч а п (фарси), или ч х а п (хинди), — печатка, перстень с личным знаком. У Хайдара Али перстень был с арабской буквой «х» — первой буквой его имени.

³⁴ Речь идет о тиковом дереве. В «Путешествии в Азию» Гюго следующим образом описывает «дерево битре»: «Очень хорошая древесина с прожилками, используется в Азии для столярных работ, из нее делают очень красивую мебель. Глянец, который ей придают (это легко сделать с таким деревом), изумляет, когда видишь впервые. Это дерево не поддается ни червям, ни кария (беленьким червячкам), и поэтому его предпочитают для столярных изделий. Вывозят его из Суратта».

³⁵ Правильно: ч о к и д а р ы — вестники, стражники.

³⁶ Правильно: дубхаши.

³⁷ В других местах рукописи автор называет «мавританским» язык фарси. Здесь он перечисляет отдельно «мавританский» и «персидский» языки. Возможно, что в данном случае под «мавританским» он подразумевал язык урду, распространенный в XVII в. и отчасти в XVIII в. в Декане как язык двора разных правителей.

³⁸ От португальского *gorgoleta*. Имеется в виду кальян.

³⁹ Д и в а н — в Индии министр налогового ведомства.

⁴⁰ Неизвестно, кого здесь подразумевает автор. Во главе флота Хайдара Али стоял Али Раджа, правитель Кананнура (в написании Гюго — Кананор).

⁴¹ Правильно: телугу — один из языков Южной Индии.

⁴² Бой (англ.) — так европейцы называли в Индии слуг.

⁴³ «Черными» или «чернокожими» европейцы называли в то время индийцев.

⁴⁴ П а л л ь — парусное судно.

⁴⁵ Правильно: г и д р а в а р — наблюдательное весельное судно.

⁴⁷ Правильно: г а л е о т а — весельное судно.

⁴⁸ Правильно: г а л л е в а т — небольшой весельный корабль на 30—40 гребцов. Часто слово «галлеват», или «гальветта», применялось для обозначения пиратского судна. В этом значении слово «гальветта» встречается у автора ниже.

⁴⁹ Имеются в виду ракеты. С боевыми ракетами европейцы познакомились в XVIII в. в Индии и стали их применять в европейских войсках в начале XIX в. Однако в Европе ракеты служили не для того, чтобы сеять панику среди боевых животных, как в Индии, а в качестве поджигательного и осветительного средства, главным образом при осаде городов.

⁵⁰ Правильно: Мелукота. Местоположение богатого вишнуитского храма недалеко от Шрирангапаттанама, где 5 мая 1771 г. произошло сражение с маратхами. Хайдар Али потерпел полное поражение. Эта битва описана автором в гл. II ч. II.

⁵¹ Правильно: маппилы, или мопла, — жители Кералы (Малабарского побережья), считавшиеся арабского происхождения, мусульмане по религии.

⁵² Речь идет об Али Радже, владельце Кананнура. В XVIII в. маппилы занимались преимущественно торговлей и ростовщичеством, а также брали в заклад земли, принадлежавшие индусам из каст воинов (наиры) и жрецов (намбудури). Наиры устроили в 60-е годы XVIII в. резню своих кредиторов. Под предлогом защиты единоверцев-маппила Хайдар Али вторгся в южную часть Малабарского побережья и завоевал весь берег. После ухода войск Хайдара Али наиры опять восстали, и Хайдар вновь отвоевал Малабар. После этого он отдал Кананнур Али Радже, своему вассалу и адмиралу морского флота.

⁵³ Правильно: Кург.

⁵⁴ Правильно: а л д е а (aldeia) — деревня. Европейские путешественники в Индии в XVII и XVIII вв. часто называли деревню этим португальским словом.

⁵⁵ Правильно: Карната — то же, что Каннара. Европейцы в XVIII в. произносили это слово как Карнатак или Карнатик и применяли его к местности на восточном побережье Индии, за Гхатами. Здесь Гюго употребляет его так, как было принято у индийцев, подразумевая Каннару.

⁵⁶ Гюго, видимо, не знал о золотых приисках в районе Колара.

⁵⁷ Па г о д а — золотая монета, во времена Хайдара равная примерно 3½ рупиям.

⁵⁸ Ф а н а м — у Хайдара был золотой монетой, но после него чаще серебряной. В пагоде в XVIII в. было обычно 40—42 фанама.

⁵⁹ Эти указания — лишь литературный прием, заимствованный из «Путешествия в Азию».

Г л а в а II

¹ Правильно: лакх. 1 лакх = 100 000 (не обязательно рупий).

² Здесь слово «Карнатта» употребляется так, как обычно у европейцев, т. е. имеется в виду восточное побережье за Гхатами.

³ Правильно: Хонавар — крупный порт на западном побережье Индии.

⁴ К а н д и — мера зерна, равная примерно 500 фунтам, однако сильно варьирующаяся в разных местностях Индии.

⁵ Правильно: Таличери — английское владение на западном побережье Индии.

⁶ Правильно: Кундапур. Ныне — деревня у места впадения в море трех рек.

⁷ Правильно: Басаруру («Город у финиковой пальмы с узорными листьями»). Португальцы исказили это название, превратив его в «Барколор». Некогда Басаруру был важным портом, через который шла торговля со всем Малабарским побережьем и с Персидским заливом. Однако после постройки голландцами фактории в Кундапуре, оттянувшей туда торговлю, Басаруру постепенно стал хиреть и в настоящее время превратился в деревню под названием Басрур.

⁸ Французская морская сажень равнялась примерно 2,6 м.

⁹ Правильно: сарраф, но индийцы часто произносят это слово как «шроф».

¹⁰ Т а р р (правильно: «тарам» на малаялам) — обычно мелкая серебряная монета. Судя по определению Гюго, в те времена она обесценилась и стала уже медной монетой.

¹¹ Правильно: к а ш у — мелкая монета, равная $\frac{1}{8}$ фанама.

¹² М а н — мера веса (главным образом сыпучих тел), различная в разных местностях Индии.

¹³ Правильно: с е р — мера веса, различная в разных частях Индии, но составляющая всегда $\frac{1}{40}$ мана.

¹⁴ Л о к о т ь (coudée) — старинная французская мера длины, равная примерно 0,45 м.

¹⁵ К о р о л е в с к а я п я д ь — старинная французская мера ($\frac{1}{12}$ длины королевской ноги), равная примерно 2,5 см.

¹⁶ П ь е — старинная французская мера длины, равная 0,3 м.

¹⁷ Т о п а с ы — метисы, рожденные от португальца и индийки, обычно христиане по религии. Служили как в артиллерии, так и в пехоте, где были вооружены ружьями.

¹⁸ Правильно: Сурат — крупный в те времена порт у входа в Камбейский залив.

¹⁹ В этот период Сурат был под властью англичан, но формально во главе его стоял наваб.

²⁰ Правильно: Махи — французская фактория на побережье Южной Каннары.

²¹ Речь идет о Ж. Дюплексе, губернаторе французских владений в Индии в 1741—1754 гг., который первым пытался превратить Индию в колонию.

²² Правильно: Махисур («Город буйвола»). Ныне пишется Майсур. До 1610 г. был столицей.

²³ Правильно: Бенгалуру («Город бобов»). В 1761 г. Хайдар Али вместо глиняных построил каменные стены этой крепости.

²⁴ П и е д а, или п а й е д а, — стражники, пехота.

²⁵ Правильно: к а й д у к — длинное фитильное ружье, дуло которого при стрельбе ставили для устойчивости на треногу.

²⁶ Правильно: р и с а л а — отряд нерегулярной конницы. Автор, однако, везде в своей рукописи имеет в виду отряд пехоты.

- ²⁷ Автор имеет в виду ракетчиков.
- ²⁸ Правильно: к а л л а р (тамилск.—воры) — примитивное племя, кастовым занятием которого было воровство.
- ²⁹ Моголами называли в то время мусульман из Северной Индии.
- ³⁰ Имеется в виду Хайдар Али.
- ³¹ Кого здесь имеет в виду автор, неизвестно. «Неро», вероятно, означает «наир».
- ³² Правильно: к о с — индийская мера длины, варьирующаяся в различных районах Индии и равная примерно 3—4,5 км.
- ³³ Автор имеет в виду Хюгеля.
- ³⁴ Кифера — так в древности назывался о-в Кипр, прославившийся культом Афродиты (Венеры).
- ³⁵ Б р а м и н к а м и автор называл индусок.

Г л а в а III

- ¹ Правильно: Типу Султан, впоследствии правитель Майсура.
- ² М у ш к е т о н — тяжелый мушкет с раструбом на конце.
- ³ Эта характеристика пристрастна и несправедлива.
- ⁴ Правильно: Махдум Сахиб.
- ⁵ Правильно: Исмаил Сахиб.
- ⁶ Правильно: Мир Файзулла-хан. В действительности он был сыном одного из джагирдаров в Мальве и зятем Дилавар-хана, владетеля Сиры. На службу к Хайдару Али он поступил после ссоры со своим тестем.
- ⁷ Правильно: Раджа Сахиб, сын Чанда Сахиба, французского ставленника на престоле Арката.
- ⁸ Речь идет о 1771 г.
- ⁹ Правильно: Мир Али Риза-хан. Вероятно, его звали сокращенно Мир Сахиб.
- ¹⁰ Правильно: Лала Миян.
- ¹¹ Автор, вероятно, имеет в виду мусульманского военачальника на службе у маратхов.
- ¹² См. ч. II, гл. III, прим. 14.
- ¹³ Эта фраза перенесена из «Путешествия в Азию». В настоящей работе писем такого содержания нет.
- ¹⁴ Правильно: Уджджинапа.
- ¹⁵ Правильно: коменданты крепостей.
- ¹⁶ Правильно: индийцы — командиры отрядов.
- ¹⁷ Правильно: с а р к а р — правительство, власти.
- ¹⁸ Р а к к, чаще а р а к — водка из пальмового сока.
- ¹⁹ Неизвестно, что имел в виду автор. Может быть, т а р и — спиртной напиток из пальмового сока, который англичане называли «тодди».
- ²⁰ Другое написание автором имени Махдум Сахиб.
- ²¹ Правильно: Банкипур. Эту крепость Хайдар Али отвоевал у маратхов в 1764 г.
- ²² Под «маврами» европейцы в Индии подразумевали индийских мусульман.
- ²³ Правильно: ч а б у к — гибкий хлыст, шпицрутен.
- ²⁴ Чаще употребляется форма «к о р н а к» — так называли погонщика слонов; вероятно, искаженное кари (санскр. слон), наик (начальник, главарь). Англичане обычно применяли для погонщи-

ка слонов слово «махоут» (от хинди: махават), перенятое ими из Бенгалии и Северной Индии и вошедшее в европейскую литературу об Индии.

²⁵ Видимо, под «су» автор понимает мелкую индийскую монету, вероятно $\frac{1}{2}$ кашу, т. е. $\frac{1}{16}$ господствовавшей в Майсуре денежной единицы — фанама.

²⁶ Правильно: тамтам. Однако французы в Индии в XVIII в. называли так не барабан, а гонг. Поэтому автор сравнивает этот инструмент с тамбурином.

²⁷ Возможно, что Гюго имел в виду медные рожки, которые изображены на гравюрах французского натуралиста Соннера, путешествовавшего по Южной Индии в 1774—1778 гг. (Sonnerat. Voyage aux Indes Orientales... depuis 1774 jusqu'en 1781. T. II. Paris. 1782, tab. 13, 15, 16). Они изогнуты полукругом, с раструбом на конце и часто перехвачены в четырех местах металлическими обручами, напоминая действительно какую-то личинку.

²⁸ Язычниками европейцы называли индусов.

²⁹ Обычно применяется форма «пиндари». Это нерегулярные части войск (пехоты или чаще конницы), не получающие платы, но живущие грабежом и разоряющие территорию противника. Пиндари получили наибольшее распространение в маратхских армиях.

³⁰ Автор имеет в виду грабеж сельских жителей на территории противника.

³¹ Автор имеет в виду Афганистан.

³² Автор ошибочно говорит об Азии, имея в виду Индию.

³³ На знамени европейского княжества Брауншвейг изображен скачущий конь.

³⁴ Калибр в то время определялся весом ядра (в Европе в фунтах).

³⁵ В Южной Индии танцовщицы назывались девадаси. Слово «баядерка» (искаженное португ. байладейра — танцовщица) применялось главным образом французскими авторами и от них перешло во все европейские языки.

³⁶ Речь идет, очевидно, о так называемых конских бобах, но из какого языка взято слово «кулон», установить не удалось.

³⁷ Правильно: м а с а л а — приправа.

³⁸ Очевидно, искаженное имя Мухаммад.

³⁹ Автор имеет в виду чаутх и сардешмукхи — поборы, взимаемые маратхами с бывших могольских областей в Южной и Центральной Индии. Чаутх составлял официально $\frac{1}{4}$, а сардешмукхи — $\frac{1}{10}$ налогов, собираемых с этих областей.

⁴⁰ Правильно: Мухаммад Али — правитель Арката.

⁴¹ Автор имеет в виду Низама Али, правителя Хайдарабада, Суба, или субаб — так французы в XVIII в. именовали субадара, т. е. могольского наместника провинции. Первый правитель княжества Хайдарабад носил в 1713—1748 гг. титул субадара Декана.

Г л а в а IV

¹ Т. е. мыса Доброй Надежды.

² Правильно: Фолс-Бэй — самая крупная гавань Кейптауна.

³ Французский полк, расквартированный в то время на Иль-де-Франсе.

⁴ Ныне Кейптаун.

Глава V

¹ Иль-де-Франс (ныне о-в Маврикий) в 1712—1810 гг. принадлежал Франции. После падения Пондишери в 1761 г. стал превращаться в центр французских владений в Индийском океане и на побережье Индии. Этому особенно способствовал Шуазель в 1758—1770 гг., когда он вершил политику Франции. После падения Шуазёля центральное управление французскими поселениями в Индийском океане вновь перешло к Пондишери, возвращенному Франции в руинах в 1765 г.

² Б. Ф. Лабурдонне был в 40-е годы XVIII в. губернатором Иль-де-Франса.

³ Вероятно, здесь подразумевается английский генерал-губернатор У. Хейстингс.

⁴ О-в Родригес (из группы Маскаренских островов) в Индийском океане площадью 109 кв. км был подчинен Иль-де-Франсу.

⁵ Один из самых крупных 34 Сейшельских островов, площадью 40 кв. км. В 1768—1794 гг. Сейшельские острова принадлежали Франции и подчинялись о-ву Иль-де-Франс.

⁶ Один из Сейшельских островов.

⁷ Эрман был одним из совладельцев железоделательных мастерских на Иль-де-Франсе. В «Путешествии в Азию» Гюго писал: «Там несколько сотен негров, занимающихся всякого рода работами, имеют отношение к железоделательным мастерским. Несколько белых, а также свободных негров возглавляют цеха. Г-н Эрман наблюдает за всем этим. По праздникам и воскресеньям всех чернокожих собирают, и под наблюдением бывших сержантов они занимаются военными упражнениями и обучаются обращению с оружием. Прodelывают они это достаточно четко, поскольку у них есть к этому склонность и их хозяин хорошо с ними обращается. К тому же они лучше одеты и лучше питаются, чем другие чернокожие. Если враг вздумает начать нападение со стороны железоделательных мастерских, его встретят подобающим образом».

⁸ Французы часто давали эти названия, означающие «Убежище» и «Мое удовольствие», замкам и домам знатных лиц.

⁹ Правильно: мунг (хинди) от мудга (санскр.) — мелкий горошек, то, что в Средней Азии называется «маш».

¹⁰ Правильно: батат — сладкий картофель.

¹¹ Речь, вероятно, идет о Порт-Луи.

¹² Какое место на острове называлось столь романтично, не установлено.

¹³ Ныне бухта Гранд-Ривер, на восточной стороне острова.

¹⁴ Правильно: паттамар — распространенное на западном побережье Индии небольшое индийское судно с одной — тремя мачтами и треугольными парусами. Паттамары имели хороший ход и служили главным образом для посылки донесений.

Глава VI

¹ Какую именно дикую птицу имеет в виду автор, не установлено.

² Правильно: махуа (хинди) — дерево типа дуба.

³ Вероятно, автор имеет в виду дерево кайолак, красного цвета.

⁴ Так назывался Йемен. Йемен означает «по правую руку», т. е. благословенный. Поэтому еще от римлян пошло название *Arabia felix* — Счастливая Аравия. Гюго, видимо, весь Аравийский полуостров называл «Счастливой Аравией».

⁵ Имеется в виду правитель Йемена, носивший полный титул Саид Имам из Саны.

⁶ Граф Анри д'Эстен (1729—1794) — французский адмирал, воевавший против англичан в Индийском океане и в Америке.

⁷ Правильно: Рас-эль-Хадд — самый восточный пункт Аравийского полуострова.

⁸ Здесь ссылка на пятое письмо из рукописи «Путешествие в Азию», озаглавленное: «Отъезд с Иль-де-Франса в Аравию, описание севера Мадагаскара, архипелага, Маската, нравов, обычаев и религии арабов, их сухопутных и морских сил, торговли Маската, Моки, Бетельфани, Гомеруна, или Бендер-Аббаси, и Суратта».

⁹ В а к и л — букв. «представитель», в данном случае представитель имама.

¹⁰ Н а н к о й называлась ткань из некрашеного хлопка желтовато-коричневого оттенка, первоначально происходившая из г. Нанкина (Китай).

¹¹ Правильно: Басра — порт на р. Шатт-эль-Араб.

¹² Правильно: Моха — порт на Красном море.

¹³ Возможно, что речь идет о юфти, или, как ее иногда называли в те времена, «боргаме».

¹⁴ А с а ф е т и д а — лекарственное растение с вязким соком и неприятным запахом.

¹⁵ Кофе с о-ва Бурбон (ныне о-в Реюньон, один из Маскаренских островов в Индийском океане). В то время кофе было основным предметом экспорта с о-ва Бурбон.

¹⁶ Правильно: Бейт-эль-Факих — город вблизи порта Холейда на Красном море. В те времена славился как главный рынок кофе.

¹⁷ Правильно: Гамрун — прежнее название порта Бендер-Аббас на берегу Персидского залива.

¹⁸ Правильно: Кешм — крупный остров в Персидском заливе.

¹⁹ Так европейцы называли индийских купцов (от гуджаратского «ваньо» — торговец).

Глава VII

¹ Вопреки названию главы, о Карваре здесь ничего не говорится.

² Многоточие у автора. То же и в «Путешествии в Азию».

³ Правильно: Чапора.

⁴ Первоначально это была мусульманская мечеть; португальцы ее перестроили и превратили в монастырь.

⁵ Правильно: Мармагон.

⁶ Правильно: Сальсете. Эта местность, за исключением небольшого, примыкающего к территории Гоа отрезка, была отнята у португальцев маратхами в 1739 г. В 1774 г., когда писались «Записки об Индии», Сальсете была уже захвачена англичанами.

⁷ Под «белым духовенством» понимались священники, не являющиеся членами религиозной организации — ордена или монастыря.

⁸ Во время написания этой рукописи якобинцами называли доминиканских монахов, поскольку они занимали с начала XIII в. монастырь св. Якова в Париже. Позднее, во время Французской революции, в этом монастыре был политический клуб революционеров, которых в насмешку прозвали якобинцами. Это название и укрепилось за ними.

⁹ В своем «Путешествии в Азию» Гюго уточняет: «Полковник носит трость, кончик которой украшен золотом нескольких оттенков, а на рукоятке — двойные золотые полосы. У подполковника кончик трости позолочен. У майора — с узором из серебряных пересекающихся линий. Капитан носит трость с восьмиугольным серебряным концом. У поручика кончик трости из слоновой кости, а у рукоятки трость опоясана небольшим серебряным кольцом. У трости прапорщика — кончик из кокосового ореха».

¹⁰ От арабского «кафир» — неверный. Так арабы прозвали негров, не принявших мусульманство. Португальцы переняли это название от арабов, а с португальского оно вошло во все европейские языки.

¹¹ П и а с т р ы — старинная испанская монета. П и а с т р ы г у р д (португ. gordo) — более мелкие пиастры, стоившие примерно половину больших.

Г л а в а VIII

¹ Порт, принадлежавший в то время пиратам Ангрии (см. прим. 3); расположен примерно на полпути между Гоа и Бомбеем.

² Л а с к а р — вначале подразумевался местный солдат, впоследствии этим словом стали обозначать матросов-индийцев. Очевидно, Гюго использует здесь это последнее значение.

³ Ангрия — маратхский род, возглавлявший маратхский флот при Самбаджи, сыне Шиваджи (конец XVII в.). Задачей Ангрии была защита маратхской морской торговли и борьба с португальцами и другими европейскими соперниками. Основатель этого рода, Каноджи Ангрия, стал настолько могущественным, что в начале XVIII в. считался независимым князем. Однако из-за пиратских действий у рода Ангрии произошли столкновения с европейскими компаниями, в частности с англичанами. В 1756 г. адмирал Уотсон и полковник Клайв взяли Герию, столицу и крепость Ангрии, и разорили ее. Однако могущество рода Ангрии было сломлено не окончательно, и во времена К. Гюго Рагходжи Ангрия не только продолжал пиратствовать на море, но и заключал договоры с Гоа как независимый правитель.

⁴ Правильно: Виджаядург (или Герия) — столица пиратов Ангрии. Там была одна из лучших гаваней на западном побережье Индии.

⁵ Правильно: Камбаят, или Камбхат (в европейском произношении — Камбей) — некогда сильное приморское государство. При К. Гюго — небольшое независимое княжество. Падение могущества Камбхата объяснялось тем, что португальцы, построив свои порты по обе стороны входа в Камбейский залив, препятствовали прохо-

ду в Камбхат торговых судов других наций, а также и тем, что гавань Камбхата стала недоступной для крупных судов из-за больших отложений ила.

⁶ Правильно: Туттукудди (европейцы называли его Тутикорин). В 1648—1782 гг. Туттукудди, крупный в то время порт на юге восточного побережья Индии, принадлежал голландцам, так что кого подразумевал автор под «королем Татокорина» — непонятно.

⁷ Правильно: Тируванкур — княжество в самой южной части Индии.

⁸ Правильно: на иры — господствующая воинская каста Малабарского побережья. Хайдар Али разбил индусов-наиров и захватил Каннару и Малабар.

⁹ Флейта — парусное транспортное судно.

¹⁰ В «Путешествии в Азию» Гюго дает объяснение слову «камнемет» (pierrier): «Огнестрельное метательное оружие, похожее на пушечку, с тем отличием, что оно стоит на железных подпорках, вделанных в отверстия, выдолбленные для этого в разных местах в бортах судна».

¹¹ Автор имеет в виду применявшиеся тогда многоствольные пушки.

¹² В те времена иногда делали ядра, скрепленные по несколько штук штангой или цепью для обеспечения большей площади попадания.

¹³ Конканом в то время называлось побережье между Гуджаратом и Гоа.

¹⁴ Имеются в виду подданные рода Ангрии.

¹⁵ В тексте: Boncelots. Это искаженное «Бхонсле» — название династии Шиваджи, первого государя маратхов. Европейские путешественники в Индии принимали это слово за название касты или племени. Так, в 1763 г. англичанин Фрайер писал о касте бонунсло (Bonceloes), к которой принадлежал Шиваджи. Француз Соннера в 1782 г. поместил в перечислении княжеств «Бонзоло» (Bonzolo).

¹⁶ Вероятно, автор имеет в виду пиратов из Малвана — одного из главных военных портов Шиваджи.

¹⁷ Возможно, Гюго имеет в виду владельцев мелких индийских судов, иногда получавших разрешение (каул) присоединиться к пиратским операциям Ангрии.

¹⁸ Один из небольших островов у побережья Южной Каннары.

Глава IX

¹ Хосдург — незначительное поселение на побережье Кералы. Во времена Хайдара Али Хосдург имел военное значение и был довольно крупным фортом.

² Здесь и далее автор повторяет данные, уже изложенные им в гл. II.

³ Вероятно, Гюго имеет в виду либо Манджешвар, либо Мангалапади — две небольшие деревни, находящиеся на дороге из Мангалура в Кумбала.

⁴ Правильно: Кумбала.

⁵ Правильно: Касарагод — ныне небольшая деревня.

⁶ Правильно: тони (тамильск.) — большая рыбацья плоскодонная лодка.

⁷ Правильно: Бекал. Во времена автора это был большой форт, построенный в середине XVII в. правителем Бидуруру; теперь — небольшая деревня.

⁸ Правильно: Калинади. Имеется в виду небольшой залив, образуемый устьем реки того же названия.

⁹ Правильно: Эли-Мала — Высокая гора (малаялам). Португальцы прозвали эту бросающуюся в глаза с моря вершину, находящуюся неподалеку от Кананнура, Монт-д'Эли (англичане стали произносить Маунт-Дели). У Гюго встречается и написание Монт-дели. Эли-Мала была той частью индийской земли, которую увидел Васко да Гама, когда впервые подплыл к Индии.

¹⁰ Правильно: Нилешвар, принадлежал младшей ветви раджей Чираккала. Ныне — небольшая деревня.

¹¹ Не найдено на карте.

¹² Не найдено на карте.

¹³ Правильно: Валарпаттанам — деревня в княжестве раджей Чираккала, расположенная в устье р. Талипарамба. Отсюда сплавляли сандаловое дерево в Каннанур.

¹⁴ Правильно: Рамтилли — деревня в княжестве Чираккал.

¹⁵ Правильно: Чираккал. Княжество Чираккал было наследником крупного княжества Колаттири (у Гюго ниже — Коластри) со столицей в Каннануре. Во времена Гюго во Франции было принято называть правителя по имени его страны, как, например, Великий Турок или просто Турок (*le Grand Turc*, *le Turc*). Так и Шерикелем Гюго называет правителя этого княжества.

¹⁶ Правильно: Коттаям, неподалеку от Таличери.

¹⁷ Саморин, или заморин, — так европейцы произносили малаяламское слово «самутири» («правитель моря»), титул правителей княжества Кожикод (Каликут) на западном побережье Индии.

¹⁸ Имеется в виду Калиот — городок, стоявший на притоке Чандрагири.

¹⁹ Правильно: Дхармадам, остров в русле реки Этакадава (не реки Дермапатам, как у Гюго).

Глава X

¹ Правильно: Коямпуттур (в написании европейцев — Коимба-тор) — стратегически важный город, расположенный между двумя горными перевалами на дороге, ведущей из Майсура к Малабарскому побережью.

² Правильно: раджпуты — военная каста в Северной Индии. Некоторые группы в Южной Индии также причисляли себя к раджпутам. Раджпуты в XVIII в. считались хорошими и верными воинами.

Глава XI

¹ Сорт ликера.

² Правильно: тивар, или тийан, — ремесленники, мелкие торговцы или арендаторы. Тийаны считались высокой малаяльской кастой.

³ Правильно: Чандранагар («Лунный город») — ранее крупная французская фактория в Бенгалии. Однако после завоевания Бен-

галии англичанами значение Чандранагара для французов сильно уменьшилось, так как англичане чинили препятствия французской торговле, запрещали строить укрепления и притесняли французских купцов.

⁴ Ж.-Б. Шевалье был в 1767—1778 гг. губернатором Чандранагара и, пытаясь улучшить положение этого французского владения, старался сохранять дружественные отношения с английскими властями в Калькутте. Однако это ему плохо удавалось. В 1778 г. Чандранагар был внезапно захвачен англичанами, а сам Шевалье попал к ним в плен.

⁵ Во время отсутствия Пико, уехавшего в отпуск в ноябре 1773 г., Дюпра был губернатором Маэ. Поскольку после поражения при Мелукоте Хайдар Али какое-то время не представлял значительной силы в Индии, на престол Кожикоду вернулся изгнанный Хайдаром самутири. Он обратился за помощью к французам в Маэ, и Дюпра легкомысленно пообещал ему поддержку. В начале 1774 г. Дюпра двинулся в Кожикоду во главе отряда из 100 человек с тремя пушками. Однако, когда к Кожикоду подошла крупная армия Хайдара Али под началом Шриниваса Рао, Дюпра пришлось с позором возвратиться в Маэ, самутири же бежал. Кожикоду вновь стал владением Майсура. Этот поступок Дюпра, совершенный без согласия властей Пондишери, сильно испортил франко-майсурские отношения.

⁶ Правильно: Карайккал («Рыбный пролив») — принадлежавший французам обширный сельскохозяйственный район на Коромандельском побережье, снабжавший Пондишери продовольствием.

Глава XII

¹ Л и н и я — старинная французская мера длины, равная 2,25 см.

² Гюго имеет в виду «Философские письма» Вольтера, конфискованные и сожженные по распоряжению правительства. Поэтому он слегка изменяет название запрещенной книги. Однако несколько ниже в тексте он опять спорит по тому же вопросу с «одним современным автором» и в скобках своей рукой вписывает «Вольтер».

³ Гюго ошибался: полиандрия у наиров зафиксирована многими исследователями.

⁴ Правильно: к ш а т р и я — древнеиндийское сословие воинов и правителей.

⁵ Правильно: н а м б у д и р и — малабарские брахманы.

⁶ Многие маппилы были исмаилитами, и поэтому Гюго называет их раскольниками.

⁷ Правильно: п а р а й а н — низкая малаяльская каста, состоящая из работников и батраков.

⁸ Правильно: м у к к у в а н.

⁹ Правильно: м а л и — садовники и батраки.

¹⁰ Правильно: п у л а й а н — неприкасаемые.

¹¹ На похоронах во время обрядов, связанных с культом предков, в Китае жгли сандаловые курительные палочки.

¹² Речь идет о владениях, которые самутири (заморин) обещал Франции за военную помощь в войне с Хайдаром Али.

Глава XIII

¹ Во главе Танджавура (у европейцев — Танджор) с 1674 г. находилась маратхская династия Бхонсле. Танджавур платил дань навабу Арката Мухаммаду Али, ставленнику англичан. Желая освободиться от растущего английского влияния, правитель Танджавура провел переговоры о помощи с Хайдаром Али. Под предлогом того, что Танджавур не доплатил дани Мухаммаду Али, английская армия, будучи союзником наваба Арката, оккупировала Танджавур до 1776 г., когда прежнему радже возвратили разграбленные за это время владения. К. Маркс характеризовал это как «скверную историю с Танжором» («Хронологические выписки по истории Индии», с. 86).

² Автор имеет в виду Сирадж-уд-доула, последнего независимого наваба Бенгалии, выступившего против англичан. Он был убит еще в 1757 г. Мир Джафаром, английским ставленником, навабом Бенгалии. Очевидно, вести из Бенгалии доходили до К. Гюго с большим опозданием.

³ Очевидно, источником этих сведений были слухи о том, что наваб Сирадж-уд-доула был схвачен переодетым в женское платье.

⁴ Речь идет, по-видимому, о французском авантюристе Сен-Любене (St. Lubin), который служил у Хайдара Али в 1767 г. Когда началась война с англичанами, он перебежал к ним и поселился в Мадрасе. В 1770 г. оказался в Париже и сумел войти в доверие к министру военно-морских сил и колоний Сартину. Выдавая себя за «бывшего генерала Хайдара Али» и беззастенчиво приписывая себе разные военные и дипломатические подвиги, Сен-Любен получил доступ ко всем французским мемуарам об Индии и сумел навязать свои взгляды французскому министерству. Сен-Любен презрительно отзывался о Хайдаре Али и предлагал заключить союз с маратхами. Позднее, в 1777 г., для осуществления этих проектов он был послан с секретной миссией в Пуну, где пробыл до 1778 г., когда был изгнан из маратхских владений по требованию англичан, всерьез принявших его авантурные планы заключения франко-маратхского союза. Вся эта глава К. Гюго направлена против политики Сен-Любена.

⁵ Гюго, вероятно, имеет здесь в виду Хюгеля.

⁶ Речь идет о Дюпра.

⁷ Речь идет о Парижском мире 1763 г., в результате которого было закреплено господство англичан в Индии. Франция сохранила в Индии только пять городов.

⁸ Имеется в виду конфедерация маратхских княжеств — Махараштры, Берара, Индура, Гвалиура и Бароды.

Часть II

Глава I

¹ Правильно: Санту-Жоан — небольшой мыс близ Дамана.

² Правильно: Гуджарат; в XVII в. — провинция Могольской империи. В 70-е годы XVIII в. принадлежала маратхскому правителю — гаеквару Бароды.

³ Чулки в то время были у европейцев принадлежностью мужской одежды.

⁴ У Гюго ошибочно Rio genepe вместо R o de Janeiro (Рио-де-Жанейро).

⁵ Правильно: Коччи (у европейцев — Кочин); этот город принадлежал голландцам с 1663 г.

⁶ Правильно: Коттаналур («Деревня западного дворца») (у европейцев — Кранганор). В XVI в. был крупным портом. Это было первым на индийской территории местом поселения христиан и евреев. Когда в 1523 г. Коттаналур был захвачен португальцами, он уже переживал период упадка. Коттаналур стал голландским в 1662 г., но после разрушения его Типу Султаном в 1790 г. это место уже не обозначалось даже на самых подробных картах.

⁷ Река, впадающая в залив близ г. Кочина, называлась Перияр («Большая река»).

⁸ Правильно: Нагапаттанам («Город змей»): был самым ранним португальским поселением на Коромандельском побережье. В 1660 г. его захватили голландцы, и до 1781 г. он считался центром их владений в Индии.

⁹ Правильно: Мачхлипатан («Рыбный город») — в прошлом весьма крупный порт на Коромандельском побережье. Он был объектом вооруженных столкновений между англичанами и голландцами и не раз переходил из рук в руки. В 1750—1759 гг. находился во владении французов, а с 1759 г. стал английским портом, но большого значения уже не имел.

¹⁰ Имеется в виду генерал-губернатор Нидерландской Индии.

¹¹ Правильно: е д л е р — знатное лицо.

¹² Правильно: Пегу — государство и столица монов (таиланг) в Бирме в древности. Ко времени написания этой рукописи Пегу был захвачен бирманским государством Авой. С тех пор Пегу стал постепенно терять свое значение как центр бирманской морской торговли.

¹³ Высший орган власти в Нидерландах.

¹⁴ Правильно: Чалакуди — ныне деревня, расположенная неподалеку от Коттаналура.

¹⁵ Правильно: Коллам (у европейцев — Килон). С 1662 г. был голландским владением.

¹⁶ Правильно: п а т а н ы. Так называли в Индии мусульман, пришедших из афганских земель, и их потомков.

¹⁷ Беллона — богиня войны у древних римлян.

¹⁸ Правильно: м а ш а к (хинди) — кожаный мешок, в котором в индийской армии носили воду. Автор хочет сказать, что эти воины были убиты.

¹⁹ Правильно: Васай («Поселение») (у европейцев — Бассейн). Первоначально принадлежал независимому государству Гуджарат, с 1534 г. находился под господством португальцев, в 1739 г. захвачен маратхами и стал центром их владений, расположенных между реками Банкот и Даман. Позднее, в 1780 г., Васай был временно (на два года) захвачен англичанами и окончательно перешел к ним только после завоевания всех маратхских владений в 1818 г.

²⁰ У Гюго senot, правильно: senau. Французское произношение голландского snaauw (снау) — род брига.

²¹ Имеется в виду Калькутта.

²² Латинская фраза, означающая: «Лучше всего было бы воспользоваться чужим безумием».

²³ Установить, какое место здесь подразумевается, оказалось невозможным. Ниже Гюго пишет это название через одно «л».

²⁴ Гюго пишет: *какег*, имея в виду *квакера*.

²⁵ Правильно: Анчутенно («Пять кокосовых орехов») (у европейцев — Андженго). Одно из первых владений англичан в Индии, приобретенное в 1684 г. Фактория и форт были построены в 1695 г. В первой половине XVIII в. Анчутенно имело довольно большое значение, но уже с конца XVIII в. пришло в упадок. В настоящее время это небольшой рыбацкий поселок.

²⁶ Правильно: Мадурай — некогда независимое княжество. В 40—70-е годы XVIII в. Мадурай последовательно было захвачено Майсуром, маратхами, английской Ост-Индской компанией и ее ставленником навабом Арката. В описываемый Гюго период в Мадуре, освободившемся от английского господства, происходила борьба между разными князьками и вождями.

²⁷ Правильно: Тируччираппалли — большая крепость на скале, считавшаяся ключом к Южной Индии. За эту крепость в 1749—1761 гг. боролись майсурцы и маратхи, а также французский и английский ставленники на трон Арката. По Парижскому мирному договору 1763 г. крепость Тируччираппалли отошла к Мухаммаду Али, навабу Арката, т. е. фактически к английской Ост-Индской компании.

Глава II

¹ Здесь автор имеет в виду касты.

² Вероятно, здесь автор под «мавром» понимает не индийского мусульманина, а араба. Судя по имени, Каприбек прибыл в Индию из турецких владений.

³ Речь идет о Парижском мирном договоре 1763 г.

⁴ Листья коричневых растений. Применялись в кулинарии, так же как лавровый лист.

Глава III

¹ Правильно: Фолклендские.

² Приказ о назначении Гюго капитаном был подписан Людовиком XV 2 июня 1769 г., но сам Гюго не получил его до отъезда из Франции. В своем «Путешествии в Азию» он приводит запись в дневнике, сделанную им на Иль-де-Франсе: «Я ожидал... приказа о присвоении мне чина капитана. Меня уверили, что я его получу. Однако он до меня так и не дошел. Вместо него я получил только королевское письмо, предписывающее мне служить под началом г-на Хюгеля в качестве кавалерийского лейтенанта, без жалованья. Неужели меня обманули?.. Все равно, мне не смогут бросить никакого упрека, я буду действовать до конца, что бы ни случилось. Своим упорством я хочу преодолеть свой рок».

³ Пескорой — рыба.

⁴ Дё-Пон — французское наименование небольшого немецкого княжества Цвейбрюкен на границе с Францией, которое до 1718 г.

принадлежало Швеции, затем до 1794 г. — немецким князьям, а в 1794—1814 гг. было аннексировано Францией.

⁵ Португальцы называли Панджимом или Нова Гоа самую новую часть Гоа.

⁶ Глашан считает, что под именем «Мэстр», возможно, подвизался французский авантюрист Сен-Любен (R. Glachant. *Histoire de l'Inde des Français*, с. 202), но тот в это время вел переговоры с маратхами и в Маскате быть не мог. Речь, вероятно, идет о Мэстр де ла Туре, впоследствии начальнике европейского отряда и артиллерии Хайдара Али. Мэстр де ла Тур выпустил в 1783 г. под инициалами М.М.Д.Л.Т. книгу о Хайдаре Али (M.M.D.L.T. *Histoire d'Ayder-Ali-Khan*, t. 1—2. Paris, 1783). В этой книге он сообщает, что в описываемое время был послан Хайдаром Али за пределы Майсура. Следовательно, он мог быть в Маскате. В 1783 г. он уже именовал себя генералом.

⁷ Пус — старинная французская мера для определения текущей жидкости, равная 13 л в минуту. В своем «Путешествии в Азию» Гюго следующим образом описывает это суденышко: «Оно имеет 52 пье длины, 28 — ширины и 10 — высоты... Нос нашего кораблика почти вровень с морем, а корма высоко поднята. Такова местная манера загружать судно. Корма этого судна представляла собой каюту из теса... Пол ее покрыт плетеными матами и старыми парусами. Там мы положили матрасы, и все девять лежали вперемешку. Наши сержанты, так же как и парикмахер, спали на ящиках с оружием... Нам было неудобно, мы не могли ни встать во весь рост, ни двигаться по каюте, поскольку в ней было всего 20 пье. Прогуливаться по судну было тоже нельзя, так оно было загромождено. Когда из-за дурного запаха нам приходилось выходить из каюты, сильная жара, от которой мы страдали, загоняла нас опять в тень, а тень была лишь там, где так плохо пахло. Таким образом, мы испытывали новые страдания, не имея, к несчастью, надежды на предстоящие удовольствия».

⁸ Автор имеет здесь в виду язык фарси.

⁹ В «Путешествии в Азию» этого эпизода нет. Напротив, там говорится, что, когда хозяин судна отправился на шлюпке к пиратам, он предупредил своих пассажиров, чтобы те не двигались, а не то им отрубят руки. Переходя на пиратское судно, Хюгель приказал Гюго не оказывать сопротивления пиратам, а с остальных взял слово, что они будут следовать примеру Гюго.

¹⁰ В «Путешествии в Азию» этого эпизода нет. Парикмахеры были необходимы, так как все европейские военные, как офицеры, так и солдаты, носили в то время парики. К тому же парикмахеры в армии выполняли также роль лекарей, а в кавалерии — и ветеринаров.

¹¹ В «Путешествии в Азию» Гюго объясняет слово «мантек»: «Так индийцы называют топленое масло». Однако на самом деле это слово не индийское, а португальское: *manteiga* — масло (любое).

¹² Правильно: *кари* — овощная, рыбная или мясная приправа к рису, излюбленное индийское блюдо. В другом месте рукописи написано ошибочно «каррис».

¹³ Из «Путешествия в Азию» видно, что Гюго по совету Пуара, интеллигента Иль-де-Франса (которого он очень хвалит), купил и взял с собой 200 ружей, которые потом продал в Хонаваре за

7800 ливров (т. е., по подсчетам самого Гюго, приведенным в гл. XI, за 3222 рупии). У остальных членов отряда не было, по свидетельству Гюго, и 50 экю.

¹⁴ Одичалой собакой Гюго называет шакала. Он следующим образом описал шакала в «Путешествии в Азию»: «Одичалаая собака, или жакар. Он похож на волка, собаку и лисицу. На первого он походит головой и зубами, на вторую — туловищем (он также спаривается с собаками), а на третью — шерстью и немного хвостом, а также тем, что он охотится по-лиси и почти так же хитер. Жакар ростом с европейского дога средней величины. Здесь их великое множество. В Маэ в течение первых трех-четырех ночей почти невозможно было уснуть из-за ужасных криков, которые эти животные испускают каждую минуту. Вся часть Индии, где я побывал, полна жакарами. Они следуют за армиями, как псы за пастухом. После сражения несчастные убитые вновь обретают жизнь в кишках этих животных; ведь здесь не в обычае предавать земле павших на поле битвы, и ни в одной из армий нет передвижных лазаретов. Несчастные раненые, оставшиеся на поле боя, тоже становятся жертвой этих животных». А французы ели кари из шакальего мяса! Бесшерстным бараном Гюго, вероятно, называл шакала из-за вкуса его мяса.

¹⁵ Обычно называемая чоултри (от санскр. чатурвата — перекресток).

¹⁶ Эта фраза перенесена из «Путешествия в Азию». В «Записках об Индии» Гримбах упоминается только здесь.

¹⁷ Амюзетта — род небольшой пушки (вес ядра — 0,5 кг), придаваемой пехоте.

¹⁸ Речь, видимо, идет о Годё — присланном из Франции директоре французской Ост-Индской компании. В 1754 г. он заключил в Индии позорный мир с англичанами, отдав им все завоеванные Дюплексом территории. Годё не был губернатором Пондишери, но как один из директоров французской Компании считался главным в этом центре Французской Индии и потому мог быть воспринят индийцами как губернатор. В своей книге Р. Глашан (с. 203) полагает, что Махдум Сахиб имел в виду Лалли, но это маловероятно: Махдум Сахиб пришел в 1761 г. из Майсура на помощь Лалли, проводя войска и обоз с продовольствием в осажденный англичанами Пондишери. После падения этого центра французов в Индии Махдум Сахиб принял нескольких французских офицеров, в том числе Хюгеля, на службу в Майсуре. На некоторое время он впал в немилость, так как выступал против союза Хайдара Али с англичанами.

¹⁹ Правильно: масалчи — факельщик.

²⁰ Кавальеры — насыпи для пушек.

²¹ Малое лье — старинная французская мера длины, равная 3 км.

²² Автор здесь имеет в виду мусульманок.

²³ Краской на тело наносится обозначение касты. Эта краска обычно обновляется после обеда, но не служит свидетельством того, что человек поел.

²⁴ Автор имеет здесь в виду индийских мусульман.

²⁵ Правильно: Тарикере, довольно крупный город, построенный и укрепленный местным вождем (палайяккаром) в 1659 г. Был столи-

цей мелкого княжества до 1761 г., когда оно было захвачено Хайдаром Али и включено в состав Майсура.

²⁶ Правильно: Арсикере, крепость, расположенная среди холмов, служащих ее естественным укреплением.

²⁷ Правильно: Холе-Нарсипур. Крепость была построена еще в XII в. и присоединена к Майсуру в 1667 г.

²⁸ Имеется, вероятно, в виду майсурский город Саклешпур.

²⁹ Правильно: Саккарепатнам — древний город с большим водоемом. До Хайдара Али принадлежал Бидуруру.

³⁰ Волы и быки, используемые в качестве тягловой силы в артиллерии Хайдара Али, были особой гуджаратской породы, отличающейся быстрходностью. Поэтому артиллерия у Хайдара была более маневренной, чем у его противников — англичан.

³¹ Видимо, Гюго имеет в виду Сиру, которую ниже он называет Ши́ра. Она была маратхским владением с XVII в. и не раз переходила из рук в руки при войнах маратхов с Майсуром (см. прим. 40).

³² Вероятно, имеется в виду Маддур или Магади. В обоих этих местах произошли столкновения во время описываемой маратхско-майсурской войны 1770—1771 гг.

³³ Правильно: Коллидам (у европейцев — Колерун) — приток р. Кавери.

³⁴ Речь идет об Абд-ул-Кериме, втором сыне Хайдара Али.

³⁵ В тексте: аипе — мера длины, равная 120 см.

³⁶ Вероятно, имеется в виду храмовая башня — шикхара.

³⁷ В тексте: *maréchaussée*. Так называлась конная жандармерия до Французской революции 1789 г.

³⁸ Имеется в виду Совет директоров английской Ост-Индской компании.

³⁹ Имеется в виду глава (пешва) маратхов Мадху Рао. Он действительно выступил в поход против Майсура, но из-за болезни вскоре вернулся в Пуну, и маратхской армией под Мелукотой стал командовать его военачальник Тримбак Рао.

⁴⁰ Речь идет, видимо, о г. Сира, принадлежавшем Хайдару Али с 1761 по 1766 г., а потом захваченном маратхами.

⁴¹ Вероятно, то же место, которое выше Гюго именовал Мартик. См. прим. 32 к этой же главе.

⁴² Нага́ра — большой индийский военный барабан.

⁴³ Поскольку старинная парижская унция составляла $\frac{1}{16}$ фунта, речь здесь идет, очевидно, об одной анна (т. е. $\frac{1}{16}$ мана). В Майсуре, по данным Ф. Бьюкенена, описавшего этот город в самом начале XIX в., мера веса в 1 анна равнялась 600—650 г.

⁴⁴ Т. е. в половине восьмого вечера.

⁴⁵ По словам Гюго в «Путешествии в Азию», Хюгель отдал все военное снаряжение Хайдару Али, начавшему восстанавливать свою армию после разгрома. К такому поступку Хюгеля побудила щедрость Хайдара Али, выплатившего ему лично после битвы при Мелукоте 8 тыс. рупий.

⁴⁶ По сообщению Стюарта, английского дезертира на службе Хайдара Али, порядок в армии Хайдара сохранялся до местечка Чинкуралли, где отступление под напором маратхской конницы превратилось в паническое бегство. (Приведено в кн.: N. K. Sinha. *Haidar Ali*, vol. I. Calcutta, 1941, с. 172.)

⁴⁷ Имеются в виду власти этого форта.

⁴⁸ Под «12 су» Гюго имеет, вероятно, в виду 6 кашу.

⁴⁹ Сен-Мало — город на побережье Бретани.

⁵⁰ Речь идет о Семилетней войне в Европе (1756—1763).

⁵¹ Правильно: гамак.

⁵² Имеется в виду перевозчик.

⁵³ Не найдено ни на картах, ни в справочниках.

⁵⁴ Речь идет о восстановлении Пондишери, разрушенного до основания англичанами в 1761 г., но возвращенного в 1765 г. французам, которые отстроили его вновь и восстановили как центр своих владений в Индии

⁵⁵ Малабарским языком тогда европейцы чаще всего называли тамильский, а не малаялам, поэтому трудно установить, какой из этих языков подразумевал автор.

⁵⁶ Речь идет об отставке герцога де Шуазёля.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К. А. Антонова. Клод Гюго и его «Записки об Индии» . . .	3
--	---

ЗАПИСКИ ОБ ИНДИИ

Часть I

Глава I. История жизни Андернека, позднее Айдер-Али-Кама	39
Глава II. О некоторых основных поселениях на побережье государства Айдер-Али-Кама	54
Глава III. О порядке, дисциплине и обычаях в армии Айдер-Али-Кама	65
Глава IV. Мыс Доброй Надежды и готтентоты	82
Глава V. Об Иль-де-Франсе	86
Глава VI. Об архипелаге к северу от Мадагаскара	92
Глава VII. О Гоа и Карваре	97
Глава VIII. О пиратах Малабарского побережья	101
Глава IX. Морские владения Набаба Айдер-Али-Кама	106
Глава X. О прежних владениях Компании на территории Али Раджи	111
Глава XI. О Маэ	118
Глава XII. О наирах	125
Глава XIII. Наше мнение об Айдер-Али-Каме	132

Часть II и последняя

Глава I. О других европейских владениях в Индии от Персидского залива до мыса Коморин	137
Глава II. Особые замечания о Карваре	152
Глава III. Краткое описание моего путешествия и некоторые сведения о внутренних районах Индии	156
Примечания	205

Клод Гюго

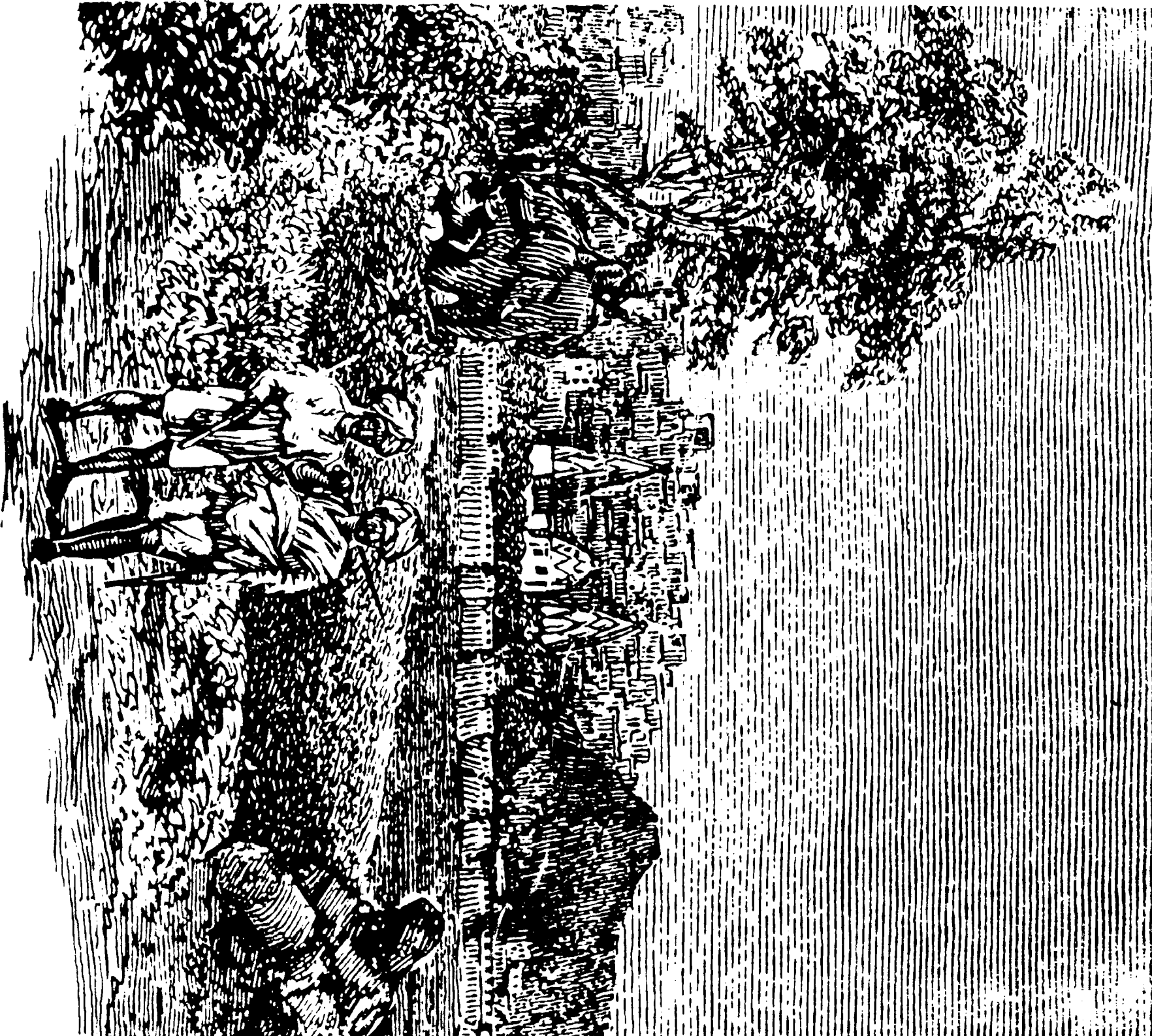
ЗАПИСКИ ОБ ИНДИИ

Редактор *О. М. Гармсен*. Младший редактор *С. П. Какачикашвили*. Художник *В. Захарченко*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Г. А. Дейгина*

Сдано в набор 8/XII-1976 г. Подписано к печати 25/IV-1977 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,11. Тираж 10 000 экз. Изд. № 3970. Зак 869. Цена 77 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 77 коп.